

Татьяна Зубачева

Аналогичный мир Земля Обетованная

Том четвёртый

18+

Татьяна Зубачева

**Аналогичный мир. Том
четвёртый. Земля обетованная**

«Автор»

2021

Зубачева Т. Н.

Аналогичный мир. Том четвёртый. Земля обетованная /
Т. Н. Зубачева — «Автор», 2021

В великом множестве и разнообразии обитаемых миров встречаются порой удивительные совпадения... Место действия — не Земля или не совсем Земля. Этот мир не хуже и не лучше любого другого «земного» мира. Может, он параллелен нашей Земле, а может, перпендикулярен... А может, это просто один из вариантов. Любой мир велик и безграничен для живущих в нём, конечно же, людей, называющих свою планету Землёй, а светило — Солнцем, и убеждённых в своей значимости и неповторимости. Но все миры схожи и история разных человечеств схожа, потому что закономерности развития планет и обществ при всём разнообразии форм схожи и аналогичны, иногда до мелочей. Однако аналогия — не тождество!

© Зубачева Т. Н., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Книга 9	5
Тетрадь шестьдесят шестая	5
Тетрадь шестьдесят седьмая	53
Тетрадь шестьдесят восьмая	94
Тетрадь шестьдесят девятая	144
Конец ознакомительного фрагмента.	184

Татьяна Зубачева

Аналогичный мир. Том четвёртый. Земля обетованная

Книга 9
Страсти по Андрею
122 год
Весна-Лето

Тетрадь шестьдесят шестая

Американская Федерация

Алабама

Колумбия

Открытие Новой Общедоступной школы – значительное событие. Настолько значительное, что готовились к нему заранее. Здание было построено, вернее, кардинально перестроено, в приличном районе, но недалеко от Цветного квартала, нашли учителей, согласных учить, не взирая на расу, и теперь предстояло набрать учеников. Об этом писали в газетах, говорили в церквях, судачили в лавках и спорили в барах. Дело-то неслыханное! Чтоб белые и цветные вместе учились! Писали, что примут всех, а экзамены только чтоб класс определить, что за неимущих платят мэрия и благотворители, а определяет кто? Заявку пишешь, и совет попечительский решает. А в совете-то, там кто? А... тут самым популярным был ответ: «Кто их знает?!» с разными модификациями и уточнениями. Готовились все. И волновались все.

В день приёмного собеседования детей с утра отмывали, причёсывали, одевали, давали последние наставления.

Ларри был уверен в Марке. И сам он с ним занимался, и пансион многое дал мальчику, и всё же... Ларри повязал перед зеркалом галстук, надел пиджак и оглядел сына. Марк стоял перед ним навытяжку, демонстрируя полную готовность. Брюки со стрелками, в ботинки можно смотреться, как в зеркало, белоснежная рубашка с нагрудными карманами с клапанами застёгнута на все пуговицы и повязан галстук-шнурок, чёрные кудряшки лежат ровной расчёсанной шапочкой. Ларри улыбнулся.

– Всё хорошо, Марк. Пора идти.

Их новый дом ещё только строился, и они по-прежнему жили у Майэллы, но все документы уже оформлены.

– Пап, – они уже шли по коридору, – а какой адрес мне называть, если спросят?

– Этот, Марк, – вздохнул Ларри. – Мы не завтра переедем.

Марк тоже вздохнул. Новый дом, а отец уже дважды брал его с собой смотреть, как идёт стройка, ему очень понравился. Даже было странно, что весь дом в два этажа, с подвалом и просторным чердаком будет только их. А ещё перед домом лужайка и маленький дворик сзади.

Дядюшка Пинки пожелал им удачи, не спросив, куда они – такие нарядные – отправились в субботу. А чего спрашивать, когда и так всё и всем известно и понятно.

Чем ближе к школе, тем больше вокруг родителей с детьми, и все шли в одном направлении. С некоторыми Ларри обменивался приветствиями. Марк тоже здоровался со знакомыми по пансиону. В просторном школьном дворе было уже тесно и стоял ровный тихий гул детских и взрослых голосов. Ни смеха, ни беготни. Белые и цветные старались держаться ближе к своим, но всё равно перемешивались.

Ровно в девять на крыльцо вышел директор школы – худощавый седой мужчина в очках с такими толстыми стёклами, что его глаза казались гораздо больше обычных, белый, но по толпе сразу пошёл быстрый шум, что этот, как его, ну, директор, был против Империи и рабства и чуть ли не в тюрьме сидел за это, а вот это уже брехня, живыми оттуда, кто против Империи, не выходили, а ну тихо вы... Директор заговорил, и наступила такая тишина, что каждое слово было слышно. Он поблагодарил пришедших и сказал, что дети сейчас пойдут в школу, в зал. Родители должны ждать во дворе. Списки по классам будут вывешены завтра в десять утра.

Марк снизу-вверх посмотрел на отца.

– Не беспокойся, пап, я справлюсь.

– Я знаю, – кивнул Ларри и отпустил руку Марка. – Удачи, сынок.

Марк старательно улыбнулся ему и очень решительно шагнул вперёд. Он шёл, выпрямившись, высоко подняв и даже чуть закинув назад голову, чтобы набухшие на глазах слёзы не выкатились наружу.

Белые и чёрные, мулаты и трёхкровки всех цветов, мальчики и девочки, подростки и совсем малыши, в хороших костюмах, нарядных платьицах и тщательно отстиранных, подшитых и заштопанных одеждах, лаковых туфельках и заплатанных башмаках, – все они поднимались по белым широким ступеням и скрывались за отмытыми до зеркального блеска дверями.

Негритянка в цветастой шали на плечах промокнула глаза зажатым в мозолистом кулаке платочком. Коренастый белый мужчина с сединой в желтоватых волосах, нервно ломая спички, закурил. Постепенно родители разбредались по двору, рассаживались на каменной ограде и скамейках на игровой площадке. Никто не ушёл.

Всех будущих учеников привели в большой, уставленный стульями зал. И когда они, настороженно косясь друг на друга и стараясь держаться рядом со знакомыми, расселись, их стали вызывать. Сначала увели всех малышей, которые шли в первый класс, потом вызвали белых подростков, которые раньше учились в других школах, потом... ещё, и ещё, и ещё... И наконец:

– Левине Маркус.

– Я, – встал Марк.

– В седьмой кабинет, – улыбнулась ему и ещё десятку цветных мальчиков примерно одного возраста белая немолодая женщина в очках – секретарь школы мисс Джулианс.

Седьмой кабинет ничем не отличался от класса в пансионе, даже учебные столы-парты такие же, и Марку стало легче. Они сели, как им сказали, по одному, и перед каждым положили ручку и несколько листов в линейку и в клеточку.

– Наверху пишете полностью фамилию и имя, – сказал им молодой светловолосый мужчина.

Марк достал свою ручку – подарок отца и к тому же свой инструмент надёжнее – и старательно склонился над листком.

Сначала писали диктант. Десять предложений. Вначале до смешного лёгкие, он такие ещё в имении писал под диктовку дяди Стефа, а потом посложнее, а два последних предложения

длинные, с длинными словами. В одном слове он был не уверен, но исправлять не решился, да и непонятно, что и как исправлять. Вот чувствует, что неправильно написал, а найти ошибку не может.

Написав диктант, отложили листы в линейку, взяли в клеточку и решали примеры и задачи. Двадцать примеров и три задачи. Здесь так же: первые очень лёгкие, а потом сложнее и сложнее. Последняя задача была очень хитрой, чтобы подобраться к ответу, пришлось три дополнительных действия сделать.

Сдавая свои листки, Марк заметил, что последнюю задачу решили не все.

После всего этого они вернулись обратно в зал. Малышей не было, и самых старших тоже. И сначала шёпотом, а потом всё смелее они стали разговаривать. Кто как написал какое слово, как решал задачи. Возвращались в зал ещё вызванные. Шум становился всё сильнее. А когда стали появляться старшие, пришла секретарь и по списку вызвала первую группу на собеседование. Попал в эту десятку мальчиков и Марк. С тремя из вызванных он вместе писал диктант и решал задачи, ещё двоих – Риччи и Дика – знал по пансиону. Четверо остальных были белыми.

В этом кабинете за длинным столом сидели директор и ещё учителя. Среди них Марк увидел того светловолосого, что диктовал им, и почему-то успокоился. Они сели за парты и выходили по одному к столу, рассказывали о себе и отвечали на вопросы. От волнения Марк плохо слушал, о чём спрашивают и что отвечают, от напряжённо ждал своей очереди.

– Молодец, садись, – отпустили на место рыжего мальчишку в новеньких ярко-голубых джинсах. – Следующий.

Следующим был Марк. Вздвогнув, он встал и вышел к столу.

– Назови своё полное имя.

– Маркус Левине, сэр.

– Ты уже учился в школе?

– Нет, сэр. Когда мы жили в имении, со мной занимался отец, и ещё дядя Стеф, а здесь я ходил в пансион мистера Эдуарда Хольмстона.

Одобрительные улыбочивые кивки. И Марк перевёл дыхание: пронесло. В начале-то он совсем по... по-детски сказал, только к концу фразы выправился. Потом его попросили назвать свой полный адрес, спросили, какие графства и штаты он ещё знает, а знает ли про океаны, горы и другие страны. Вопросы были лёгкие, и отвечал Марк уверенно и даже не удержался от лёгкого хвастовства:

– Я могу показать это на глобусе, сэр.

– Молодец, – рассмеялись в комиссии.

Ещё несколько вопросов, и его отпустили. Марк сел на место и перевёл дыхание. Кажется, он на все вопросы ответил правильно. Покосился на соседей. У стола теперь стоял Дик, отвечал правильно, только раз от волнения сбился и вместо «сэр» сказал «масса», но на него, похоже, не рассердились.

Дик отвечал последним. Когда он сел на своё место, встал директор.

– Спасибо, ребята. Вы все молодцы, отвечали очень хорошо. Теперь можете идти отдыхать, а завтра после десяти приходите смотреть списки. Вы всё поняли?

– Да... да, сэр, – закивали они вразнобой.

– Пройдёте налево по коридору и прямо в центральный холл. Не заблудитесь?

– Нет... нет, сэр... до свидания, сэр...

Они дружно повскакали с места, едва директор кивнул, и вылетели, толкаясь, за дверь, даже не расслышав смеха за столом комиссии.

По коридору и холлу они пробежали все вместе, уже не разбираясь, кто какого цвета, и только во дворе остановились, выглядывая родителей.

– Папа! – Марк со всех ног кинулся к отцу.

Ларри встал ему навстречу, обнял.

– Ты в порядке, сынок?

– Да, – Марк прерывистым вздохом перевёл дыхание. – Пап, я всё решил. И написал, и на вопросы ответил.

– Молодец, – Ларри погладил его по голове.

– Пап, я в одном слове не знаю...

– Давай посмотрим, – Ларри достал из кармана блокнот с ручкой и дал Марку. – Ну-ка, напиши.

Марк, даже не обратив от волнения внимания, что отец разрешил ему взять свой инструмент, старательно написал то слово. Получилось криво: он ещё не умел писать на весу. Посмотрев, Ларри вздохнул и исправил. Целых две буквы!

– Папа...! – выдохнул Марк.

– Ничего, сынок, – Ларри спрятал блокнот и улыбнулся сыну. – Я думаю, это не страшно.

Марк уже спокойно вздохнул и огляделся. Народу во дворе стало заметно меньше. Ну да, списки завтра, сегодня чего ждать...

– Пойдём домой, пап?

– Как хочешь, – лукаво улыбнулся Ларри. – Сегодня твой день, решай сам.

Маршрут, включавший посещение кафе-мороженого, кино и чего-нибудь ещё, был у Марка уже давно продуман. И сейчас, идя рядом с отцом, он его излагал во всех подробностях. К его полному удовольствию, отец не только согласился, но и внёс целый ряд очень приятных дополнений.

Удовольствия начались прямо за школьной оградой, где как из-под земли появились тележки-лотки со сладостями, игрушками и всякой канцелярско-школьной мелочью. Рассмотрев всё очень внимательно, купили яркий мячик-головоломку и отправились за хорошим мороженым.

Марк шёл рядом с отцом, крепко держась за его руку и уже спокойно рассказывая об экзамене. Какой был диктант, какие примеры и задачи.

Хорошее кафе-мороженое находилось в этом же квартале. И Ларри решил рискнуть: вряд ли рядом с Общедоступной школой им откажут в обслуживании.

Люди часто думают одинаково. Ларри убедился в этом, увидев в кафе множество запомнившихся по ожиданию на школьном дворе лиц. Почти все, кому позволяли деньги, привели своих детей сюда поесть по-настоящему хорошего мороженого. Ларри и Марк остановились на пороге, выглядывая свободное место.

– Эй! – окликнули их.

Марк сразу узнал рыжего мальчишку, который отвечал перед ним. А окликнул их его отец, такой же рыжий и голубоглазый.

– Давайте сюда, – помахал он им, а когда они подошли, широко улыбнулся Ларри. – Гарольд Свенсон, можно просто Гарри.

– Лоуренс Левине, Ларри, – представился Ларри, отвечая на рукопожатие и усаживаясь напротив.

Покосившись на отцов, мальчишки одновременно протянули друг другу руки.

– Нильс.

– Марк.

Подошедшая к ним официантка сразу предложила фирменного шоколадного с кокосовой стружкой по три шарика, а мужчинам по коктейлю, тоже фирменных специальных праздничных. Они согласились.

– А повезло с погодой, – начал Гарри.

– Да, вы правы, – кивнул Ларри.

После нескольких фраз о погоде перешли на экзамены. Марк и Нильс помалкивали, наслаждаясь мороженым. Обсудив экзамены, что сложные, конечно, но в меру и по силам, отцы заговорили о политике. Оба сходились во мнении, что мэр важнее президента, а с мэром Колумбии повезло, поговорили и о футболе, что «Колумбийские ястребы» раскатают луизианских земноводных в лепёшку, те только назвались «Акулами», а так-то... Так, неспешно попивая коктейли – к удовольствию Ларри, весьма слабоалкогольные – они побеседовали, пока мальчишки доели мороженое, и, вполне дружески распрощавшись, расплатились и разошлись.

– Пап, – Нильс, когда они достаточно отошли от кафе, дёрнул отца за руку. – А чего ты с этим чёрным так?

Гарольд усмехнулся.

– Умный, сынок, никогда не будет ссориться с сильным.

– Он что? – не поверил своим ушам Нильс. – Сильнее тебя?! Ты ж ему так врезать можешь...!

– Сильнее, – вздохнул Гарри. – Мне на костюм, как у него, за год не заработать. Деньги – главная сила, запомни, – и повторил: – С сильным не ссорятся.

– И что мне, – Нильс обиженно надул губы, – с этим чёрным дружить, что ли?

– Можешь не дружить, – усмехнулся Гарри. – Он сам по себе, ты сам по себе. И всё.

Нильс кивнул, и дальше они шли молча.

После такого необыкновенного мороженого обедать совсем не хотелось. Марк так и сказал отцу, когда они вышли из кафе.

– Хорошо, – улыбнулся Ларри. – Обедать не будем.

– А теперь в кино?

– Как и решили.

Они уже подходили к Цветному кварталу. Излишества опасны – Ларри это хорошо знал и считал, что продолжать праздник лучше среди своих.

Возле кинотеатра они встретили почти всех цветных, кто был сегодня на школьном дворе. Разговоры, обсуждения...

– Ох, уж и не знаю, – качала головой негритянка в цветастой шали, державшая за руку маленькую смуглую девочку. – Как она там будет? С белыми-то...

– Ну, что вы, – мягко возразил Ларри. – Среди них есть очень приличные люди.

– Бывает по-всякому, – согласился с ним.

– Да уж, что мы – каждый наособицу, что они...

Очередь двигалась медленно, и, пока добрались до кассы, обсудили всё во всех деталях.

И кино было очень хорошее, про зверюшек, что жили в лесу, хотя иногда и ссорились, но от охотников друг друга спасали. Это ж надо, какое кино у русских, что детям, что родителям интересно.

На следующий день в школьном дворе опять не протолкаться. Многие пришли сразу после церкви и потому были в своей лучшей одежде. Марк и Ларри тоже «по-воскресному». Самому Марку, конечно бы, не пробиться к спискам, но отец, во-первых, выше всех, а во-вторых, знает, где искать.

– Мы записывались в третий класс, сынок. Вот и давай смотреть.

Всех классов было по два. Маркус Левине значился в третьем «А». А когда просмотрели весь вписок, нашли там и Дика, и Риччи, и Нильса Свенсона.

– Здорово, правда, пап?

– Конечно, – согласился Ларри.

Насладившись видом своей фамилии в списках, помогли разобраться другим и стали выдираться из толпы. Увидев Эдуарда Хольмстона, Ларри подошёл к нему. Поблагодарить

за отличную подготовку. Сдерживая счастливую улыбку, Хольмстон признательно склонил голову.

– Спасибо. Марк способный и был уже подготовлен. Я только отшлифовал.

– Я ювелир, – улыбнулся Ларри, – и знаю, что самый лучший камень мало стоит без умелой огранки и шлифовки.

– Ну, булыжник как ни шлифуй, бриллианта не получится, – ответно рассмеялся Хольмстон.

К Хольмстону подошли ещё родители – их дети, занимавшиеся в пансионе, так же удачно выдержали экзамен – и Ларри, ещё раз поблагодарив, распрощался и отошёл. Надо дать и другим поговорить.

Толпа у списков то редела, то снова сгущалась. Тут же познакомились и дети, и взрослые. Все классы оказались смешанными: девочки и мальчики, белые и цветные, а в некоторых классах и разновозрастные. Но ведь школа потому и называется «Общедоступной».

Стоя у окна, директор и учителя следили за этой толпой. Вчера они допоздна сидели, сортируя работы и свои записи, и распределяли учеников по классам, ломая головы, как сделать старшие классы не сплошь белыми: цветных детей с соответствующей подготовкой фактически не было. Ну что ж... Директор обернулся и оглядел свою команду, почти – он усмехнулся – боевое подразделение. Хотя, почему «почти»? Война продолжается, и до полной победы ещё далеко.

– Ну, надо выйти, поговорить. Вперёд?

Ему ответили кивками и улыбками.

Появление на крыльце директора и учителей вызвало мгновенное замешательство.

– Пап, – Марк дёрнул отца за руку. – Вон тот, это он нам диктовал. И в комиссии сидел, – и неуверенно предложил: – Подойдём?

Ларри посмотрел на высокого светловолосого юношу в строгом «учительском» костюме. Почувствовав его взгляд, тот обернулся. Они сразу узнали друг друга и одновременно пошли навстречу.

– Рад видеть вас, мистер Левине.

Он протянул руку, и Ларри свободно ответил на рукопожатие.

– Я тоже очень рад видеть вас, сэр. Мистер Кроуфорд?

– Да, совершенно верно, – Сидней улыбнулся стоящему рядом Марку, – Молодец, всё правильно решил и диктант очень прилично написал. Всего две ошибки.

Марк смущённо улыбнулся. А тут ещё выяснилось, что Сидней Кроуфорд будет заниматься как раз с их классом.

– Да, третий «А» – мой класс.

– Очень приятно, сэр.

Как-то незаметно, будто само собой, вокруг Кроуфорда собрался почти весь третий «А».

Сидней старался держаться как подобает учителю, и, судя по почтительным взглядам и обращениям, ему это удалось. Ещё только увидев списки предварительной записи, он обратил внимание на редкую фамилию Левине, а вчера убедился. Да, тот самый. И Ларри в госпитале говорил ему о сыне. Конечно, то, что Марк – вряд ли его зовут полным именем – попал в его класс, случайность, но... но всё предопределено свыше, как любит говорить мама, и он очень рад, что так случилось. Ему, как начинающему учителю, дали одновозрастной класс, чтобы ко всем трудностям не прибавлять ещё и разрыв в возрасте.

Вопросов было много, но Сидней, к счастью, знал, что отвечать. Что специальной формы для школы не нужно, а вот для занятий спортом костюм понадобится, что тетради, альбомы для рисования, карандаши... родители пытливно спрашивали о мелочах, таких важных и значимых.

Наконец, вопросы иссякли, и разговор закончился общим решением собраться уже, скажем, через неделю, чтобы выбрать, кто от их класса войдёт в попечительский совет школы, да, конечно, школа известит, позвонит или даже пришлёт письмо, адреса-то есть. И на этом распрощались.

– Пап, – рискнул спросить Марк, когда они отошли от школы, – а откуда ты его знаешь?

– В русском госпитале наши палаты были рядом, – улыбнулся Ларри. – Он очень хороший человек. Думаю, Марк, тебе повезло с учителем.

Марк кивнул.

Сидней вернулся в учительскую с такой радостной улыбкой, что директор понимающе рассмеялся.

– Удачно познакомились с классом?

– Да, сэр, – расплывался в улыбке Сидней. – Отличные ребята. И родители.

– Рад за вас, – кивнул директор.

Что ж, будем надеяться, что в третьем «А» и дальше всё будет в порядке. В окно он видел, как непринуждённо Кроуфорд обменялся рукопожатием с высоким негром и с остальными разговаривал свободно, без натуги.

– Вы молодец, Сидней.

– Спасибо, сэр, – улыбался Сидней.

Американская Федерация

Алабама

Графство Олби

Округ Краунвилль

«Лесная Поляна» Джонатана Бредли

После сумасшедшей гонки и напряжения дремотная суэта имения. Просыпаешься от светного птичьего гомона и петушиного крика, в открытое окно тянет прохладными запахами земли и молодой листвы.

Фредди потянулся и, отбросив одеяло, рывком встал. Привести себя и комнату в порядок – дело пяти минут. Чего-то у Джонни тихо, не иначе, как ещё дрыхнет. И, выйдя на террасу, он, прежде чем спускаться по ступенькам, грохнул кулаком в дверь Джонатана.

– Спишь, лендлорд?

– И чего тебе, ковбой? – спросил, выходя из-за кустов, Джонатан.

– Хорош! – ухмыльнулся Фредди. – Крапивная ванна с утра – самое оно.

Джонатан показал ему оттопыренный большой палец. Он проснулся, услышав, как ворочается Фредди, и вылез в окно в одних трусах, пока тот ещё полусонный. Старинная ковбойская подначка «кто успел, тот всё и съел» на этот раз у Фредди не получилась.

Оставив Джонатана приводить себя в порядок, Фредди пошёл к загонам.

Постукивал на автомате движок, из барачной трубы валил дым, значит, Мамми уже встала, замычала одна из коров.

Фредди потянулся, упираясь кулаками в поясницу, и ковбойской развалкой направился к конскому загону, где уже фыркал, встречая его, Майор.

От барака прошли в коровник Дилли и Гвен – жена нового скотника Эйба, а через минуту и сам Эйб. Дилли уже опять работала, правда, не в полную силу, всё-таки младенец у груди, а Молли доживала последний месяц, но что-то по птичнику всё-таки делала.

Эйба и Гвен они наняли ещё в феврале, чтобы присмотр за скотом был, Роланду ж не разорваться. И тогда же решили, что нужен человек, всерьёз занимающийся садом и огородом. Садовника было найти сложнее, но им повезло. Умело пущенный через Мамми слух достиг нужных ушей, и в имении появился Саймон тоже с женой – Эрси. Эрси возилась на птичнике и помогала мужу. Детворы сразу стало намного больше, в бараке заняты все выгородки, кроме выгородок Чака и Ларри. Стеф, передав первое письмо для Ларри через Фредди, наладил переписку. С Чаком никто переписываться не собирался, но его выгородка сохранялась за ним.

С шумом, визгом и гомоном вылетела из дверей барака ребятня. Май уже, не весна, а лето, и потому все босиком в рабских рубашонках и штанишках.

Фредди невольно усмехнулся, сразу вспомнив зимнюю распродажу...

...Дверь вещевой кладовки распахнута и перегороджена столом-прилавком. К их с Джонатаном крайнему изумлению, не просто пришли покупатели, но даже очередь – и не маленькая – получилась, и Мамми, гордо покрикивая, торгует с неожиданными бойкостью и сноровкой. Куртки, штаны, юбки, рубашки и кофты, шапки и платки... – прямо-таки в улёт уходят, а уж на сапоги спрос...

Чтобы не смущать покупателей, они с Джонни во время распродажи старались не маячить на виду. Но шум стоял такой, что они, и не видя, всё знали. А через три дня Мамми подошла к Джонатану с тетрадью, которую ей сделал Стеф специально для торговли, и узелком с деньгами.

– Вот, масса Джонатан, расторговались...

...Да, этого они с Джонни никак не ждали. Шестьсот двадцать кредиток. Доля Роба – тридцать одна кредитка, Мамми – сто двадцать четыре, и им – четыреста шестьдесят пять. Пустячок, как говорится, но приятно. И это сколько ещё оставили. На всякий случай. А Роба стоит учить всерьёз. И, когда Роланд обиняком заговорил о деньгах, дескать, как их лучше потратить, он сказал в открытую:

– Оставь сыну на учёбу.

Роланд радостно закивал, а с Джонни в тот же день сам обговорил...

...Горит огонь в камине, сквозь плотные шторы слышны скрипы и постукивания ветвей.

– Что думаешь делать с Робом?

– У него есть родители, – фыркает Джонни. – Пусть они и думают.

– До колледжа они сами не додумаются.

Джонни удивлённо смотрит на него поверх стакана.

– Может, ты и факультет подобрал?

– Через двадцать лет имение на Стефа не оставишь, – пожимает он плечами.

Джонни молчит, отхлёбывает из стакана и наконец кивает.

– Резонно. Цепняк теперь не нужен, а толковый управляющий...

...Да, всё так. Джерри уже сидит на ограде загона и чмокает, подзывает лошадей, показывая кусок хлеба. До чего ж настырен чертёнок.

Похлопав по шее Майора, Фредди прошёл мимо конюшни на скотную. Ага, Джонни уже там, проверяет горлышки у бидонов. Мерно стучит движок Стефа, Монти уже выпустили в загон, и он опять гоняет ведро, хотя вымахал уже во взрослого быка, а дурашлив по-телячьи, пронзительно верещит, сзывая кур, Эрси, Сэмми с Билли и Диком – старшим сыном Эйба – шумно ломают перегородки в Большом доме.

– Фредди, проводка искрит.

– Опять?! Ну, на хрена такую дрянь было ставить?!

Осмотрев коров и поговорив с Эйбом и Гвен, Джонатан пошёл по остальным службам. Так, проводку Фредди сделает, конечно, но ведь опять заискрит в другом месте, а почему? Изоляция хреновая?

– Из ошмётков сляпано, вот и прорывает.

– Ляпали мы сами, вспомни.

– Угу. А ты вспомни: у нас тогда живые деньги были? – язвит Фредди. – Заказывай полный набор, лендлорд, заплатки не помогут. Пока не полыхнуло и мы здесь, всё и сменим.

– Резонно, – кивает Джонатан. – Сгоняю сейчас в Краунвилль. Кого из электриков позовём?

– О Мюллере неплохо отзывались. Если свободен сейчас, пусть со всей бригадой и едет.

– Их кормить и обслуживать надо, не забывай. И у него бывших пленных много.

– Не жмотничай, Джонни, на ремонтах больше потеряем. А пленные... ну, если кто и не довоевал, то не слышал, чтоб у Мюллера проблемы были.

Джонатан кивнул и пошёл к конскому загону за Лордом.

Обычные хозяйственные хлопоты, и колыт в кобуре для привычной тяжести на бедре. Опасности нет никакой. Ага, молоко понесли на кухню, и Вьюн уже тут как тут, сопровождает. А Лохматка где? Уже у кухни сидит. Двух щенков привёз из очередной поездки в город ещё зимой Роланд. И клялся-божился, что не видел, как паршивцы залезли в фургон. Но когда Стеф сказал, что за кражу отвечать по закону придётся: породистые собаки бесхозными не бывают, заваруха давно кончилась, Роланд оправдался, что купил их честно и даже бумаги из кармана достал. Пока что дети дипломированных крысоловов предпочитали подлизываться к Мамми и демонстрировали любые таланты, кроме охотничьих. А кошка сама по себе пришла и прижилась в бараке. А чего ж нет, еды-то всем хватает, а мышей тоже кто-то должен гонять. Дармовая кошка осталась безымянной, а за Вьюна и Лохматку Джонатан отдал деньги Роланду: собаки-то для хозяйства куплены, и даже их бумаги со смешным названием: «Щенячьи карточки» забрал и спрятал у себя в сейфе.

Джонатан уже заседлал Лорда, когда Фредди подошёл к нему.

– Раз уж мы связываемся с Мюллером, подумай о хорошем холодильнике.

– Пока погреба хватает, но подумаю, – кивнул Джонатан, посылая Лорда вперёд.

Закончив свой обход в конюшне, Фредди пошёл на кухню. Здесь на углу стола на салфетке его уже ждали большая фарфоровая кружка с горячим кофе, тарелка с кашей и лепёшка. Шумно хлебавшие кашу с молоком из своих мисок, Вьюн и Лохматка повиляли ему хвостами, не отрываясь от еды. Мамми домывала посуду от общего завтрака, и ей помогала Джой – дочка Эрси и Саймона. Ей исполнилось десять лет, с Томом и Джерри она не водилась и даже на Роба свысока посматривала: через два года она уже на устном контракте работать будет, а они – ещё малышня голопузая, вот Билли и Дик – другое дело, те уже работают. Да ещё на ней маленькие: своя сестричка и Малыш-Джонни – сын Дилли. Только успевай поворачиваться.

– Спасибо, Мамми, – Фредди допил кофе и встал.

– А и на здоровычко, масса Фредди, – заулыбалась Мамми и незаметно подтолкнула Джой.

– На здоровье вам, масса, – послушно сказала она.

Ей Фредди ответил кивком: большего пока не положено.

Выйдя из кухни, Фредди надел шляпу, сдвинув её на затылок и оглядел двор. А смотри, как споро всё закручивается. Когда команда с умом подобрана, то и дальше идёт по-умному.

Великая Равнина

Союз племён

Весна всегда была плохим временем. Голодным, мокрым... прежде всего, голодным. А когда зимние запасы не просто съедены, а их вообще не было... Оголодавшие за зиму охотники ничего не могут добыть, пушнины для торговли нет – много ли добудут голодные, а силы нужны для охоты жизни... Всё так, но, если к этому добавить боли, когда негнушующая полумёртвую ногу сводит болевой судорогой, головокружения от контузий при каждом наклоне к капкану, и... и это можно пережить. Страшно другое. Ты – обуза, не просто никому не нужен, а мешаешь. Ничего нет хуже жизни из милости. То, что ты можешь – не нужно, а нужного ты не можешь. И ты один. Есть род, но нет семьи. И не будет.

– Ты всё-таки уходишь.

Спящий Олень не спрашивает. Но он кивает в ответ.

– Мы не гоним тебя.

– Я знаю.

Жена и дочь Спящего Оленя, не поднимая голов, перебирают лоскуты кожи и клочки меха, шьют куртку единственному сыну и брату. Парень уже охотится наравне с отцом, этим летом на Большом празднике Солнца пройдёт посвящение и получит имя. Он – настоящий индеец, завидный жених... Громовой Камень затянул завязки на вещевом мешке и достал сигареты, последнюю пачку. Спящий Олень кивнул, соглашаясь покурить на прощание.

Они сидели у огня и курили, глядя в огонь. Говорить не хотелось, да и не о чем. Из рода уходили и до него, будут уходить и после. Как и из других родов. Некоторые возвращались, но он не вернётся. Это тоже всем ясно. И его возвращения никто не будет ждать.

Громовой Камень докурил, выбросил крошечный окурочек в огонь и встал, взял мешок и привычным движением надел его на плечи. Теперь в левую руку небольшой чемодан – тетради, карандаши, кое-какие книги, ещё всякая школьная мелочёвка. Купил, когда ехал из госпиталя, думал, что будет учительствовать. Не пришлось. Теперь в правую руку палку. Без костылей он обходится, а без палки... шагов десять по гладкому и ровному пройдёт, и не больше.

– Вы остаётесь, я уйду, – ритуальная фраза прощания.

Пригнувшись, он вышел из типи и, не оглядываясь, пошёл к дороге. Снующие между типи ребятишки, занятые хозяйством женщины, отдыхающие у шатров мужчины – никто не окликнул его, не посмотрел ему вслед. Мужчина решает сам. И решает окончательно.

До дороги недалеко, здоровому час с небольшим идти, а ему... но род собирался откочевать ещё дальше, так что откладывать уход было нельзя. Надо дойти до дороги. Там есть шанс найти попутку. Добраться либо до ГОКа, либо до Юрги, а уже оттуда автобусом до Эртиля.

Он шёл медленно, тщательно выбирая место для следующего шага. Ему нельзя падать. Каждое падение – это потеря сил и времени. Назад он не оглядывался. Зачем? Чтобы увидеть, как близко стойбище, и понять, насколько медленно он идёт? Хромая улитка – вот кто он теперь. Громовым Камнем его называли за меткую стрельбу. И умение молча терпеть любую боль. Как камень. И то, и другое при нём и сейчас. Но для полноценной жизни не просто в стойбище, а вместе с родом – мало. Вон ту кочку надо обойти: нет места для палки, вот так, и взять левее, где просвет пошире. Вот так. Ну, до чего же болит, стерва, сырая весна, все старые раны ломит. И ещё шаг, и ещё... Вот так, всё путём, всё идёт, как надо. Армейские сапоги, конечно, тяжелее мокасин, и, когда идёшь, не чувствуешь земли, ломаешь веточки, шумишь прошлой листвой, но они лучше защищают ноги и не промокают, а обходить ещё и лужи он не может: слишком много лишних шагов.

Он шёл медленно и шумно, распугивая птиц и зверьков, то-то они небось потешаются над таким охотником. Нет, его охота кончилась...

... – Тебе повезло, парень.

Они курят в укромном углу госпитального сада. Присесть тут не на что, и они висят на своих костылях, прочно уперев их в мёрзлую землю. Он невольно кивает: у его собеседника ног нет. Обе до колена ампутированы, вот и привыкает теперь к протезам. Но всё-таки возражает:

– Больно хреновое везенье, – и нехотя поясняет: – Не охотник я теперь.

И вполне логичный, вполне разумный ответ:

– Не одной охотой жив человек.

И ему нечего возразить. Он не может сказать, что человеком, мужчиной считают только охотника. Каков охотник – таков и человек. Ему... ему стыдно сказать об этом.

– Ты до армии кем был?

Он усмехается.

– Школьником. Закончил, получил аттестат и добровольцем.

Собеседник кивает.

– Понятно. А хотел кем?

Он вздыхает.

– Учителем.

– Ну, так чего ж ты?! Учитель – самое милое дело. Тут же голова, а не ноги нужны.

Он согласно кивает, не возражая вслух. Но знает: учителя слушают, когда тот охотник...

...Нет, он знал всё, всё понимал и всё равно, демобилизовавшись по полной, пошёл на учительские курсы. Два педагогических класса и годичные курсы... право преподавания в начальных классах и язык в средней школе. И его возвращение в свой род, и... и его поражение. На что он надеялся, возвращаясь? На память о Синем Облаке. Но отец умер слишком давно, отцовские ровесники – дряхлые старики – тоже жили из милости. Но те хотя бы были когда-то охотниками и их уважали за их прошлые заслуги. Братья отца? Их тоже не осталось. Годы взяли своё. Век индейца и без войны недолог. Нет, его не гнали, Спящий Олень говорил правду, его терпели. И не больше.

– Ты из нашего рода. Живи, – сказал вождь.

Ему никто не мешал, он не может жаловаться в Совет. Не на что. А на помощь он и не должен был рассчитывать.

Ладно, это уже прошлое. А вон и дорога видна. Серая бетонная лента. За дорогой земля другого рода. А дорога ничья. Или общая. Это уж кто как думает.

На обочине Громовой Камень остановился и перевёл дыхание. Всё-таки дошёл! А если повезёт и его нагонит колонна с ГОКа, то и довезут. До Юрги уж точно.

Почему-то идти легче, чем стоять. То ли меньше болит, то ли не обращаешь внимания на боль. И он, перебравшись через узкий кювет, не спеша – быстро у него всё равно не получится – пошёл по направлению к Юрге...

...Громовому Камню опять повезло. Где-то через час с небольшим его нагнал не грузовик, а военный «козлик». Нагнал и, пискнув тормозами, остановился в метре впереди.

– В Юргу, браток? – высунулся из кабины голубоглазый метис в гимнастёрке без погон, но с нашивками.

Два лёгких, одно тяжёлое – определил Громовой Камень и улыбнулся.

– А до Эртиля если?

– А без если! Садись.

Забравшись в машину и разместив вещи, ногу и палку, Громовой Камень улыбнулся.

– Спасибо, браток.

– Спасибо в Эртиле будет.

Машина рывком прыгнула с места.

- Пехота? – бросил, не глядя, метис.
- Да, – кивнул Громовой Камень. – А ты?
- Автобат. Михаил Нутрянкин, честь имею.
- Громовой Камень. Очень приятно.

Чтобы обменяться рукопожатием, Михаил бросил руль, но машина у него словно сама по себе шла. Говорил он по-русски, очень естественно вменявая слова на шауни.

– Решил, понимаешь, мамкину родину посмотреть, – охотно рассказывал Михаил. – Ну, дембельнулся вчистую, приехал, родню кое-какую отыскал. За давностью лет мамкин побег ей простили, да и не судят покойников, живи, говорят. А я прикипел. Смехота, а так и есть.

- На ГОКе работаешь?
- В автокомбинате. Мы везде, где надо, – Михаил весело хохотнул. – И где не надо, тоже.
- Имя получил уже? – не удержался Громовой Камень.

Михаил вздохнул.

– Год на это нужен, да и... охотник из меня... сам понимаешь. Нет, с мелкашкой хожу, в общем загоне с роднёй ходил, но на испытание – это ж с луком надо. Да ещё самому его сделать. И ещё всякое там. А работать за меня некому. Зима голодная была, на моей зарплате вся семья держалась.

Громовой Камень кивнул.

– А что, в Эртиле тоже охотой живут?

– Кто чем может, тем и живёт, – Михаил снова вздохнул. – Ну, да в каждом доме своего по кому... А, ч-чёрт!

Михаил затормозил так резко, что их бросило вперёд, и Громовой Камень еле успел подставить руку.

– В кювет, пехота!

Вывалиться из машины и броском откатиться в кювет удалось неожиданно легко. Привычно вжимаясь в землю, Громовой Камень не так услышал, как ощутил. Верховые, семь всадников, три и следом четыре... Уходят... Выстрелов не было, без огнестрела? Перестав ощущать топот копыт, он встал и тяжело вылез на дорогу. Михаил, злобно сопя, осматривал машину.

– Ну, – встретил он Громового Камня, – видал подлецов? Делать им нечего, межплеменную затеяли!

– Дорога же нейтральна, – Громовой Камень дохромал до машины и привалился к ней.

– Потому и уцелели. Меня-то они знают, и что за мной семья и автокомбинат мой, тоже знают. А вот ты... Не в племенном. Да им, браток, уже кровь глаза залила, стреляют, не глядя, – и виновато улыбнулся. – Не простил бы я себе. Ладно, садись, браток.

Возле распахнутой дверцы в щели у подножки торчала стрела. Громовой Камень выдернул её, едва не обломив наконечник, и сел. Михаил захлопнул капот и сел за руль. Покосился на стрелу в руках Громового Камня.

– Боевая.

– Да, – кивнул Громовой Камень. – Не пойму только, чья.

– С той стороны небось. Новосёлы чёртовы. Допрыгаются, что Совет шуганёт их к чёртовой бабушке.

– До первой крови Совет не вмешается.

– А трупа нет, и вмешаться не из-за чего. А они, сволочи, трупы прячут. Вот и получается, что все знают, а ни хрена не докажешь. Весной вытаивали, так и волки, и лисы, иди проверь от чего, то ли на шатуна нарвался, то ли на двуногого. Они ж, гады, только холодняком, чтоб с гильзами не возиться.

Громовой Камень кивнул. Споры из-за земли – вечные споры. А тут ещё когда прошлым летом пошли эшелоны с той стороны... много всякого было.

– А ты как, пустой? – не удержался он.

– Голым не езжу, – серьёзно ответил Михаил. – Табельное с собой. Но... на крайняк, – и хохотнул: – Слишком хорошо стреляю.

На пустой дороге Михаил гнал на пределе. Вспомнили войну, перебрали фронты и госпитали – обоих помотало военной судьбой, но раньше не встречались.

Когда на горизонте появились дымы Эртиля, Михаил спросил:

– В Эртиле у тебя есть кто?

– Ты меня к гостинице подбрось.

– Э-э, нет, – Михаил решительно вывернул руль. – У меня заночуешь.

Вперемешку огороды, сараи, типи, избы, кирпичные, дощатые и щитовые домики – каждый в Эртиле устраивался как хотел, как мог и как получалось. Спорить Громовой Камень и не пытался: законы гостеприимства и фронтового братства нерушимы.

Из-под колёс выскакивали куры, свора щенков с лаем гналась за машиной, безуспешно пытаясь укусить колёса, по сторонам трепещущее на натянутых верёвках разноцветное бельё, рамы с натянутыми для выделки шкурами, стайки детей... поворот, ещё поворот, ряд одинаковых щитовых домиков, даже покрашены все в один цвет.

– Тут все наши, с автокомбината, – Михаил помахал кутившему на лавочке у дома мужчине и затормозил у домика с белым тотемным рисунком на голубых ставнях. – Рося!

Из дома выбежала молоденькая индианка и замерла, увидев незнакомого.

– Вот, Росинка, Громовой Камень у нас поживёт. Давай, браток, устраивайся, я пока машину в гараж отгону.

И, когда Громовой Камень выбрался из машины, рванул её с места и мгновенно исчез за углом. Росинка немного смущённо улыбнулась Громовому Камню.

– Мир вам и дому вашему.

– И тебе мир, – радостно откликнулась она ритуальной фразой.

Внутри домик был так же мал и казался просторным из-за отсутствия мебели. В единственной комнате вдоль стен просторные низкие лежаки, застеленные шкурами и узорчатыми одеялами, посередине низкий круглый столик, в прихожей вешалка, а на кухне печь с плитой, умывальник, стол-шкафчик, обычный стол и четыре табуретки.

Громовой Камень снял и повесил шинель, поставил под ней вещмешок и чемодан, положил палку, разуваться не стал и, пройдя через кухню в комнату, тяжело опустился на край правого лежака. Судя по ставням и рубашке Росинки, они из семинолов. А одеяла... разные, видно, прикуплены, или подарки.

За окном было уже темно. Вбежала Росинка, задернула занавеску и убежала на кухню. Громовой Камень достал сигареты и закурил. От печки, углом вдававшейся в комнату, ощущалось тепло. За стенами домика вечерний шум, в общем-то, тот же, что и в стойбище. Голоса женщин, созывающие детей, изредка лай собак. Хлопнула наружная дверь, и весёлый голос Михаила возвестил о его прибытии. Громовой Камень невольно улыбнулся, услышав его.

– Ну, как ты, браток? – заглянул в комнату Михаил. – Давай, ужинать будем.

Ужинали на кухне, сидя за столом, ели с тарелок, и Росинка, вопреки обычаям сидела с ними. Хотя... он плохо знает, как с этим у семинолов. И еда русская – щи и прогретая на сковороде тушёнка.

Как положено, Громового Камня ни о чём не спрашивали, возведя этим в ранг гостя. Даже если бы выяснилось, что он из недружественного племени, это бы ничего не изменило. Гость неприкосновенен.

Ели молча. Еда – всегда серьёзное дело, а в голодный год... Поев, они с Михаилом ушли в комнату, предоставив Росинке самой управляться с посудой. Михаил зажёл лампу под потолком.

– Обещали и к нам линию протянуть, да какой-то дурак столбы на дрова попилил.

– Нашли?

Михаил покачал головой.

– Где там! Не будешь же по всем сараям шуровать. Теперь только через полгода, не раньше.

Они закурили, обменявшись сигаретами. Вошла Росинка, села с ногами на лежак за спиной мужа и занялась шитьём.

– Жить можно, – Михаил говорил теперь медленно и только на шауни, разглядывая сигаретный дым. – Жить везде можно.

– Да, – кивнул Громовой Камень. – Может, этот год будет удачным.

– Старики говорят, что по приметам так выходит, а там, – он невесело усмехнулся – Там как Гитчи-Маниту решит, так и будет.

Громовой Камень молча кивнул. Да, Гитчи-Маниту – Великий Дух, он над всеми и всем. Его не умиловишь жертвой, он всё решает сам.

Докурив, стали устраиваться на ночь. Громовому Камню постелили на том же, правом «гостевом» лежаке. За окном шумел ветер, взлаивали собаки, где-то очень далеко прошумела машина.

Громовой Камень заснул сразу, но и сквозь сон ощущал боль в натруженной ноге и дыхание людей на соседнем лежаке.

Утро было пасмурным, но тёплым. За завтраком Громовой Камень сказал, что у него дела в центре.

– По начальству поход, – понимающе кивнул Михаил. – Меня если не пошлют куда, к пяти буду.

Громовой Камень благодарно улыбнулся. Как гость он не обязан отчитываться, но и хозяева не обязаны под него подстраиваться. А так и ему удобно, и хозяевам необременительно.

И из дома они вышли вдвоём. Вернее, первым вышел Громовой Камень и закурил на крыльце, чтобы не мешать Михаилу проститься с Росинкой и решить свои кое-какие проблемы.

– Тебе на Центральную? – вышел на крыльцо Михаил.

– Да.

– Пошли, браток.

Вместе они дошли до конца улицы. Михаила то и дело окликали знакомые. Практически все шли в том же направлении и, видимо, как догадывался Громовой Камень, в то же место. Ну да, Михаил же так и говорил, что эту улицу автокомбинат для своих строил.

– Вот так, браток, держи по этой стороне, а там увидишь. До вечера.

– Спасибо, до вечера.

Прозвучало это уже в спину Михаила.

Станный всё-таки город – Эртиль. Тотемные столбы и знаки у домов, смешанная одежда и язык у прохожих, всадники и машины... всё здесь вперемешку. Так было, когда он учился. Правда, тогда он не видел, вернее, не понимал этой странности, думал, что так в городе и положено. Только нагнавшись на другие города, русские и с той стороны, целые и разбитые в щёбёнку боями, понял. А сейчас... Эртиль остался собой, это он стал другим.

Дома становились двухэтажными, настоящими городскими, с магазинными витринами, вполне городские фонари, а вот поликлиника та же, и школа... До центральной площади осталось два квартала, и у школьной ограды он остановился. Передохнуть. И вспомнить. Он стоял и смотрел на бегущих и бредущих детей. Тогда он бежал. И мечтал, что когда-нибудь сам станет учителем.

– Громовой Камень? – удивлённо-радостно спросили за его спиной.

Он резко обернулся, едва не потеряв равновесие. И она не изменилась?!

– Вероника Львовна?! Здравствуйте, как вы?

– Здравствуй. Спасибо, по-прежнему, – улыбалась она. – А как твои дела?

Громовой Камень невольно опустил голову. Сухая ладонь учительницы легла на рукав его шинели.

– Всё будет хорошо.

– Спасибо, Вероника Львовна, – он заставил себя поднять голову и улыбнуться. – Я тоже так думаю.

Она задумчиво кивнула.

– У меня на пятом уроке окно.

– Спасибо, – он сразу понял. – Я не знаю, как освобожусь, но я обязательно зайду.

– Удачи тебе.

– Спасибо. И вам... здоровья и удачи.

Он оттолкнулся ладонью от ограды и молодецки захромал дальше, чувствуя на спине её внимательный, необидно сочувствующий взгляд.

Вероника Львовна преподавала русский язык и литературу, а в педагогических классах и методику, общую и частную. И это её он увидел на границе в Кратово, когда после демобилизации и курсов возвращался на Равнину, а она уезжала в Россию в отпуск. Тогда пересеклись на вокзале, поздоровались, перекинулись парой фраз, и всё. Конечно, он зайдёт к ней, поговорит о школе, о прошлом. Оба сына Вероники Львовны и её муж с войны не вернулись. Он помнит тот день, когда она получила третью похоронку. На младшего. Она молча сидела и смотрела в окно, а они – тогда десятиклассники – сидели и читали, или делали вид, что читают. И тогда он не решил, нет, понял, что пойдёт воевать. Добровольцем. А если род не отпустит, то сбежит, порвёт с родом, уедет с Равнины, но добьётся своего. Но род спорить не стал. Год был сытным, молодых охотников много, а он уже пять лет жил в Эртиле, приезжая в стойбище только на каникулы, и сам чувствовал, что становится чужим. Отца уже не было, матери не стало ещё раньше, а отцовская родня уменьшалась с каждым его приездом. Он прошёл Посвящение, получил имя и уехал. Обещал вернуться и вернулся. А толку...

Вот и Центральная площадь с домом канцелярии и большим шатром Совета. Громовой Камень остановился перед ними, будто решая, куда идти. Хотя выбирать не из чего. Входное полотнище шатра опущено, из верхнего отверстия не видно дыма. Так что, в канцелярию. А чего это... пристройку, что ли, делают? Ну да, из резерваций столько приехало, дел у Совета куда больше стало. А что за дела без бумаг? Это пуля по прямой летит куда послали, а бумага сама цель ищет.

Он поднялся по неудобным крутым ступеням, толкнул резную, украшенную тотемами племён и родов дверь. И здесь всё так же. Белые стены с орнаментами у карнизов и плинтусов, стрёкот пишущих машинок... Канцелярия. И... ну, сегодня точно день встреч.

– Комбат?!

– Гитчи-Маниту! Ты?! Сержант! Жив!

Они обнялись и так застыли. Выглянувшие из дверей на шум тут же исчезли, зная, что мешать нельзя.

Постояв так несколько минут, они наконец разомкнули объятия.

– Ну... – Гичи Вапе сглотнул. – Ну, рад тебя видеть, Громовой Камень.

– Я тоже рад тебя видеть, Большое Крыло, – улыбнулся Громовой Камень. – Ты здесь...

– Заездом, – рассмеялся Гичи Вапе. – Навестить родню, повидать друзей, ну, и по делам заодно. Будем тянуть дорогу от границы, железную дорогу, представляешь? Пока до ГОКа.

– Старики согласились? – изумился Громовой Камень.

– Ещё не совсем. До Эртиля упёрлись вмертвую, а до ГОКа добьём.

– Слушай, комбат, а она так уж нужна? Может, шоссеек прибавить?

– Нужна. Шоссейки само собой, да и наезженных пока хватает, а у железки свои плюсы. С ГОКа увеличится вывоз, а это наш, – Гичи Вапе подмигнул, – экспорт, серьёзный и основной,

а не пушнина, денег сразу прибавится, а на них у нас почти всё и держится, это раз. С той стороны слишком многие охотиться не умеют, не могут и не хотят, это два. Вот они и смогут работать на стройке, а потом на обслуживании.

Громовой Камень нахмурился, соображая.

– Такие сложности, комбат?

Гичи Вапе вздохнул.

– Если бы только эти, сержант. С охотой ещё ладно, к тому же и добычи кое-где уже на всех не хватает, а землю расширять нам не дадут, да и некуда расширяться. А вот что они ни обычаев, ни языка не знают, никакой квалификации нет, и учиться не хотят...

– Ну, – Громовой Камень усмехнулся, – в последнем они не самобытны.

Гичи Вапе внимательно посмотрел на него.

– Солоно пришлось, сержант.

Он не спрашивал, но Громовой Камень кивнул и поправил:

– Хреново. Я же не охотник теперь.

– Так, понятно. И куда теперь думаешь?

– В Эртиле или Юрге поищу.

– Учителем?

– А кем ещё я могу работать, комбат? Я – учитель, я учился на это.

– Педкласс?

– Два года. И ещё год на курсах после дембеля.

– Так, – Гичи Вапе задумчиво кивнул. – Пойдём. Посидим и поговорим спокойно.

К удивлению Громового Камня, у Гичи Вапе был свой ключ от одного из кабинетов. Канцелярский стол со стульями и шкаф в одном углу и застеленный узорчатым одеялом низкий диван-лежак в другом. Так сказать, две цивилизации рядом.

– Отец сейчас в стойбищах, – улыбнулся Гичи Вапе. – Нам не помешают, устраивайся.

Они сели на лежаке.

– Ты курсы где кончал?

– В Прокопьевске. Я там долечивался, ну, и заодно.

До сих пор они говорили на шауни с редкими русскими словами, но Гичи Вапе перешёл полностью на русский, и Громовой Камень поддержал его.

– Начальные классы?

– И шауни в средней школе. А что, комбат, есть место?

– Есть дело, – поправил его Гичи Вапе. – Понимаешь, дело. Серьёзное и долгое. Не все из резерваций поехали к нам, многие осели в России, особенно те, кого там называли интегрированными. Понимаешь?

– Представляю.

– И ещё многие уезжают с Равнины. И из новосёлов, и из старых родов. И тоже... интегрируются.

– Асфальтовые индейцы, – усмехнулся Громовой Камень.

– Да. И нужно, чтобы они оставались индейцами. И чтобы их дети... оставались с нами. Хотят жить в России? Пусть живут. Хотят пахать землю, стоять у станков, строить дома? Тоже пусть. Но нельзя, чтоб забыли язык, утратили обычаи, культуру. Понимаешь?

– Угу. Что важнее: существительное или прилагательное, так?

– Вот именно. Ты – молодец, всё правильно сообразил. Пусть асфальтовые, но индейцы. Ну как, возьмёшься?

– А не много меня одного на всю Россию будет? – деловито спросил Громовой Камень.

Гичи Вапе изумлённо посмотрел на него и захохотал. Засмеялся и Громовой Камень. Отсмеявшись, Гичи Вапе хлопнул его по плечу.

– А ты всё тот же. Скажешь, так скажешь. Но я серьёзно.

– Я тоже.

Громовой Камень достал сигареты. Гичи Вапе встал и принёс со стола глиняный черепок-пепельницу, поставил на лежак между ними, тоже достал сигареты. Ритуально обменялись и закурили. В общем, уже всё ясно и понятно, но надо не так договориться, как выговориться.

– Понимаешь, – Гичи Вапе как-то смущённо усмехнулся, – когда мы по резервациям ездили, ты, кстати, хоть одну видел? – Громовой Камень молча мотнул головой. – Жуткое зрелище, а по сути ещё страшнее. Так вот, я там с одним парнем столкнулся, индеец, но жил не в резервации, а работал пастухом у какой-то местной сволочи-лендлорда. И вот, представь, ни за что не хотел уезжать.

– Почему? – удивился Громовой Камень.

– Говорил, что ему и так хорошо. Ну, это, понятно, одни слова, да и смотря с чем сравнивать, но дело было не в жратве. А в том, что он не хотел быть индейцем, представляешь? Не веришь? Я ему говорю, что с племенем лучше, а он мне, что на хрена ему игры с перьями. Представляешь? Вся культура наша ему... игры с перьями! И не метис, индеец, чистый.

– Не уговорил ты его?

– Куда там! Я для него не авторитет. Ни погоны, ни ордена мои... Ну, этого, положим, и остальные не понимали. Но такое... И вот, понимаешь, зацепил он меня. Не могу забыть. Я потому и стал думать о таких. Навёл справки в беженском комитете.

– Это где Бурлаков заправляет?

– Он в комитете узников и жертв. Но это формально, а фактически всю репатриацию контролирует. Все угнанные – это же жертвы. Ну и...

– Слушай, – перебил его Громовой Камень. – Нашему бы, ветеранскому комитету, да бурлаковские деньги. А? Чтоб кроме дембельских ещё бы на обустройство получить.

– Размечтался! – хмыкнул Гичи Вапе. – У нас рохля в председателях, вот и получаем вместо ссуды тёплые слова и наилучшие пожелания. А откуда у бурлаковцев деньги... болтают разное. В основном, одобрительно. Дескать, грабит Империю.

– Её можно, – кивнул Громовой Камень. – И нужно.

– Да, жалко, что наш Совет не успел присоединиться, но тут уж... кто за трофеями не успел, тот и опоздал. Ладно, это в сторону, так вот, которые едут через его комитет, это интегрированные одиночки, до нас они не доезжают.

– Так ты ж сам говоришь, интегрированные, мы им не нужны.

– А они нам? И ещё. Мы им нужны, а что они этого ещё не поняли... Ну, так это и будет твоей работой.

Громовой Камень медленно, но уверенно кивнул.

– Понял. И куда мне ехать? В Кратово?

– Там уже всё есть. Но нам на уровне, – Гичи Вапе ткнул пальцем в потолок, – удалось договориться о шауни, как о втором иностранном по желанию. Первым оставляют английский, мало ли что, а шауни внесли в перечень вторых. Как узнали, многие и с той стороны, и от нас поехали в Ижорский Пояс. И ещё поедут. Там стройки, заводы... А точнее скажут в Ижорске. Ну?

– Не нукай, не запряг, – ответил по-русски Громовой Камень и рассмеялся. – Слушай, а если б ты не встретил меня?

– Я бы приехал к тебе в стойбище, – твёрдо ответил Гичи Вапе и упрямо повторил: – Ну?

– Без «ну», комбат, – Громовой Камень шевельнул плечами, намекая на стойку «смирно». – Приказы не обсуждают.

– Я не могу тебе приказывать, – тихо сказал Гичи Вапе.

– Ну, это я сам решаю, – отмахнулся Громовой Камень. – А Ижорский Пояс... смутно что-то. Он далеко?

– Смотря откуда, – улыбнулся Гичи Вапе. – Ну что, пойдём оформляться?

– Пошли, – кивнул Громовой Камень, гася окурок и подтягивая к себе палку.

Своего комбата он мог не стесняться: хоть не воевали вместе, но в одном госпитале лежали, а что Гичи Вапе из настоящих шеванезов, и его род был в числе тех пяти первых, что, спасаясь от резерваций, ещё до Империи, будь она проклята, ушёл в Россию и обосновался на Великой Равнине, а он сам – шеванез по названию, его род пришёл гораздо позже и получил разрешение поселиться, всё это для них, фронтовиков, по фигу. Есть племенное родство, а есть фронтовое братство.

– Тут ведь ещё проблема, – Гичи Вапе шёл медленно, словно раздумывая, а не подстраиваясь к его шагу. – Дети. Понимаешь, мы теряем детей уехавших. Приехали-то мужчины, женщин и детей в резервациях почти не оставалось, там не этноцид, геноцид шёл в полном объёме, – Громовой Камень кивнул, показывая, что знает и понимает разницу. – А здесь пошли конфликты, и многие уезжают именно из-за этого. Там они женятся на русских, и... словом, это называется оскудением генофонда.

– Ты, комбат, меня не убеждай, я всё уже понял.

Гичи Вапе кивнул и, открывая перед ним очередную дверь, тихо сказал на шауни:

– Спасибо, собрат.

Было уже совсем темно, когда Громовой Камень тяжело взобрался на высокое крыльцо дома Михаила. Оформление бумаг, как в любой канцелярии, дело не быстрое, а потом они с Гичи Вапе посидели в чайной, а ещё потом он зашёл к Веронике Львовне, поговорил о прошлом и проконсультировался по кое-каким методическим и дидактическим вопросам. Так что и находился, и насиделся, и наговорился он сегодня досыта.

В прихожей, освещённой из кухни, он снял и повесил шинель, сел на табуретку и с натугой, но довольно удачно стащил сапоги. Выбежавшая из кухни Росинка подала ему мягкие простые мокасины и забрала на просушку портянки, а Михаил громко позвал:

– Давай, браток, как раз вовремя.

Стол был уже накрыт к ужину и... даже стопочки стояли. Громовой Камень подошёл к умывальнику, вымыл руки, ополоснул лицо и вытерся чистеньким полотенцем, висящим рядом на гвозде.

– У меня отгул завтра, – объяснил Михаил, открывая бутылку водки. – Так что можем себе позволить.

– Давай, – согласился, усаживаясь за стол Громовой Камень. – У меня там в карманах ещё.

Михаил кивнул возившейся у печки Росинке, и та, выбежав в прихожую, тут же вернулась с двумя консервными банками.

– О! – восхитился Михаил. – Гуляем, браток!

– Гулять, так гулять, – улыбнулся Громовой Камень.

Росинка с явно привычной ловкостью открыла банки, выложила на тарелки залитых маслом и густым красно-оранжевым соусом рыбёшек и, как и вчера, села за стол.

– Ну, – Михаил разлил водку. – Не праздник, так что за знакомство и на удачу.

Они чокнулись и выпили. Громовой Камень до дна, а Михаил оставил глоток Росинке, чтоб и она отметила знакомство. Выпив, набросились на еду.

Когда утолили первый голод, Михаил жестом показал на бутылку. Дескать, по второй? Громовой Камень, отказываясь, мотнул головой, и Михаил кивнул Росинке, чтобы та убрала бутылку и стопки.

– Ну как, браток, удачно сходил?

– Да, – улыбнулся Громовой Камень. – Завтра получу подъёмные, литер и вперёд.

– С Равнины уезжаешь? – удивился Михаил. – Отпустили?

– Посылают, – поправил его Громовой Камень.

– А! – понимающе кивнул Михаил. – Ну, наше дело солдатское. Куда пошлют, туда и пойдём.

Росинка, как и вчера, ела с ними, но молчала, участвуя в разговоре только взглядом и улыбкой. Ели кашу с тушёной. Потом долго пили чай. И неспешно говорили о всяких житейских делах. Заработках, ценах, огородах. Войну не вспоминали. Не с чего и незачем. Не день Памяти или Победы. Вот тогда – другое дело, и четыре положенных тоста, и разговор соответствующий, а сегодня-то чего ж...

– Завтра ты как?

– Автобус в десять-десять, – улыбнулся Громовой Камень. – А канцелярия с восьми.

– Понятно, – кивнул Михаил. – Всё успеешь. Давай на боковую тогда?

– Давай, – согласился Громовой Камень.

В самом деле, день был долгим, надо отдохнуть.

Легли, как и вчера. Вытягиваясь под колючим не вытертым одеялом, Громовой Камень поудобнее уложил раненую ногу и мгновенно заснул, ни о чём уже не думая.

Спал он без снов и проснулся на рассвете, как по сигналу. По-фронтовому быстро привёл себя в порядок, попрощался с Михаилом и Росинкой.

– Счастливо оставаться.

– Счастливого пути.

– Удачи тебе, браток.

– Спасибо вам за всё, – и ритуальное: – Вы остаётесь, я ухожу.

Выйдя на крыльцо, он глубоко вдохнул по-утреннему прохладный воздух – всё-таки поздняя в этом году весна, ведь по-русски май уже – и не спеша пошёл по уже знакомой дороге к центру.

«Наше дело солдатское», – сказал Михаил. Всё так, всё правильно. Он – не беглец с Равнины и не дезертир с фронта просвещения, а посланец. На него возложена, говоря высоким стилем, миссия. А по-простому, то боевое задание. Он не беглец, а кутойс – учитель. Интересно, какое племя дало это слово? От скольких племён не осталось ничего, кроме нескольких слов, непонятных имён, необъяснимых обычаев. И как Великая Равнина принимала остатки племён и просто случайно спасшихся одиночек, и они становились шеванезами, так и язык шеванезов – шауни – принял эти слова и имена. И сделал их своими. Как и множество русских слов, и даже английских. И остался собой – шауни.

А вот и канцелярия. Дохромал незаметно. Громовой Камень на секунду остановился перевести дыхание и стал взбираться на крыльцо. Отвык он за зиму в стойбище от ступенек. А всё-таки в городе лучше: сколько вчера, да и сегодня ходил, а ни разу не упал. Так, а что сначала – литер или подъёмные?

Оказалось, что и то, и другое в кассе. Конечно, сначала его немного погоняли по столам и кабинетам, но всё, что надо, он подписал, где положено, зарегистрировался, и вот – все документы и деньги на руках. И здесь он выслушал напутствия и пожелания. Всех поблагодарил, всем пожелал счастливо оставаться. Гичи Вапе не было, да он и не искал. Вчера всё обговорили. Адрес свой Гичи Вапе ему дал, чтоб если что, связаться по-быстрому, а не через Совет. Ну, всё, отрезано, пора в дорогу, а там будь что будет.

И до автовокзала Громовой Камень добрался быстро. Ну, автовокзал – это, конечно, громко сказано. Деревянный домик диспетчерской, кассы, комнаты для водителей и зала ожидания для пассажиров. Всё маленькое, простенькое, но с табличками на шауни, красиво написанным расписанием... Словом, всё, как положено.

Кассирша была метиской. Как и большинство девушек в канцелярии Совета.

– До Кратово, – протянул он ей свой литер.

Она быстро и точно оформила ему билет.

– Уезжаете? – спросила она по-русски, возвращая ему литер.

- Да, – кивнул Громовой Камень, пряча литер в нагрудный карман гимнастёрки.
- Счастливого пути, – вздохнула она и улыбнулась. – Отправка строго по расписанию.
- Спасибо.

Громовой Камень взял и сунул в карман шинели билет, подобрал свой чемодан и пошёл к выходу.

- Фёдор, – позвала по-русски за его спиной кассирша. – Иди, отправка через три минуты.
- Ну, куда иди, куда? – возразил так же по-русски низкий мужской голос. – Пассажиров-то сколько?
- Отправка по расписанию!
- Да на кой расписание? Воздух возить?!

Конца перепалки Громовой Камень не слышал. Автобус, маленький, но чистенький, уже стоял у вокзала, и к нему собирались пассажиры. Вместе с Громовым Камнем их было пятеро. Двое парней в обтрёпанных чёрных куртках и стоптанных сапогах, немолодая, закутанная в шаль с вдовьей каймой женщина и хмурый подросток в кожаной рубашке, леггинсах и мока-синах. Всё новое, крепкое, но без бахромы и вышивки. Чего ж так? В столицу приехал всё-таки, а по-будничному. Или это мать его с собой взяла, чтобы помощь за потерю кормильца получить? Тогда понятно. Деньги просить в праздничном не ходят.

Почти сразу за Громовым Камнем подошёл и водитель.

– Билеты у всех?

Он быстро собрал их билеты, проверил и вернул, прошёл и сел на своё место. Дверь открылась с мягким чмокающим звуком.

– Заходите. Отправка по расписанию.

Громовой Камень пропустил остальных вперёд, сначала поднял и поставил на пол автобуса чемодан, положил палку, а потом уже, подтягиваясь на руках и влез сам. И хоть ему ехать до Кратово, в конец салона не пошёл, сел во втором ряду. Водитель, безразлично поглядывая по сторонам, подождал, пока он уложит чемодан, мешок и палку, плотно сядет, и только тогда стронул машину.

Автовокзал на окраине Эртиля, и они сразу выехали на шоссе. День обычный, серый. Лес, с только появившейся листвой то подступал к обочине, то рассыпался на отдельные деревья, открывая плавно холмистую равнину до горизонта.

Ехали молча, даже те двое парней, что явно ехали вместе и сели рядом, молчали. Только иногда вздыхала вдова, и сидевший у окна подросток осторожно, чтобы никто не заметил, придвигался к ней и касался своим плечом её плеча, пытаясь этим утешить.

Громовой Камень смотрел в окно, не столько разглядывая пейзаж, сколько наслаждаясь ощущением езды, не требующей от него никаких усилий. Ну что ж, он не думал, что так быстро всё решится и уладится. Вот и ещё одна его жизнь. Третья по счёту. Первая до армии, вторая – фронт, а теперь – третья. Ему не на что жаловаться и не о чём жалеть. Он окончил школу и на Празднике Посвящения получил имя, прошёл фронт и выжил, стал инвалидом, а не калекой. Так что и в третьей ему должно повезти. «Бог троицу любит». Так говорил Сашуня перед очередной перебежкой и всякий раз пояснял: «Два раза пронесёт, а на третий бог заснёт». Сашуню накрыло при обстреле. А его самого тогда зацепило, но слегка. Скольких он помнит. И мёртвых, и живых.

Автобус затормозил, и водитель открыл дверь. Немолодой индеец в украшенной вышивкой и бахромой рубашке, с ожерельем из волчьих и медвежьих клыков, но в солдатских кирзовых сапогах неожиданно умело вошёл в автобус и протянул водителю деньги.

– До Красной Лошади, – сказал он на шауни.

– Хорошо, – так же на шауни ответил водитель, дал билет и отсчитал сдачу.

Новый пассажир спокойно сел на свободное место, и автобус тронулся.

Ехали не быстро, останавливаясь, чтобы впустить или высадить пассажиров. До конечной, как вскоре сообразил Громовой Камень, ехали трое – он сам и те двое парней в чёрных ватных куртках. Видно, из переселенцев. Не прижились. Что ж, Гичи Вапе как раз и говорил о таких. В родном стойбище Громового Камня переселенцев не было, но рассказы о неумёхах и невеждах «с той стороны» и даже анекдоты, конечно, слышал и не раз. Говорили о них всякое, но в основном осуждающе. Хотя... кто-то же прижился.

В Кратово они приехали уже в сумерках.

Формальный, но обязательный, хорошо знакомый по прежним поездкам, сразу и пограничный, и таможенный контроль. Здесь ничего не изменилось, даже, похоже, капитан всё тот же. Громовой Камень вышел на площадь и уверенно захромал к вокзалу, уже железнодорожному, когда его окликнули:

– Хей!

– Хей, – он обернулся, уже догадываясь, кто это.

Да, те двое парней из автобуса.

На чудовищной смеси английского, русского и шауни они стали объяснять, что едут на заработки, род их отпустил, им надо добраться до Корчева, там уже трое из их резервации, они знают, те на стройке устроились, так вот, как им доехать?

Громовой Камень помог им разобраться с картой, расписанием и кассой. Маршрут получался не особо сложный, с двумя пересадками. Названия они заучили с его голоса. Билеты взяли самые дешёвые – сидячие: денег-то в обрез.

– А есть что будете?

– Пеммикан, – улыбнулся один, показывая подвешенный к поясу мешочек.

А второй мотнул головой, рассыпая по плечам неровно обрезанные пряди волос.

– No problem.

Пеммикан – растёртое в порошок сушёное мясо, смешанное с ягодным порошком – не самое сытное, но хоть что-то. И потом – это действительно не его дело. А ему совсем в другую сторону, а денег... денег тоже в обрез.

И зная это, он всё-таки, выправив себе билет и выяснив, что до его поезда ещё два часа с лишним, сдал мешок и чемодан в камеру хранения и вышел из вокзала на площадь. Кратово – невелик городок, всё рядом. Он успеет.

Баня, как и раньше, была неподалеку, небольшая, но с душевым отделением, парикмахерской и главное – открыта до полуночи.

Сначала в парикмахерскую. Да, длинные волосы положены мужчине, да, одежда, причёска, обычаи – часть культуры, но только часть, и он не считает длину волос самой главной частью, это первое, ему жить среди русских, где длинные волосы у мужчины не приняты, это второе, и если бы он был в племенном костюме, а когда на тебе военная форма, пусть и без погон, то длинные волосы просто смешны, это третье.

– Подстричь? – переспросил парикмахер и улыбнулся. – По призывному или отпускному?

– По отставному, – улыбнулся Громовой Камень. – Отвоевался я.

Это он тоже помнил. Стрижка призывника – наголо, отпускник – подлиннее и с форсом.

– Сделаем, – парикмахер окутал его простынёй. – Голову давно мыл?

И, не дожидаясь ответа, развернул кресло к раковине.

Подстригли его быстро и толково. И за половинную плату.

– Фронтовикам скидка.

И по внезапно отвернувшемуся лицу старика Громовой Камень понял, что ни спрашивать, ни уточнять нельзя. Он расплатился, а вторую половину положил в блюдо для чаевых.

В бане пришлось купить мыло и мочалку, взять напрокат простыню. Траты, конечно, но раз не позаботился достать из вещмешка, то траться. Хорошо, что работали душевые кабины. Дороже общего зала, но ему не хотелось мыться на чьих-то глазах. Всё-таки... одно дело –

госпитальная баня, там ещё получше многих был – во всяком случае – целее, а здесь... среди здоровых и нормальных... да и моешься в душе быстрее, чем в общем зале.

Оставшихся до отправления двадцати с небольшим минут ему хватило, чтобы дойти до вокзала, забрать из камеры хранения вещи и найти свой поезд, вагон и место. Народу было немного, и проводник сам поменял ему место с верхнего на нижнее, принёс постель.

– Спасибо, отец, – поблагодарил Громовой Камень.

– Ладно тебе, – отмахнулся проводник. – Все мы с понятием.

Громовой Камень никак не ждал, что его форма и медали по-прежнему действуют. Ведь полтора года, как кончилась война, а до сих пор... В племени он привык к другому отношению. Ну всё, ехать ему до конечной, можно спать спокойно. Он разулся, снял и положил в сетку гимнастёрку, оставшись в нижней рубашке, и вытянулся под одеялом. Всё, отбой. Спи, Громовой Камень, сержантом ты был, кутойсом ещё не стал, спи пока.

Стук колёс под полом, мелкое подрагивание полки. Он едет. Пока от него ничего не зависит, и, значит, дёргаться пока нечего. Солдат спит, а служба идёт. Даже на фронте просвещения.

Американская Федерация

Атланта

Особняк Говардов

Пустой письменный стол. Пустые квадраты на стенах от проданных картин. Не почтительная, а мёртвая тишина за дверью. Но распорядок неизменен. И эти часы он проводит в своём доме, в своём кабинете, за своим рабочим столом, чёрт возьми!

Рей Спенсер Говард, снова просмотрел последние котировки, аккуратно пометил несколько заинтересовавших его позиций. Да, в этом направлении можно было бы поработать, но нужны свободные средства. А их нет. И взять... нет, у кого взять – в избытке, проблема с как. Ни один из прежних, многократно осуществлённых на практике, способов сейчас – и надо это честно признать – не сработает. Более того. Попытка их использовать не только не даст результата, но и откроет остальным его слабость. Ты можешь ослабеть, но этого никто не должен заметить. Иначе – добьют.

Говард усмехнулся. Пока удаётся держать марку. Никто не смеет занимать его кресло в Экономическом Клубе. Его внучек принимают в лучших домах Атланты. Правда, таких домов не так уж много, но это же война, господа. Только война. И русские. Правда, последнее лучше вслух не произносить. А то... нет, как русские провернули операцию со «Старым Охотничьим Клубом», надо отдать им должное. Тихо, аккуратно, точечными изъятиями и пожалуйста: многолетней, нет, что там, многовековой опоры порядка не существует. О том, что он сам неудачным реваншем в прошлогодний Хэллоуин «засветил» и клуб, и остатки Белой Смерти, Говард предпочитал не вспоминать. Ну... нет, не ошибся, немного не рассчитал, бывает. Из Хэмфри руководитель, как из негра учёный. Посидит в тюрьме – поумнеет. Возможно. И Систему не удалось взять под контроль. Найф оказался таким дураком, что дал себя зарезать в уголовной разборке. А ведь казался таким осмотрительным, столько лет безукоризненно работал. И сорвался. Решил взять сразу со всех. Вот и результат. Но оставим прошлое прошлому. Вывод: надеяться и рассчитывать только на себя.

А пока надо приспосабливаться к новым условиям и новым правилам. Атланта стала захолустьем, всё жизнь теперь в Колумбии, а вот там... там у него пусто. Старые связи и привычки ликвидированы, а новые заводить не на чем. Значит... значит, надо думать, планировать, готовить. И не спешить.

Говард отложил котировки и взял газету. Сами статьи и заметки его нисколько не интересовали, но бумажный шелест в кабинете внушает необходимый трепет и уверенность в неизблемости остальным обитателям дома. Казаться не менее важно, чем быть. Жаль, что Маргарет этого до сих пор не поняла и не прочувствовала.

За дверью поскреблись, и голос Миранеллы робко предложил:

– Дедушка, ваш лимонад.

– Да, – откликнулся он, мельком посмотрев на часы.

Да, всё точно. Именно в это время стакан домашнего лимонада. Порядок, заведённый ещё его дедом. Порядок – основа и фундамент бытия. И никакого беспорядка нет и быть не должно. Порядок может меняться, но остаётся порядком.

Кто-то невидимый открыл дверь перед Миранеллой, и она внесла поднос с кувшином и стаканом. Поставила на столик перед диваном.

– Благодарю, – Говард поощрил внучку взглядом и лёгким намёком на улыбку.

– Да, дедушка, спасибо, дедушка, – пролепетала Миранелла.

– Ступай, – милостиво кивнул ей Говард.

А когда за ней закрылась дверь, досадливо поморщился. И это Говард?! Конечно, и такое можно использовать. Скажем, женой для умеренно нужного человека. Интриговать не будет, свою игру вести не сможет, и даже не додумается до этого, неплохая хозяйка при хорошем контроле, жена и мать... Да. И с этим можно было бы поиграть, но... проклятые русские! Родство с Говардами теперь не преимущество, а компрометирующее обстоятельство. Недаром ни одна из любовниц сыновей и зятя не только что-то там заявить, появиться не посмела. Хотя тут, правда, и меры, соответствующие, принимались давно.

Как всегда, воспоминание о русских заставило его поморщиться. Самое... самое обидное, что он так до сих пор не нашёл, не вычислил того, кто так... виртуозно переиграл его. Да, надо признать, он совершил только одну ошибку. Одну из двух важных, но важнейшую. О которых предупреждал ещё дед. «Самая страшная ошибка – это переоценка своих сил, – Говард снова услышал звучный, несмотря на возраст голос деда, – но есть вторая ошибка, ещё страшнее. Это недооценка противника. Запомни».

Чтобы успокоиться – сознание своих ошибок всегда приводило его в раздражение, мешающее трезвому планированию мести и реванша – Говард налил в стакан нежно-жёлтой смеси апельсинового и ананасного сока и выпил маленькими глотками. Вот так. Успокоился? Теперь думай. Нет? Ещё полстакана.

Итак, подведём черту. Русские – не противники, а враги. Это первое. Они это тоже знают. А значит, любые ошибки вдвойне опасны. С противником играют на победу. С врагом воюют на уничтожение. Что они сделали, ты уже понял. Тебе оставили жизнь и ровно столько, чтобы ты ощущал размер потерь. Неплохо. И даже – не забываем об опасности недооценки противника – остроумно. Но зачем? И – вот об этом думать не хочется, но, похоже, сделано именно так. Ты – приманка. За тобой следят, вернее, за теми, кто приходит к тебе, и потом идут уже за ними, а у тебя нет ни денег, ни силы, чтобы купить чьё-либо молчание.

Говард заставил себя поставить опустевший стакан на стол без стука. Ты можешь злиться или радоваться, но показывать это надо ровно настолько, насколько не можно, нет, а нужно. Вот так. Игра проиграна? Да. Но это только одна из множества проведённых тобой игр. И общий счёт пока в твою пользу. Значит... значит... значит, надо подумать и найти новых союзников, приспособить к себе новые правила и начать новую игру.

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

Хорошая это штука – выходной. Андрей, не открывая глаз, потянулся под одеялом. Тело сладко ломило. Отвык он вкалывать. Ну да, с Хэллоуина, можно сказать, валялся и бездельничал. А тут как навалилось всё сразу. Четверг, пятница, суббота... не продохнуть. А всё равно – хорошо! Сумасшедшие дни были. И хорошо-о-о...

...Андрей боялся проспать: ведь не подёнка, где сам решаешь, когда прийти, а цех, бригада, да ещё в первый же день, нет, не дай бог, а потому несколько раз за ночь просыпался, смотрел на новенький будильник и снова засыпал, а под утро разбудил его Эркин, одновременно со звоном будильника тряхнув за плечо.

– Вставай! Пора!

Андрей подскочил, отбросив одеяло.

– Ага, я мигом.

Утренняя суета, обычная для Эркина и Жени и новая для Андрея. Побриться, умыться, чай с бутербродами...

– Андрюша, ключи...

– Ага, спасибо.

Связка из двух ключей на простеньком кольце. Пряча их в карман, Андрей подумал, что надо купить брелок, а ещё лучше, как видел однажды – цепочка с карабином, чтобы пристегнуть к поясу.

– Андрей, готов? Женя, мы пошли.

– Счастливо.

– До вечера.

Из дома Эркин и Андрей вышли вместе и до второго перекрёстка шли рядом. Эркин привычно задержался у киоска купить газету. Андрей ограничился тем, что окинул взглядом пёструю витрину, кое-что приметил, но покупку отложил на вечер.

– Ладно, до вечера.

– До вечера, – кивнул Эркин.

И они разошлись.

Андрей шёл быстро. И не боясь опоздать, а просто радуясь утреннему прохладному воздуху, только-только поднимающемуся солнцу, встречным и попутным прохожим. И перед своим начальством он предстал с той же радостной улыбкой.

– Здрасьте!

Начальство особого восторга не выразило.

– Так. Ты и есть Андрей Мороз?

– Ага, – по-прежнему радостно согласился Андрей.

Ну, ничего он не мог поделать с глупейшей, как сам понимал, ухмылкой во всё лицо.

Его отправили получить спецовку – штаны с нагрудником и множеством карманов, показали шкафчик в бытовке, где он может оставить свои вещи, и наконец вручили оружие производства – метлу, а также провели краткий, но весьма доходчивый инструктаж, сводимый в общем-то к одной фразе: «Делай, что велят, и не рыпайся».

– Всё понял?

– Ага.

– Тогда действуй.

Что ж, Андрей всё понимал, и работа «принеси-подай» его вполне устраивала, давая возможность оглядеться, всё вызнать и запомнить: что, где и как. Но... ботинки рабочие ему нужны, как жить, и рубашек, тёмных, три смены не меньше, так что... Сосредоточенно орудуя метлой, Андрей быстро прикидывал, сколько у него денег с собой, чтобы сегодня же, не откладывая, после работы всё купить. И замочек на шкафчик. Ибо давно сказано: «Не вводи вора дыркой в искушение». Работая, он чувствовал, что за ним зорко и неприметно присматривают. Тоже ясно-понятно, но взгляды не злобные, а так... внимательные.

До обеда он подметал цех и время от времени бегал по чьим-нибудь поручениям. Похоже, его работой в общем остались довольны.

Обедали здесь же, расходясь по бытовкам выпить чая с принесёнными из дома бутербродами. У Андрея ничего с собой не было, и он прикидывал не сбежать ли ему до ближайшего трактира. Но оставшиеся, как и он, во дворе не спеша стягивались к «задним» воротам, и Андрей пошёл с ними. Больше из интереса, и чтобы не выделяться. А там уже возле распахнутой боковой калитки, но с уличной стороны, как из-под земли возникло несколько тёток с укутанными в тряпье кастрюлями и стопками мисок. Вот к ним и тянулись оставшиеся во дворе. Вместе со всеми и Андрей купил миску щей с мясом за пятиалтынный и выхлебал её, сидя на стопке старых покрышек. Тётки во двор не входили, а работники опять же не покидали территорию. Охранник в будке откровенно и даже, как показалось Андрею, демонстративно дремал. Горячими щи, конечно, не были, но достаточно тёплые и густые, кусок мяса тоже, скажем так, достаточный, и чистота ложки вполне удовлетворительная. Бывало в его жизни и куда хуже, но... но это хлебово прямо чуть ли не на земле ему не понравилось, слишком уж походило на тот лагерь... да и... похоже, не самые... уважаемые так обедают, а как себя с начала поставишь, так оно потом и пойдёт. Не-ет, завтра он из дома бутерброды возьмёт, и чаю, нет, насчёт чая, это он ещё посмотрит и разузнает, как оно здесь заведено, вскладчину, или ещё как... Он вернул торговке миску с ложкой, отметив мимоходом, что она не положила их обратно в стопку, а скинула в другую корзину.

– А на здоровьчко, – ответила она на его рассеянную благодарность.

Ещё раз бегло оглядев сотрапезников, Андрей понял, что в этой компании ему лучше не светиться, и отправился в бытовку своего цеха.

Там под чай шёл вялый трёп о всяких хозяйственных и житейских делах.

– Чай да сахар, – улыбнулся, входя, Андрей.

Все оторвались от чаепития и смотрели на него внимательно, но без недоброжелательности. Старший мастер кивнул, а сидевший с самого края рыжий веснушчатый парень быстро сказал:

– Едим да свой, а ты рядом постой.

И глумливо заржал.

– Хуже нет на халяву жить, – кивнул Андрей, усаживаясь с другого края – чуть-чуть уголок лавки торчит, как специально для новичка оставили – и доставая пачку дорогих сигарет.

Он закурил, небрежно выложив, но не бросив пачку в центр стола. Сидоров усмехнулся, а сидевший рядом с ним черноусый мужчина с шрамом на лбу сказал:

– Что, Митроха, умыли тебя?

Митроха огрызнулся невнятным ругательством, а черноусый продолжил:

– Тебя как звать, парень?

– Андреем, – миролюбиво ответил Андрей.

Сцепляться в первый же день с теми, с кем придётся потом вместе работать, глупо, но и ставить себя надо. Так что... Митрохе осадку дать можно, тот, похоже, тоже... не высокого полёта, а вот с остальными надо поосторожнее.

– Ну, что ж, кружку свою завтра принесёшь, – черноусый говорил не спеша, перемежая слова глотками. – Кипяток в титане, а заварку с сахаром, по большой пачке на неделю, по очереди приносим. Твой черёд в понедельник. Всё понял?

– А чего ж тут непонятного? – улыбнулся Андрей.

Он внимательно, но по возможности незаметно оглядывался и следил за остальными. Титан, раковина рядом, каждый моет за собой сам, но посуда, заварка и сахар в общем шкафчике... заваривают... что, прямо в кружке? Пойдёт... Сахар крупный, пьют вприкуску... Замётано... Чай... пачка большая, зелёная с золотом... Замётано.

Допив чай, закурили и остальные. Митроха взял сигарету последним. Разговор становился общим. По-прежнему неспешно расспрашивали Андрея. Кто, да откуда, как приехал, есть ли семья да родня? Андрей так же неспешно, но без лишних подробностей отвечал. Что да, с той стороны, из Пограничья, мальчишкой попал в оккупацию, потом в угон, родню поразтерял, вот только уже после Победы брата отыскал, а там Хэллоуин и снова разбросало, вот, только теперь нашёл, ну и приехал. Брат семейный, жена, дочь, на заводе работает, живёт в «Беженском Корабле».

– У брата, значит, поселился?

– Ага.

– А работал кем?

– На мужской подёнке, – усмехнулся Андрей. – Всякая работа была.

– Ладно, – кивнул Сидоров. – Кончай перерыв, мужики, пора, – и черноусому: – Василий, сегодня закончить надо.

– Раз надо, значит, сделаем, – Василий встал. – Пошли, Андрюха.

Скрывая улыбку, Андрей встал и пошёл за Василием.

И уже бегал по его поручениям, держал, подавал и вообще был на подхвате. Но метлу никто не отменял, и закончил Андрей смену опять уборкой цеха.

Выйдя на улицу, Андрей отправился на поиски магазина. Рабочую одежду в торговых Рядах не покупают, голому ежу понятно. Итак, чего и сколько... рубашки, ботинки, брюки запасные, хоть спецовку и выдали, а всё равно нужны, замок висячий, а то он пока петли проволокой замотал, узел, правда, хитрый, кто полезет, то будет долго маяться, но замок надёжнее. Так, на всё это у него деньги есть. И ещё чего-нибудь в дом. Вкусенького. Посмотрим. Торт – не торт, а скажем... шоколаду. В честь первого рабочего дня. И ещё: надо ж ему те деньги дотратить, чтоб уж окончательно с прошлым расплесться.

В маленьком магазинчике в соседнем квартале он купил всё необходимое. Три тёмные – непонятного бурого цвета – рубашки, три голубые майки – видел сегодня многих в таких же, и крепкие простые ботинки. Замков здесь не было, это в хозяйственном. А это ему как раз по дороге. Свёрток получился увесистый и не очень дорогой, меньше двадцатки ушло.

Андрей шёл, небрежно покачивая на пальце свёрток с покупками и благодушно оглядывая улицы и прохожих. Работа, считай, на полдня и по силам. Вот только руки натёр, за полгода сошли мозоли, ну да это пустяки, своя шкура – она такая, ага, вспомнил регенерирующая, а по-простому самозарастающая. За два дня натрём, нарастим. А сейчас он идёт домой, к семье. Нет, жизнь прекрасна и удивительна. Это он ещё до лагеря слышал. И никогда не оспаривал.

Когда Эркин пришёл домой, Андрея и Жени ещё не было. Алиса встретила его радостным визгом и, как всегда, пока он раздевался, выкладывал покупки и мыл руки, рассказывала ему о своих делах и занятиях.

– Ты ела? – Эркин вклинился в её быстрый, как у Жени, говор.

– Ела, – кивнула Алиса и, быстро сообразив, в чём тут дело и какой подвох, добавила: – И спала. Правда-правда, чес-с слово.

Эркин улыбнулся.

– А если я проверю?

– Ну-у, – Алиса задумчиво оглядела потолок. – Ну, постель я не разбираю. Ну, – и увидев, что он улыбается, опять зачастила: – Ну, я не хочу спать, ну, правда, ну, Эрик...

– Раз не хочешь, то и не надо, – кивнул Эркин. – Но только не ври.

– Ладно, не буду. А ты чего делать сейчас будешь?

– Я обед буду делать. А ты гулять пока пойдёшь.

– Ага-ага, – закивала Алиса. – Я и маму встречу, и дядю Андрея, и все вместе большим обедом пообедаем, да, Эрик?

– Да, – кивнул он. – Оденешься сама?

– Ну, я же не маленькая, – гордо ответила Алиса, отправляясь в прихожую.

В самом деле, уже тепло, ботики не нужны, а ботинки, пальто и беретик она сама наденет. Но Эркин вышел и проверил, всё ли у неё получилось правильно.

– Хорошо. Иди, гуляй.

Алиса вприпрыжку убежала по коридору к лестнице, а Эркин вернулся к хозяйственным делам. Как-то незаметно он за эти месяцы научился готовить, да и Женя оставляла всё нужное так, что только и нужно в кастрюлю сложить и на огонь поставить.

Так. Это он сделал. К приходу Жени всё будет готово. А Андрей... пора бы и ему вернуться. Хотя если у него прописка... правда, в первый день не прописывают, присматриваются сначала, ну, не неделю, но пару дней точно. А ладно! Всюду свои порядки.

Эркин выпрямился, оглядывая отёртую до блеска ванну. Как всегда, оставаясь один и тем более в ванной, он раздевался до трусов. И привычней, и легче, и костюм не снашивается. И вообще-то жарко уже в нём, шерстяной всё-таки. Ладно, он тогда его вывесит на кухонную лоджию проверить, как Женя его зимнюю робу, а потом уберёт, а дома будет старые джинсы носить. И ковбойки.

Он уже заканчивал уборку ванной, когда в замке заворочался ключ. Чертыхнувшись, Эркин бросился в спальню одеваться и столкнулся в прихожей с Андреем.

– О, это ты!

– Ага, – согласился Андрей, сваливая на пол свёртки. – Во, всего накупил! А ты что, так и ходишь? В трусах?

– Нет, – засмеялся Эркин. – Я ванную мыл, сейчас оденусь.

– Ага. А на кухне что горит?

Эркин кинулся на кухню, но смех Андрея остановил его.

– Ну, чертяка, ну...!

Они немного потузили друг друга в прихожей и уже решили, что пора бы привести себя и прихожую в порядок, когда пришли Женя с Алисой. Начались неизбежные шум, суeta и беспорядок, когда все говорят и всё делают одновременно. Тем более, что жаркое и впрямь начало гореть.

Наконец, все были умыты и переодеты, стол накрыт, а покупки рассмотрены и в целом одобрены. И сели за стол.

– Ну, – Женя с удовольствием оглядела стол и едоков, – Алиса, не вози по тарелке, ешь нормально. Хорошая бригада, Андрюша?

– А-атличная! – радостно ответил Андрей. – У меня так хорошо, что как в сказке.

– А что, столовой у вас нет? – Эркин доел салат и мотнул головой, отказываясь от добавки.

– Не-а, – Андрей вилкой повозил по тарелке последнюю картофелину, чтобы подобрать соус.

– Так что, голодный весь день? – ужаснулась Женя.

– Нет, Жень, что ты. Там торговки приходят, щи у них, каша. Я на пятнадцать копеек от пуза наелся.

– А для бутербродов тогда коробку зачем купил? – Эркин встал, собирая посуду. – Нет, Женя, кастрюля тяжёлая, я сделаю.

– Я лучше с бригадой чай пить буду, – серьёзно ответил Андрей и улыбнулся, – вприкуску.

Эркин поставил кастрюлю с супом на стол, и Женя разлила по тарелкам.

– Андрюша, а ты щи любишь?

– Я вообще к еде равнодушен, – Андрей бережно принял от Жени тарелку. – А щи или суп... Я не мелочен, всё сойдёт.

Женя так рассмеялась, что едва не выронила тарелку. Смеялся и Эркин, хотя до него не сразу дошло, настолько серьёзно говорил Андрей. Алиса ничего не поняла, но смеялась до упаду.

– Нет, от бригады отрываться нельзя, – вернулся к прежней теме Эркин. – Это ты правильно решил.

– Угу. Женя, у меня слов нет, как вкусно.

– Ещё? – улыбнулась Женя.

– Для остального места не останется, – удручённо вздохнул Андрей.

Эркин поставил на стол кастрюлю с жарким и полез в шкафчик за мелкими тарелками.

– Алиса, достань огурцы, они под окном, – распорядилась Женя, раскладывая жаркое.

– Ага, мам, я знаю.

Андрей, к радости Жени, оказался таким же любителем «хрустких» огурцов, как и Эркин с Алисой.

После жаркого пили чай. С остатками вчерашнего торта и конфетами. Андрей купил себе не просто кружку, а подарочную, наполненную конфетами.

– Андрюша... – начала было Женя.

Но Андрей её перебил.

– У меня первый рабочий день, Женя. Надо же отметить.

– Ну, хорошо. А завтра...

– Завтра мы с Эркином гуляем, так?

– Да, – кивнул Эркин. – Женя, я завтра после работы с бригадой... Ну, я рассказал им про Андрея.

– Ну, конечно, – кивнула Женя. – Конечно, идите.

– Слушай, Андрей, – Эркин разгладил фантик и по столу подвинул его к Алисе. – А у тебя когда прописка?

– В понедельник, наверное, – Андрей размешал сахар и облизал ложечку. – Сказали, мой черёд приносить чай и сахар. Думаю, и прописка тогда же.

– Наверное, – кивнул Эркин. – Меня в пятницу, на второй день, прописывали.

– Дорого? – деловито спросил Андрей.

– Пива всем поставил и бутербродов, – Эркин улыбнулся воспоминанию.

– Не проблема, – Андрей залпом допил свою чашку.

– Андрюша, ещё? – предложила Женя.

Но тут ответить Андрей не успел, потому что неожиданно вмешалась Алиса.

– Так ты дядя Андрей или дядя Андрюша?

– Я Андрюха, – быстро ответил Андрей и озорно засмеялся удивлению Жени и Эркина. – Меня так в бригаде называли. Мне нравится.

– Мне тоже, – решительно заявила Алиса, слезая со стула. – Мама, я всё. Андрюха, пошли играть.

– Какой он тебе Андрюха? – возмутилась Женья.

– Хороший! – Алиса взяла хохочущего Андрея за руку и повела из кухни. – Мама, Эрик, закончите с посудой и приходите. Мы вас ждём.

– Точно, племяшка, – согласился Андрей. – Так что, не задерживайтесь.

Когда Женья с Эркином пришли в комнату Алисы, там бушевало веселье и не присоединиться к нему было невозможно. Наигрались так, что за ужином Алиса стала клевать носом и чуть не заснула прямо за столом.

А когда Алису уложили спать, Женья налила три чашки, и они снова сели за стол. Уже для спокойного и по делу разговора.

– Ну так, Андрюша, у тебя...

– У меня всё отлично, Женья, правда.

Андрей бережно обхватил обеими ладонями свою чашку, улыбнулся совсем не похожей на его обычную ухмылку мечтательной, даже нежной улыбкой.

– Всё хорошо, – убеждённо повторил он, – и лучше не бывает.

– Ты, как Эркин, – засмеялась Женья, – он тоже так всегда говорит.

– А чего ж нет, – улыбка Андрея стала озорной. – Брат у меня умный, старший, грех не слушаться.

– Это когда ты меня слушался? – удивился Эркин.

– Всегда, – Андрей подмигнул Жене. – Когда ты не дурил.

– Та-ак, – Эркин демонстративно нахмурился, но тут же улыбнулся, потому что Женья засмеялась. – Ладно, посмотрим, как ты меня слушаешься. Как у тебя с деньгами?

– До полочки хватит, – лицо Андрея стало серьёзным. – Мне восемьдесят рублей положили. Моя доля в хозяйстве...

– Андрюша...

– Андрей...

– Нет, Эркин, Женья, подождите. Хозяйство у нас общее или мне на квартиру съезжать?

– Ну как ты можешь?

– Могу, Женья. И могу, и хочу. Я работаю и, поймите, не буду я за ваш счёт жить. Даю, сколько могу.

– Андрюша... ладно, – теперь Женья остановила его. – Хорошо, давай так. Реши, сколько ты можешь давать в месяц. Тебе же ещё на работе есть надо, и одежду покупать, и...

– Тридцатку в месяц, – сразу, но как явно продуманное сказал Андрей. – Пятидесяти мне на всё остальное хватит.

– Хорошо, – кивнула Женья.

И тогда нехотя кивнул Эркин.

– Ну вот, – Андрей допил чай и встал. – Всё решили, я спать пойду. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Андрюша, – улыбнулась Женья, а когда Андрей ушёл, тихо засмеялась. – До чего же вы похожи.

– Да-а? – вырвалось у Эркина.

– Ну конечно, – Женья взлохматилась и тут же пригладила ему волосы. – Вы же братья.

– И деньги с него берём, да? – Эркин резко встал. – Нет, Женья, пойду поговорю с ним.

Женья покачала головой, но промолчала.

Эркин быстро вышел из кухни, пересёк тёмную прихожую, большую комнату, из-под двери маленькой комнаты световая полоска. Он невольно замедлил шаг, поднял руку, будто хотел постучать, но ограничился тем, что позвал:

– Андрей...

– Ага, – сразу откликнулся Андрей. – Заходи.

Эркин толкнул дверь и вошёл. Андрей стоял у раскрытого шкафа, раскладывая на полках свои рубашки, рядом на стульях приготовлены стопки маек и трусов.

– Андрей, – Эркин прикрыл за собой дверь. – Послушай. Я... я не хочу... так...
– Это как?

Андрей положил рубашку и обернулся к нему.

– Ты о чём, Эркин?

– Ну... ну, ты мне брат, и я буду с тебя деньги брать? Нет, я не хочу так.

– Ага, понятно, – кивнул Андрей. – А я на твои деньги жить не хочу. С этим как?

Эркин первым отвёл глаза, вздохнул.

– Не знаю. Но... нехорошо как-то, Андрей.

Они стояли друг против друга и молчали. И, наконец, Андрей заговорил.

– Знаешь, я ещё в лагере думал, что если найду тебя, если будем вместе, то как будем. И знаешь... есть три варианта, понимаешь? Три решения.

Эркин кивнул, внимательно глядя на Андрея. Таким... серьёзным он его не помнил.

– И какие решения? – наконец спросил он.

– Первое. Я даю часть зарплаты на общее хозяйство, а остальное трачу, как хочу. Второе. Я отдаю всю зарплату, а если мне что надо, то прошу у вас из общих денег. И третье. Я ухожу на своё хозяйство. Найду себе жильё, а к вам, – он улыбнулся, – буду в гости ходить. Решай, Эркин. Ты – мой брат. Старший брат. Как ты решишь, так и будет.

Эркин, сосредоточенно хмурившийся, пока Андрей говорил, с каждым его словом всё больше мрачнел. И Андрей, глядя в упор на это потемневшее и как-то отяжелевшее лицо, твёрдо, хотя внутри всё дрожало, повторил:

– Решай, брат.

Эркин молчал долго, и Андрей так же молча ждал.

– И по-другому не хочешь? – напряжённо спокойным голосом спросил Эркин.

– Не могу, – так же внешне спокойно ответил Андрей.

– И ты думаешь, у меня есть выбор?

– Есть, – твёрдо ответил Андрей. И упрямо повторил: – Решай.

Эркин судорожно сглотнул и заставил себя улыбнуться.

– Первый, конечно, – и улыбнулся уже свободно. – Стервец ты, неужели я бы дал тебе уйти.

– Ага-а, – торжествующе ухмыльнулся Андрей и, шагнув вперёд, обнял Эркина. – Только сейчас догадался, что ли?

– О чём?

– А что я стервец.

Эркин обнял его и мягко, в последний момент удержав руку, хлопнул по спине.

Они постояли так, обнявшись, и одновременно разорвали объятия.

– Ладно, – Эркин сглотнул удержанные слёзы. – Ладно, не проспи завтра.

– Да не в жисть! – Андрей тряхнул кудрями. – И в пивную завтра, я помню.

– Да, – улыбнулся Эркин и, мягко толкнув Андрея в плечо, пошёл к двери. – Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – кивнул ему вслед Андрей.

И, когда Эркин вышел, он тяжело сел на диван, свесив сразу набрякшие усталостью кисти рук. Нелегко ему дался этот разговор. А если бы Эркин упёрся? Или выбрал бы третий вариант? Тогда как? Но... ладно, обошлось. Надо с бельём закончить. На завтра он уже собрал всё, так что... и в самом деле, пора спать. Он оттолкнулся от дивана и встал. Быстро, без удовольствия, а просто потому, что надо, разложил вещи, постелил себе и пошёл в ванную. Всё-таки устал он сегодня.

Женя ждала Эркина, как всегда расчёсывая на ночь волосы у зеркала в спальне, и, когда он вошёл, спросила, не оборачиваясь:

– Ну как?

Эркин привычно повернул задвижку на двери, сбросил на пуф халат и подошёл к Жене. Встал за её спиной и, наклонившись, зарылся лицом в её волосы.

– Всё хорошо, Женя. Как ты и говорила. Андрей будет давать на хозяйство.

Голос его был невесёлым, и Женя повернулась к нему, обняла.

– Ну, что ты, Эркин, ну...

– Умом я понимаю, Женя, – вздохнул Эркин. – А всё равно... Женя...

– Ничего, – она поцеловала его. – Всё хорошо, Эркин, вспомни, как ты сам всегда говорил, ну, что не хочешь на халяву жить, ну же, Эркин, и Андрей так же...

Она говорила и целовала его, и, почувствовав, что он успокоился, поцеловала ещё раз, и погладила по плечу.

– Ну, всё, Эркин, давай спать, поздно уже, а тебе в первую.

– Да, – наконец выдохнул Эркин. – Да, спасибо, Женя.

И когда они легли, протяжно вздохнул, как всхлипнул.

Пятница для Андрея прошла в той же беготне по разным мелким поручениям, уборке двора и цеха. Правда, как он подозревал, кое за чем его гоняли в кладовку для проверки. Знает ли он, как что выглядит и называется. За энергией пока не посылали, и заготовленный ответ пропадал впустую.

В обед он пил со всеми чай с бутербродами. Участвовать в общем разговоре наравне со всеми ещё не мог. И по возрасту, и по стажу ему пока помалкивать положено. Да и в городе он недавно, не знает ничего. Митроха к нему не цеплялся, поглядывал искоса, но молчал. Да и, как заметил Андрей, Митроха тоже на побегушках и подхвате, так что особо задираться тому невыгодно: на равных они, отплатить, значит, может с лихвой и будет в своём праве. Бутерброды его были, в принципе, как у всех, чашка только поновее и понаряднее, да ещё коробка. У остальных бутерброды в свёртках. Но прошло без особого внимания. Вообще-то Андрей боялся только одного. Что зайдёт речь о прописке и чтоб именно сегодня. В понедельник-то он пожалуйста, со всей душой и полным удовольствием, а сегодня-то никак. Но... обошлось. То ли к нему ещё присматривались, то ли здесь прописка чаем и сахаром... ну, на это ему плевать, деньги есть. От тех денег у него ещё тридцатка с мелочью осталась, а через неделю уже зарплата.

Тридцать с мелочью. Рубль в день – еда и сигареты. Это семь рублей. За эту неделю он на хозяйство не давал и дать не сможет – это идти на серьёзный скандал с Эркином и Женей. Ладно, купит чего-нибудь из еды или там в хозяйство. На это... ну, десятку, ну, пятнадцать рублей. Теперь, что ему в своё хозяйство нужно? С одеждой пока завяжем. На лето всё есть, а об осени и зиме позже подумаем. В комнату... Так. Из мебели... вроде ничего не надо. Пепельницу, пожалуй, а то курить захотелось – в форточку окурочек кидал, в ладонь пепел стряхивал. А вообще-то... спешить ему некуда, можно не пороть горячку и обживаться спокойно...

Занятый этими мыслями и подсчётами, Андрей доработал до конца смены, быстро переоделся, запер шкафчик, и, пока остальные ещё только собирались в бытовку, его и след простыл.

До завода Андрей бежал. Кончает-то Эркин, как и он, в три, пока переоденется, то да сё, так ведь и он себя в порядок приводил, нехорошо получится, если его ждать будут.

Из проходной уже сплошным потоком выходили люди, и Андрей огорчённо выругался. Вот непраха! Ищи теперь Эркина в этой каше. Он остановился и закурил, огляделся уже спокойно и внимательно. Так... так лучше не искать, а встать на видном месте, чтоб тебя увидели и окликнули.

Они увидели друг друга одновременно. Андрей сплюнул окурочек в ближайшую урну и пошёл к Эркину, окружённому толпой кражистых мужчин.

- Вот, – счастливо улыбнулся Эркин. – Вот он.
- Ну-ка, покажись...
- Воскрес, значит...
- Ну-ка...
- Ну, на счастье...
- Раз хоронили, значит, долго жить будешь...

Андрею жали руки, хлопали по плечам и спине, тут же перезнакомились и дружной толпой отправились в пивную. Вёл по праву угощающего Эркин. И пиво с бутербродами на всех он брал. По большой кружке и два бутерброда. И Андрей от себя маленькую и бутерброд. И тоже на всех и каждому.

- Ну, гуляем!
- А что, так и надо.
- Ну, здоровья тебе, парень.
- И удачи.

Андрей охотно смеялся, отшучивался, благодарил. Хорошая ватага у Эркина, повезло брату, он же видит, что к Эркину с полным уважением.

- Как же так вышло, парень?

– А просто, – Андрей встряхивает кудрями. – Ранило меня. Ну, нашлись добрые люди, подобрали, выходили.

- А о себе чего ж не давал знать?
- Брат тут извёлся прям.

Эркин смущённо покраснел.

- Да уж, переживал он за тебя, – кивнул Саныч. – Чего ж таился?

И на этот вопрос у Андрея был заготовлен ответ. И ответил он серьёзно и почти правду.

- Подставить боялся. Я-то уехал и всё, а им там жить.

Когда говоришь правду, то верят сразу. Понимающие кивки, сочувственное хмыканье.

- Ну, понятно тогда.
- Да уж.
- За добро добром надо.
- Чего уж там.

И вдруг шуплый – и чего доходягу в грузчиках держат? – мужичонка, с жадностью хлебавший пиво, хмыкнул:

- Слышь, вождь, а тот майор тебя, значитца, когда зимой мотал, знал уже?

Эркин ответить не успел. Медведев раздельно произнёс:

- Ря-ха!

Саныч удивился:

- Ты это про что? Не помню, чтоб такое было.

А Лютыч веско объяснил:

- Готов Ряха. Допился, что казаться стало.
- Ну-у?! – вылупил глаза Серёня. – А говорят, там чертей зелёных ловят, ну, кто допился.
- Или слонов видят, – кивнул Петря. – Розовых.
- Кому черти, кому слоны, – заржал Колька, – а Ряхе майоры.

Поржали, и на этом инцидент был исчерпан и забыт. Андрей сделал вид, что не обратил внимания, ну, мало ли что спьяну болтнут. Но Эркин знал, что ни слова брат не упустил и будет спрашивать. А рассказать о майоре – это рассказывать и о Бурлакове. Ну... ну, что ж, может, и к лучшему, чтобы так...

А разговор пошёл своим чередом. Не спеша, обстоятельно допили пиво. Большую кружку Эркина под шумок утащил Ряха, все этого презрительно не заметили, а сам Эркин и маленькую

не допил. И уже стали расходиться, снова желая Андрею и Эркину здоровья и удачи, когда Колька сказал:

- Ну, счастливо, Мороз.
- Завтра с утра, – кивнул Эркин.
- Так ты ж с братом, небось, – удивился Колька.
- Вдвоём и придём, – улыбнулся Эркин.
- Придём, – сразу согласился Андрей. – А зачем?
- Курятник ладить будем, – объяснил Эркин.
- Замётано, – энергично кивнул Андрей.

И Эркин счастливо улыбнулся.

Уходили они не первыми, но и не последними. К удивлению Эркина, на улице уже смеркалось.

- Однако, засиделись мы.
- Ага, – Андрей с улыбкой оглядывал улицу. – Хорошая у тебя ватага.
- Да, – улыбнулся Эркин. – Я... знаешь, я не думал, что так может быть. Так хорошо.

Андрей кивнул. Они шли рядом по голубой от медленных сумерек улице. Вечер пятницы, преддверие выходных. Все добрые и весёлые, будто слегка хмельные. Андрей ждал, но Эркин сам не начинал разговора.

- Так что это за майор? – спокойно, даже небрежно спросил Андрей.

Эркин вздохнул.

– Ты помнишь, на выпасе ещё, в резервацию приезжали, ну, на переезд уговаривать. Только он тогда не в форме был.

- Ага-а, – протянул Андрей.

Он по-прежнему улыбался, но улыбка стала другой.

- А на этот раз кто свистел?

– Никто, – усмехнулся Эркин. – Он... словом, зуб у него на меня. Ещё с выпаса. Да и в тюрьме он ко мне цеплялся.

- Это когда ты в тюрягу попал?

– А на Хэллоуин, – Эркин стал перемешивать русские и английские слова. – Нас всех, кто в Цветном был, загребли. В грузовик и в тюрягу. Трое суток держали, допрашивали.

- Сильно били? – глухо спросил Андрей.

– Пальцем не тронули. Меня лейтенант Орлов, я запомнил, допрашивал. Ну, только название, что допрос, просто про свору спрашивал, про Хэллоуин. Нормально. Потом сказали, что необходимая самооборона, и отпустили, – Эркин усмехнулся. – Перетрухал я, конечно. На мне много трупов висело. За тебя, за Женю... отпустил я душу тогда.

- Понятно, – кивнул Андрей. – А майор этот?

– Ну, появился он, как раз первый допрос был. Узнал и вцепился с ходу. Я только не понял, кто ему был нужен. И по тебе, и по... лендлорду, и по старшему ковбою. Ну, – Эркин зло усмехнулся. – ну и по мне... потоптался.

- Это как?

– А он знал уже, что я... спальник. Ну и начал. Зачем Бредли меня к Жене в постель подложил.

- Чи-го-о-о?! – изумился Андрей.

- То самое и есть. Сам не знаю, как смолчал.

- А Джонатан с Фредди ему зачем?

– Не знаю, – Эркин вздохнул. – Покуражился он надо мной, конечно... по-надзирательски. Страху я нахлебался... Как положено. Но... обошлось. Вспоминать неохота.

- Ладно, раз обошлось, – согласился Андрей.

Раз Эркин не хочет сейчас говорить, не надо. Но вот это прояснить, не откладывая.

– А зимой что было?

Эркин вдруг рассмеялся.

– А ничего и не было. Он меня на рабочем дворе в обед заловил. Иду я себе из столовой, тянусь на ходу потихоньку... и тут он! Нос к носу. Я вот до сих пор понять не могу, зачем он меня в профсоюз пригнал. А там... бригада подросла. И старшой с ходу: где ордер? Нет ордера – и парня, меня, значит, нет. И всё!

Эркин подмигнул Андрею, и тот с удовольствием заржал. Но странно: обычно Эркин рассказывает подробно, со всеми деталями и так, что сам как видишь всё, а сейчас... что-то брат не договаривает. Что-то там ещё было. И в Хэллоуин, и зимой уже здесь. Что? Но... он просил не спрашивать его ни о чём, а сам... Андрей покосился на Эркина.

– Слушай, а... парк тут или ещё чего такое есть?

– Есть, – удивлённо кивнул Эркин. – На площади у Культурного Центра. Там для детей горки всякие, качели. Так и называется. Детский парк.

– Нет, – вздохнул Андрей. – Не пойдёт.

– А что?

– Да... посидеть, поговорить.

– Ну, – Эркин огляделся. – В чайной можно. Или ты пива хочешь?

– А ну его! А чайная... то, что надо.

Маленькая чайная нашлась быстро. Пятница, правда, народу много. Но место отыскалось, и удачное – в углу. Так что никто не подсядет и не помешает разговору. Им принесли четыре пузатых фарфоровых чайника. Два больших с кипятком и два маленьких с заваркой. Чашки, блюда. И вазочку с кусками твёрдого колотого сахара.

– Пироги у нас отменные. С творогом и вареньем сегодня очень хороши. Прикажете?

– Давай, – кивнул Андрей. – Тоже по такому и такому, – и когда половой побежал за пирогами, с усилием поднял на Эркина внимательные и серьёзные до строгости глаза. – Что было-то, брат?

Эркин сглотнул.

– Я... я не знаю, как тебе об этом сказать. Столько всего...

– Всё и скажи. Зимой майор этот опять про меня спрашивал?

– Он ни о чём спросить не успел. Я ж сказал, бригада прибежала. А там, в профсоюзе, Селезнёва была, Лидия Александровна, она у нас на заводе профсоюзом занимается. И Бурлаков. Председатель Комитета.

– Та-ак, – протянул Андрей и широко улыбнулся. – А вот и пироги, – но, как только половой, поставив перед ними пироги, отошёл, снова стал серьёзным. – И что Бурлаков?

И тут же выругал себя, что неосторожно спросил. Надо было сначала про Селезнёву, но не может он играть с Эркином.

– Он... председатель Комитета, в лагере у нас выступал, – Эркин остановился, глядя на Андрея, словно ждал его ответа.

– У нас тоже, – кивнул Андрей.

– Тогда... ты видел его?

– Ну, видел, – пожал плечами Андрей.

– Он... – Эркин не смог договорить.

– Ну? – Андрей внимательно смотрел на него. – Ну, профессор, доктор исторических наук, ну...

– Он твой отец, – тихо сказал Эркин.

Андрей заставил себя допить чашку, заесть пирогом, налить новую. Руки у него не дрожали.

– Это каким ветром тебе надуло?

Но ни его слова, ни вызывающе насмешливый тон не обидели Эркина.

– Это не ветер. Он... он пришёл к нам в тот же вечер, домой. Показал фотки. И попросил отобрать те, что на тебя похожи. Я смотрел, Женя, даже Алиса. И мы нашли, ну, похожих на тебя. А это были его фотографии, и его родных, его отца, жены, её брата. Вот и сошлось.

– Вот и сошлось, – медленно повторил Андрей.

– Да, – Эркин облегчённо перевёл дыхание. Вот и сказано самое страшное. Дальше будет легче.

– И что он ещё сказал?

– Что тебя зовут Сергеем. На самом деле. И что все остальные, ну, из вашей семьи, погибли.

– Ясненько, – кивнул Андрей. – Зимой это было?

– Да, в январе, после Нового года точно. А... а ты когда его видел?

– В лагере, – улыбнулся Андрей.

Его улыбка не понравилась Эркину. Но... но он обещал Андрею ни о чём не спрашивать.

– Андрей... – нерешительно начал Эркин.

– Да, браток, – сразу откликнулся Андрей и улыбнулся. – Да, я – Андрей, всё правильно, Андрей Фёдорович Мороз.

– Так... ты не помнишь его?

– Помню или не помню, дело не в этом теперь. Ладно, – и улыбнулся уже по-другому. – Спасибо, брат.

– За что?

– А что сказал.

– И как ты теперь?

– Что как?

Непонимание Андрея казалось искренним, и Эркин выговорил самое страшное:

– Уедешь к нему?

– Ещё чего?! – возмутился Андрей.

И увидев мгновенную улыбку Эркина, с радостной уверенностью продолжил:

– Да на фиг он мне сдался.

Эркин с требовательной суровостью посмотрел на него.

– Он твой отец, Андрей.

– Я ему тоже на фиг, – успокаивающе сказал Андрей.

– Но...

– Без «но», браток. Раз говорю, значит, знаю, – Андрей стал уже совсем прежним. – Ладно, браток. Если этот майор опять сунется, отобьёмся. Нас же двое теперь. Да твоя бригада, да моя. Замочим за милую душу. Технически. Сделаем, чтоб ни кончика не торчало.

Эркин засмеялся.

– Ряха ему обещал под маневровый паровоз попасть. Рельсы скользкие, – передразнил он Ряху.

– А что, – сразу согласился Андрей. – Стоящее дело. Стада-то здесь не найдёшь. Ну, чтоб бычки прошлись. Помнишь, на перегоне?

– Да, – кивнул Эркин.

Андрей заметил, что согласился Эркин без особого энтузиазма. Чего это с ним? И про перегон вспоминает неохотно. И... ладно, это потом обдумаем. Два дела сразу не делают.

– Слушай, а ничего пироги, а?

– Да, – обрадовался смене темы Эркин. – Совсем даже ничего. И чай хороший.

– Угу, – Андрей с аппетитом доедал свою порцию. – С творогом, по-моему, получше был.

– А мне оба понравились, – засмеялся Эркин.

Так за разговором о еде они закончили чаепитие, расплатились и вышли.

Было уже совсем темно, горели фонари, светились окна домов. Они шли рядом, как когда-то в Бифпите и Джексонвилле.

– Застегнись, продует.

– Ни хрена мне не будет, – весело ответил Андрей, но ветровку застегнул: вечер прохладный, а куртка только по названию, плевком прошибёшь, сюда бы его джинсовку... – Слушай, браток, а шмотьё моё что? Томсониха не отдала тебе? Ну, хозяйка моя.

Эркин искоса посмотрел на него, опустил голову.

– Та-ак, – протянул Андрей. – Ну, давай, Эркин, чего уж там. Чего она...?

– Её убили, Андрей, – тихо сказал Эркин. – Не думай о ней плохо.

– И кто её? – очень спокойно спросил Андрей.

– Свора. А дом соседи разграбили. Ничего не уцелело, – Эркин вздохнул. – Я, когда из тюрьмы вернулся, зашёл, так... так даже тряпок не осталось. А, нет, рубашка твоя, помнишь, в голубую полоску, от неё рукав, что ли, валялся.

– Понятно, – хмуро кивнул Андрей. – Ладно, земля ей пухом, как говорится. Значит, свора. А грабили соседи, говоришь?

– Думаю, да.

– Ну, ясно, – Андрей зло сплюнул, достал сигареты и закурил.

– Нашу квартиру тоже... – тихо говорил Эркин. – Сарай расшарашили. Ни полена, ни картофелины, ни гвоздя. А квартира... Я зашёл, так страшно стало. Женя посуду и постели не взяла, так одни черепки и перья повсюду.

– Понятно, – повторил Андрей и улыбнулся. – Ладно, браток. О прошлом не горюй, о будущем не думай, а... живи себе попросту.

– Согласен, – улыбнулся Эркин. – А вон и «Корабль» наш.

Андрей окинул взглядом расцветенную огнями окон громаду и кивнул.

– Красиво. А... наши окна где?

– А вот, – показал ему Эркин. – От башни отсчитывай. На кухне свет горит и у Алисы. Ждут нас.

И, не сговариваясь, оба одновременно прибавили шагу.

Андрей ждал, что Женя хоть как-то выскажется об их загуле. Но им просто обрадовались.

От чая они дружно отказались.

– Женя, мы после пивной ещё в чайной посидели, – объяснил Эркин. – Поговорили.

– Ну ладно, – согласилась Женя. – Андрюша, поешь чего-нибудь?

– Звучит невероятно, но я сыт, – засмеялся Андрей.

– Андрюха, я тогда твою конфету тоже съем? – решила уточнить Алиса.

– На фиг! – возмутился Андрей. – Свои конфеты я сам ем.

– Ты же сыт!

– А конфеты – не еда! – победно возразил Андрей. – И почему тоже? Чью ещё конфету ты съешь?

– Эрика, – сокрушённо вздохнула Алиса. – Вы же вместе были, он тоже сытый.

Эркин от смеха не мог стоять и сел на табурет у вешалки. Смеялась, держась за дверной косяк, и Женя. Ободренная этим смехом, Алиса перешла в наступление.

– Так обе конфеты мои, замётано.

Теперь заржал и Андрей.

Но, к разочарованию Алисы, конфет ей всё равно не дали. Правда, Эрик поиграл с ней в щелбаны. А потом в щелбаны играли Эрик с Андрюхой, а она и мама болели, и Эрик выиграл и щёлкал Андрюху по лбу.

Наконец Алису уложили спать. Женя поставила на стол чашки, налила чай. Андрей, потирая лоб, покосился на Эркина.

– Однако рука у тебя, братик, того...

– Ты давно не играл, что ли? – Эркин с наслаждением глотнул чаю. От смеха у него пересохло в горле. – Скорость не та стала.

– Да, – кивнул Андрей, – с Хэллоуина не играл. А ты с кем тут дуешься?

Эркин усмехнулся.

– Есть тут один... малец. Учимся вместе, и вот на переменах иногда.

– Понятно, – кивнул Андрей. – Да, слушай, у этого, Кольки, инструмент-то есть? Курятник курятником, но одной пятернёй не сработаешь.

Эркин предвкушал, как он завтра ошеломит Андрея уцелевшим ящиком. Нет, в разговоре он промолчал не нарочно, просто не пришлось к слову, а потом, когда вспомнил, разговор уже шёл о другом, вот тогда он и придумал разыграть Андрея, но раз так повернулось, то тянуть нечего. Он мягко отодвинул чашку и встал.

– Я сейчас.

Подмигнул Жене и вышел.

– Ну, и чего он задумал? – подчёркнуто громким шёпотом спросил Андрей.

Женя в ответ сделала таинственно многозначительную мину, прислушиваясь к шуму за дверью.

Эркин вошёл в кухню. Андрей резко повернулся к нему и замер, полуоткрыв рот.

– Узнаёшь?

Эркин поставил ящик на пол. И, издав приглушенный, чтобы не разбудить Алису, восторженный вопль, Андрей кинулся к своему сокровищу.

Эркин и Женя молча смотрели, как он перебирает, перекладывает инструменты, пробуя на ногте лезвия, поглаживая рукоятки. Наконец, он оторвался от ящика, поднял на Эркина влажно блестящие глаза.

– Ну... ну, нет слов... Как ты смог, Эркин? Как выцарапал?

– Мне отдали, – Эркин сел к столу, отпил чая.

Сел к столу и Андрей, лицо его стало серьёзным.

– Я, когда утром шёл в комендатуру, – начал Эркин, – сделал крюк, мимо твоего дома прошёл. И меня окликнул. Старик, до подбородка мне не достаёт, дома через два от тебя, по другой стороне.

– Забор зелёный?

– Был зелёным, – поправил его Эркин. – Такой штaketник редкий, мне по пояс.

– Тогда помню, – кивнул Андрей. – Ну...

– Окликнул меня, – повторил Эркин. – Позвал в дом. И отдал ящик. И я ушёл. Вот и всё. Да, ещё он сказал, что знает, что это такое – инструмент.

– Он знает, – Андрей ладонями потёр лицо. – Я работал как-то у него. С проводкой помогал. Он знает. Ну, – он счастливо улыбнулся. – Ну, теперь живём.

Женя ласково улыбнулась им.

– Вот и отлично.

– Да-а, курятник мы завтра отгрохаем, – Андрей даже причмокнул. – Люкс-экстра.

Он залпом допил чай и встал.

– Спасибо, Женя, вкусно до обалдения. Я спать пойду, – кивком показал на ящик. – Эркин, ты где его держишь?

– В кладовке, – встал и Эркин. – Идём, покажу.

Женя стала убирать со стола.

Оглядев кладовку, Андрей тихонько присвистнул.

– Ну, ты размахался. Классно сделано, браток. И долго делал?

– Один день, – рассмеялся Эркин. – Знаешь, сколько народу ко мне на беженское новоселье пришло? И рассчитали, и сделали. Сам бы я, может, до сих пор колупался бы, и так здорово всё равно не вышло бы. А брус и доски мне бригада подарила.

– Беженское новоселье, – задумчиво повторил Андрей и улыбнулся. – Ладно, завтра по дороге расскажешь, ага?

– Замётано! – Эркин легонько шлёпнул его по спине, подталкивая к двери.

– Разбуди меня завтра, – попросил Андрей, выходя в прихожую. – Женя, спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Андрюша, – выглянула из ванной Женя.

Войдя в свою комнату, Андрей быстро постелил, разделся. Эркин наверняка мыться пошёл, ну, что ж, ладно, подождём. Он подошёл к шкафу. Книжные полки, считай, пустые. На одной учебники Эркина, на другой – те две книжки, что из библиотеки. Взял в среду, сегодня пятница кончается, а он и четверти не осилил. Андрей открыл дверцу, взял «Битву на Великой» и сел к столу. Но свет оказался за спиной. Надо будет лампу купить. Настольную. И... и торшер, пожалуй. Чтоб читать лёжа. Он сел боком и раскрыл книгу. Предисловие пропустим, попробуем без подсказок. Ну его, профессора, обойдёмся своим умом.

Одолев два десятка страниц, Андрей заметил, что тишина вокруг совсем ночная, посмотрел на маленький будильник на столе и чертыхнулся. Однако, засиделся он. Ладно, завтра почитает. Он закрыл книгу, убрал её в шкаф и пошёл в ванную. В квартире тихо и темно, и он оставлял за собой открытые двери, чтобы не зажигать лишнего света.

Ни Женя, ни Эркин не слышали, когда он лёг. Эркин в спальне сказал Жене, что Андрей знает об отце.

– Я сказал ему, Женя.

– Ну и молодец.

Он лежал, как всегда, на спине, а Женя рядом, и её ладонь на его груди.

– И как он, Эркин?

– Он... он не хочет... Понимаешь, Женя, Андрей говорил мне, ещё там, на выпасе, он не помнит, ну, что было... до лагеря. Он ни имени своего не помнил, ни где жил. Я ему сказал, рассказал, как Бурлаков приходил к нам, показывал фотки, фотографии. Я не знаю, Женя, но Андрей сказал, что... что он не нужен... отцу. И отец ему не нужен. Я... я не знаю, Женя, так бывает?

Женя вздохнула, погладила его по груди.

– Не знаю. Я придумала, Эркин. Я напишу Бурлакову. Пусть он приедет. Когда они увидят друг друга... Я уверена, Эркин, всё получится, как надо.

– Хорошо, – Эркин накрыл ладонь Жени своей, мягко прижал. – Хорошо, Женя, пусть будет так.

– Ну вот, – она поцеловала его в висок. – Спи, милый.

– Ага-а, – протяжным сонным выдохом согласился Эркин.

Обычно в субботу Эркин, как всегда, просыпаясь на рассвете, тут же засыпал снова. Но сегодня, помня, что им идти к Кольке, он осторожно, чтобы не разбудить Женю, вылез из-под одеяла и подошёл к окну. Проверая себя, выглянул на улицу. Да, для субботы рано, а для дела – вовремя. Он по-прежнему бесшумно прошёл к комоду, достал и натянул чистые трусы. Хоть и должен был бы уже привыкнуть к белью, но каждый раз, как что-то в мозгу щёлкало, что надо одеться. И надо будет помочь Жене со стиркой, а то белья много становится.

Женя сонно потянулась под одеялом.

– Уже утро? Эркин?

Эркин подошёл к ней и, наклонившись, коснулся губами её виска.

– Я здесь. Поспи ещё Женя.

– А чего ты вскочил так рано? Я сейчас...

– Спи, Женя, – повторил Эркин. – Я чайник поставлю. Когда вскипит, я разбужу тебя.

– Ладно, – вздохнула Женя, засыпая.

Эркин ещё раз поцеловал её, поправил, укутывая, одеяло, и вышел, привычно захватив по дороге халат.

В ванной натянул джинсы и рубашку, на кухне поставил чайник на огонь и пошёл будить Андрея.

Дверь Андрей на ночь не запер, и Эркин, входя, ограничился лёгким стуком костяшек по косяку. Андрей спал, завернувшись, как всегда, в одеяло так, что макушка еле виднелась. Эркин мягко тронул его за плечо.

– Андрей, вставай.

Из-под одеяла донеслось невнятное бурчание. Эркин рассмеялся и подошёл к окну, раздвинул шторы.

– Что, утро уже?

Эркин обернулся. Взлохмаченный Андрей сидел на диване, протирая кулаками глаза, зевнул с подвывом и улыбнулся.

– Доброе утро, браток.

– Доброе утро, – ответно улыбнулся Эркин. – Давай, чайник уже греется.

– Мг-м, – Андрей ещё раз зевнул и встал, взялся за халат.

– Алиса и Женя спят ещё, так что дуй так по-быстрому, – рассмеялся Эркин.

– Ага, то-то я слышу, тихо как. Я мигом, браток.

Что Андрей умеет, когда надо, управляться быстро, Эркин и раньше знал. Он только успел всё достать для яичницы, как Андрей явился на кухню уже свежевыбритым и одетым, на расчёсанных кудрях надо лбом искрились капли воды.

– А вот и я!

– Ты яичницу умеешь делать?

– Не знаю, не пробовал, – фыркнул Андрей. – А что?

– Тогда я сам. А то Алису пора будить.

– Давай, разбужу, – с воодушевлением предложил Андрей.

– Уже, – в кухню вошла, затягивая поясок на халатике, Женя. – Доброе утро, Андрюша. Ой, яичница, ты молодец, Эркин. Алиска, ты меня слышишь? Не копайся. Андрюша, для хлеба в шкафчике возьми, Алиса, умываться, Эркин, я сейчас сделаю, ты чаю свежего завари...

Не подчиниться этому вихрю распоряжений невозможно. И вот уже все сидят за столом, трещит на тарелках яичница, дымится в чашках чай, громоздятся на тарелке бутерброды и конфеты в вазочке...

Женя с гордостью оглядела стол и села есть. Подгонять никого не приходилось. И тут же обговорили, что, разумеется, Алису поведёт на занятия Женя.

– И не дёргайтесь, когда придёте, тогда придёте.

– Угу, – Андрей прожевал яичницу, скорчил рожу Алисе и ответил наипочтительнейшим тоном. – Как скажешь, Женя, так и сделаем.

Эркин поперхнулся чаем и так кашлял, что Андрей и Женя вдвоём шлёпали его по спине к полному восторгу Алисы.

Отсмеявшись, Эркин допил чай и встал.

– Спасибо, Женя. Андрей, пошли.

Андрей встал из-за стола с явным сожалением и из кухни выходил чуть ли не задом наперёд, демонстрируя, что не в силах глаз оторвать от остающейся на столе еды. Женя хохотала до слёз, Алиса визжала от восторга.

На улице Эркин смог продышаться. Андрей шёл рядом, гордо оглядывая улицу и неся свой ящик.

– Ну, ты даёшь, – наконец выговорил Эркин.

– Бери на здоровье, братик, – фыркнул Андрей. – Мне для тебя ничего не жалко.

И Эркин снова заржал. О вчерашнем они не поминали. Эркин свой долг выполнил, сказал, а теперь Андрею решать. Это его отец, его кровь, и Эркин примет любое решение.

Залитые утренним солнцем улицы безмятежно спокойны. Молодая, ярко-зелёная листва, ослепительно голубое, ещё не выцветшее от летней жары небо. Эркин надел вместо непромокаемой куртки джинсовую, когда-то выигранную в Бифпите. Андрей покосился на него и улыбнулся. Ничего, брат, выжили мы назло всем, из такого дерьма, что и подумать страшно, выбрались, так что теперь... всё наше!

В Старом городе никакой сонной тишины. Во всех садах, огородах, дворах кипит работа. Весенняя страда. День упустишь – за год не наверстаешь. Андрей с жадным интересом вертел головой, разглядывая, удивляясь и восхищаясь.

И в Колькином дворе было шумно. Колька в одной тельняшке разбирал грудку досок и бруса, горланил пёстрый петух, путался в ногах Колобок.

– О! – восхитился Колька, увидев Эркина и Андрея. – В самый раз, братишки!

– Главное – к жратве не опоздать, – засмеялся Андрей. – А остальное само приложится.

Ну, где тут куринный дворец?

Рассмеялась и вышедшая на крыльцо Эсфирь.

– Во, Мама Фира, – радостно заорал Колька. – Какой брат у Мороза.

– Честь имею представиться, – тряхнул шевелюрой Андрей. – Андрей Мороз собственной персоной.

Улыбнулся и Эркин своей «настоящей» улыбкой, но спросил нарочито строго:

– Мы дело делать будем?

– А куда ж мы денемся?! – хохотнул Андрей.

И Эркин, сразу вспомнив привычку Андрея работать под трёп, счастливо засмеялся.

Женя быстро убрала на кухне, заглянула в комнату Андрея – полный порядок, в спальню – ну, Эркин, как всегда, всё успел.

– Алиса, одевайся.

А к осени Алиска, похоже, вырастет из матроски, для школы надо будет купить что-нибудь попрacticalнее, или форма будет? Там, в её школе-пансионе, была форма. И не сказать, чтобы удобная и красивая, но обязательная, это в колледже уже кто в чём, а здесь... это надо будет уточнить. Сегодня совсем тепло и сухо, так что можно без ботишков, а беретик... нет, беретик для комплекта.

– Алиса, альбом и краски взяла? Карандаши?

– Ну, мам, вот же, я ещё вчера всё сложила.

Женя уложила Алискино хозяйство в сумку, проверила свою сумочку. Ключи, деньги – всё на месте.

– Алиса, пошли.

На улице светило солнце и было так тепло, что Женя расстегнула плащ. Алиса шла рядом, и сама гордо несла сумку с набором для рисования. Догнали Зину с Димом и Катей. И, как обычно, дети пошли впереди, а мамы сзади. Тем более, что Зине надо было поделиться с Женей потрясающей новостью. Вчера она опять была у врача, всё хорошо, всё слава богу, а новость в том, что в Культурном Центре новые курсы, для будущих мам, и не по желанию туда, а по направлению врача, и ходить надо обязательно.

– Это же очень хорошо, – авторитетно заявила Женя.

– Думаешь? – засомневалась Зина. – Всё ж-таки раньше-то без этого обходились, и рожали, и выращивали.

– Ну, так мало ли что раньше было и чего не было.

– А ты ходила, когда Алиску носила?

– Нет, – Женя сразу и вздохнула, и улыбнулась. – Но я ещё раньше, в колледже, прошла такой курс.

– Ну да, ну да, – закивала Зина. – Конечно, раз надо, так, значит, и надо.

Помолчав, заговорили о школе. Дима тоже записали в новую школу.

– На три языка, – и, как всегда говоря о Тиме, Зина торжественно вздохнула. – Мой так и сказал, что знания лишними не бывают.

– Да, – с жаром согласилась Женя. – И ещё один язык – всегда хорошо.

– Свою-то тоже в тот класс записала?

– Ну да.

– Я вот думаю только, – Зина вздохнула уже не гордо, а озабоченно, – не тяжело будет?

Головка-то маленькая.

Дим сердито обернулся на эти слова, но промолчал.

– Да не думаю, – улыбнулась Женя. – Два языка они уже учат, и ничего.

– Говорят, этот, как его...

– Шауни, – подсказала Женя.

– Ну да, – кивнула Зина. – Трудный он, говорят, ну, ни на что не похожий.

– Всё трудно, когда не знаешь.

– И то, – согласилась Зина.

О том, что шауни – дикарский язык и на хрена такое дикарство – об этом она тоже уже много слышала и даже внутренне была согласна – Зина благоразумно промолчала: Мороз-то – индей, понятно, что жена со всем индейским согласная. И ещё ей хотелось расспросить Женю о её девере, что из мёртвых воскрес, но они уже пришли.

Поднимаясь по широким пологим ступеням главного входа, они обогнали черноволосого парня в военной форме без погон. Он шёл медленно, опираясь на резную палку. Дим уважительно оглянулся на позвякивание его медалей.

Отправив детей в класс, Женя и Зина разошлись. Зина пошла на свои курсы – ну, так удачно, что в то же время, что и у детей, не надо дважды ходить. А Женя побежала на почту. Там никто не мешает.

Работа шла весело. Очень легко Андрей занял ведущее место, покрикивая на Кольку и Эркина. Но, как и раньше, у него это получалось так весело и необидно, а сам он настолько явно знал своё дело, что работа спорилась и взрывы хохота не мешали стуку молотков и визгу пилы. Колобка Эсфирь забрала, чтоб не лез под руки, и солёные шутки Андрея заставляли Кольку приседать и корчиться от смеха.

– Ну, – Колька вытер слёзы и взял молоток. – Ну, ты даёшь, братишка.

– Я ещё и не то могу, – многообещающе сказал Андрей. – Давай, Эркин, не до вечера же колупаться, курочки же бездомные, петух обижается.

– Не смеши, – попросил Эркин, подавая ему сбитый щит. – Дыхалка же сбивается.

И когда Эсфирь пришла звать их обедать, доделать оставалось сушие пустяки.

– Пожрать – это всегда хорошо, – Андрей ударом молотка вогнал доску в паз и прыгнул вниз. – Ну вот, после обеда покроем и пусть себе кудахчут.

– Когда с яйцом, то квохчут, – поправил его Колька, помогая собрать инструмент в ящик.

– Скажи, какие тонкости! – восхитился Андрей.

За работой так разогрелись, что остались в одних рубашках. Но рукавов Андрей по старой привычке не закатал и, умываясь, только манжеты растегнул.

Сели за стол, и Эсфирь разложила по тарелкам винегрет и селёдку. Колька разлил по стопкам водку.

– Ну, за здоровье и за удачу.

– Чтоб всем всего и побольше, – потрянул шевелюрой Андрей.

– И сразу, – добавил Эркин, чокаясь с Андреем и Колькой.

Стопка маленькая – на один глоток, и Эркин выпил спокойно.

После селёдки ели борщ, макароны с мясом и пили компот из сухофруктов. Андрей шумно и весело восторгался каждым блюдом. Колька сиял так, будто сам готовил. Но объяснилось это в конце обеда. Когда вставали из-за стола, Колька сказал:

– Ну, спасибо, Мама Фира, по-флотски накормила.

– Это как? – спросил, выходя во двор, Андрей.

– Ну, – стал объяснять Колька. – На флоте, ну, на кораблях такое. Борщ, макароны с мусором, ну, мясным фаршем, и компот. Вкуснота.

– Точно, – серьёзно кивнул Эркин. – Ты как, Андрей? Работать можешь? Или полежишь, отдохнёшь?

– Во! – восхитился Андрей. – Вот брат у меня. Другой такой язвы не найдёшь.

– Ну, до тебя мне далеко, – рассмеялся Эркин.

Колька с удовольствием заржал.

Работы и впрямь оставалось немного. И солнце стояло ещё высоко, когда Андрей с шиком заорал:

– Принимай работу, хозяйка!

А Колька залихватски свистнул. Колобок, как из-под земли выкатившийся им под ноги, попытался тоже свистнуть, но у него даже шипения не получилось. От обиды он чуть не заплакал, но тут его сгрёб в охапку Андрей и стал показывать столицу, подбрасывая в воздух. Колобок упоённо визжал. Ещё Андрею хотелось посмотреть, как у кур новоселье пройдёт, оценят ли они, что всё по науке сделано, по затрёпанной, многократно подклеенной книге «Птицеводство». Но Эсфирь позвала их пить чай.

– Обойдутся без тебя куры, – шлёпнул Андрея по спине Колька. – Им петух всё разобъяснит.

Снова умылись, отмыли уже основательно руки и... и Андрей опять всё перекрутил. Чтоб пить чай не на кухне, а в горнице. Долго ли стол перетащить? Да им, троим, тут и плюнуть некогда. Сразу сообразив, зачем он это затеял, Эркин досадливо прикусил губу. Какой же он в самом деле... чурбан бесчувственный. Ведь понимал, что все эти «я подремлю... идите ешьте...» – это всё, чтоб им не мешать, а Андрей и понял, и вон, придумал, чтоб и Семён с ними со всеми чаю попил.

И пили чай долго, с шутками и смехом, с хозяйственными разговорами. И Андрей вёл разговор так, чтоб всем было хорошо. А потом стол утащили обратно в кухню и сидели уже просто так. И опять Эркин играл на гитаре и пел. И один, и на два голоса с Андреем, и Кольке подыгрывал, когда тот пел свои флотские песни.

И ушли уже в темноте.

И всё наоборот. В Старом городе усталая тишина, а за путями праздничный шум субботнего вечера.

– А здоровско ты играешь.

– Знаешь, – счастливо улыбался Эркин, – я же пять, нет, шесть лет гитары не держал, думал, забыл всё, и руки не те. Сам удивился, что получается. И что раньше играл, помню, и новое подбираю.

Андрей кивнул.

– Да, если что знал или умел, то уж не забывается.

Эркин быстро искоса посмотрел на него и отвёл глаза. Андрей словно не заметил этого и продолжил:

– Знаешь, я о шмотье, ну, вот нисколько не жалею и не жалел, а за инструмент психовал. И ножи жалко. И призовой, и расхожий. А твой? Цел?

Эркин вздохнул.

- Когда нас арестовывали, оружие отбирали. И... и я рукоятку отломал.
- Чего?! – изумился Андрей. – Как это?
- Ну, о колено.
- Силён ты, братик, – покачал головой Андрей. – Я ж на совесть делал. А дальше что?
- Ну, я здесь уже кольцо приклеил и на ремешке с собой носил. А... а когда отец твой приезжал, я ему отдал, – уже твёрдо закончил Эркин.
- Это Бурлакову, что ли? – хмыкнул Андрей.
- Он твой отец, Андрей. Неужели... ты совсем ничего не помнишь?
- Помню, не помню... Не в этом дело, Эркин. Он сам по себе, я сам по себе. Он – Бурлаков, а я – Мороз.
- Андрей...
- Нет, братик, ни я ему, ни он мне не нужны. И хватит об этом, ладно? Эркин пожал плечами.
- Ладно, – не очень уверенно согласился он.
- Андрей благодарно тряхнул головой, подтолкнул брата плечом.
- А хорошие они, – с весёлой убеждённостью сказал он.
- Кто?
- А Колька, Семён, Мама Фира, а полностью она как?
- Эсфирь, – вспомнил Эркин. – А отчество... А, вспомнил, Соломоновна.
- Ну и ладно. И Колобок, – Андрей рассмеялся, – хоть куда пацан. Слушай, я не совсем понял, ну, Колька с Семёном – братья, а она им...? – он сделал выжидающую паузу.
- Они все трое – братья. Колька, Семён и Колобок. Я только не знаю, но Семён, вроде, старший. У них отец один, а матери разные.
- А? Ну да, понял, – Андрей покачал головой. – Надо же. А у Семёна с Колькой матери, значит, погибли. Ну... ну, бывает.
- Несколько раз Эркина окликали знакомые, здоровались. Краткие обычные разговоры. Замечая быстрые любопытные взгляды, брошенные на Андрея, Эркин представлял его, знакомились, обменивались рукопожатиями, парой фраз на житейские темы и прощание. После очередной такой встречи, отойдя шагов на пять, Эркин негромко рассмеялся.
- Ты чего? – предвкушая шутку, спросил Андрей.
- А вспомнил. Я, когда из тюрьмы вышел, добрался до лагеря, где Женя с Алисой были, так Алиса меня вот так же по лагерю за руку водила. Это Эрик, он вернулся, – пропищал Эркин очень похоже на Алису.
- Андрей с удовольствием заржал.
- Да, слушай, а тебя чего все по фамилии зовут?
- А пускай, – отмахнулся Эркин. – Я же знаю, что это я. Ну, вот и пришли.
- «Беженский Корабль» расцвечен огнями в окнах, кое-где на лоджиях светятся огоньки сигарет, слышны голоса, но слов не разобрать.
- Эркин и Андрей вошли в свой подъезд, не спеша поднялись по лестнице. Коридор второго этажа пуст, но из-за дверей плывут запахи еды, и тишина живая, тёплая.
- Эркин достал ключи и открыл дверь.
- Эрик! Андрюха! – сразу обрушился на них радостный визг Алисы. – Мама, они пришли! А у нас гости, вот!
- Эркин, уже снявший кроссовки, медленно выпрямился. Гости? Кто?
- Вот и молодцы, – в прихожую вышла Женя. – Всё хорошо, да? Сейчас чаю попью.
- Кто у нас? – тихо спросил Эркин, целуя Женю в щёку.
- Да ты знаешь её, – Женя быстро поправила ему воротничок рубашки. – Из машбюро, Андрюша, идём.
- Обож-жаю гостей, – пробормотал Андрей. – Особенно...

Договорить он не успел, потому что из кухни выпорхнула пухленькая блондинка.

– Ой, да что вы, да я пойду уже, здравствуйте, ой, Андрюша, да? Ой, мне про тебя уж нарасказали, – трещала она. – Да Любой можно, ну, с возвращением, ой, спасибо, Женя, я уж пойду, поздравляю вас, чудо-то какое!

Она даже успела поцеловать в щёки и Эркина, и Андрея, пригласить Андрея в гости и с обещанием скорой встречи попрощалась и вылетела за дверь.

– Это Люба Дерюжкина, – смеялась Женя. – Она на огонёк заглянула и вот...

– И сидела, и всё про Андрюху спрашивала, – влезла Алиса.

– Ценная информация, – кивнул Андрей. – Спасибо, племяшка. За чай спасибо, Женя, отказываться не в моих правилах.

– Дают – бери, а быют – беги, да? – вмешалась Алиса.

– Это как получится, племяшка, – засмеялся Андрей.

Эркин уже спокойно отнёс ящик в кладовку, вошёл в ванную и, потеснив плечом Андрея, стал мыть руки.

После умывания и обрызгивания сели за стол. Женя налила всем чаю. Конфеты, печенье. Андрей живописно рассказывал, какой курятник они отгрохали.

– Куры лично благодарили, – очень серьёзно вставил Эркин. – А петух лапой шаркал.

Алиса от восторга пустила в чашку пузыри, а Андрей подчёркнуто уважительно посмотрел на Эркина.

– Да-а, браток, ты даёшь. Вот, Женя, как меня все ценят. Свидетельство очевидца!

Женя отсмеялась, похлопала по спине Алису, чтобы вела себя прилично.

– Андрюша, ещё чаю?

– Спасибо, Женя, но... рад бы, да не лезет, – и встал, опёршись на мгновение ладонью о плечо Эркина.

– Спать пойдёшь? – вскинул на него глаза Эркин.

– Почитаю немного, – улыбнулся Андрей. – Спокойной ночи, Женя.

– Спокойной ночи, Андрюша.

Андрей ещё раз легонько хлопнул Эркина по плечу и вышел. Женя отправила Алису в уборную и умываться на ночь, а Эркин стал готовить их вторую, «разговорную» чашку. И, помедлив, поставил на стол третью чашку. Вдруг Андрей захочет прийти.

Уложив Алису, Женя заглянула в кухню.

– Эркин, – позвала она.

– Да, иду, – сразу откликнулся он.

Он вошёл в комнату Алисы. Она уже закрыла глаза, но, когда он коснулся губами её щёчки, вздохнула:

– Э-эрик...

– Спи, маленькая, спокойной ночи.

И когда он договорил, Алиса уже спала. Эркин бесшумно вышел, мягко прикрыв за собой дверь, и вернулся на кухню. Женя уже ждала его. Эркин сел и взял свою чашку, отпил и блаженно вздохнул.

– Хорошо-о.

Женя улыбнулась.

– На здоровье, милый. У нас тоже было всё хорошо. Алиску похвалили. А знаешь, Диму тоже записали в класс с тремя языками. Мне Зина сказала.

Эркин усмехнулся: ну да, Тим костями ляжет, но не допустит, чтоб его хоть в чём-то обошли.

– Это я Тиму про Алису сказал.

– А-а, – понимающе рассмеялась Женя. – Ну, тогда понятно. На рынок я сегодня не ходила, у нас и так всё есть.

– Может, завтра? – предложил Эркин.

– Завтра и тебе, и Андрюше надо выспаться, – решительно сказала Женья, а, чтобы он не вздумал возражать, добавила: – И мне тоже.

– Понял, – Эркин допил чай и встал.

Быстро, ловкими и точными движениями он собрал и вымыл посуду. На секунду замер, прислушиваясь, и подхватил Женю на руки.

– Пошли спать, да?

– Ты идёшь, – Женья поцеловала его в переносицу, – а меня несут.

– Свет выключи, – попросил Эркин, пронося её в дверь.

В квартире было тихо. Алиса спит, из комнаты Андрея не доносилось ни звука. Но Эркин старался не шуметь и, когда вошёл в спальню, облегчённо вздохнул:

– Проскочили!

Женья, рассмеявшись, взъерошила ему волосы. Эркин положил её на кровать и, целуя в глаза, строго сказал:

– Тебе надо выспаться.

– Угу, – Женья поцеловала его в шею, отчего он сразу вздрогнул и замер. – Ты в душ пойдёшь?

– Д-да, – Эркин медленно выпрямился. – Ты ложись, не жди меня, ладно?

– Ладно-ладно, – тихо засмеялась Женья и, потянувшись, включила лампу на тумбочке.

Выходя из спальни, Эркин оглянулся на Женю и улыбнулся ей.

В ванной он неожиданно столкнулся с вытиравшимся Андреем.

– Ты чего не закрылся?

– От кого закрываться? – засмеялся Андрей. – От тебя?

Эркин задумчиво кивнул и стал раздеваться.

– А... а если б это Женья была? – уже раздевшись, спросил он.

Андрей сразу стал серьёзным.

– Чёрт, не подумал. Извини, браток.

– Да ладно, – улыбнулся Эркин. – Ничего. Занавеси плотные, мы специально такие делали. Когда задёрнуто, ничего не видно.

– Понял, – кивнул Андрей.

Он затянул пояс на халате и, уже взявшись за ручку двери, обернулся:

– Спокойной ночи, браток.

– Ага, спасибо, – ответил уже из-под душа Эркин.

Вернувшись, к себе, Андрей погасил свет, сбросил на стул халат и лёг. Блаженно вытянулся под одеялом. Ну вот, завтра воскресенье, законный выходной, ноют натруженные мышцы, саднят свежие мозоли на ладонях. Можно спать хоть до полудня.

Эркин намылился и, блаженно покряхтывая, растирал себя под тугой струёй. И вдруг ощутил внезапную тесноту. Рядом с ним кто-то ещё?!

– Кто?! – дёрнулся он.

– Это я, – тихо рассмеялась Женья. – Ты меня не узнал?

– Женья? Зачем?

– Спину тебе потереть, – смеялась Женья. – Я тебя весь день не видела.

Эркин гибко повернулся, обнял её.

– А я тебя.

– Что?

– Помою. Давай? Ну, Женья, ты мне ни разу не разрешала.

– А я мочалку не взяла.

– А я ладошками.

И, не дожидаясь ответа Жени, не сомневаясь в нём, приступил к делу. Его намыленные ладони скользили по телу Жени, гладили и разминали.

– Эркин, – Женя обхватила его за шею и, отфыркиваясь от заливавшей лицо воды, поцеловала. – Как хорошо.

– А так? – Эркин поцеловал её в шею. – А теперь смоем.

– Ага. А потом я тебя намылю и помою.

– Давай, – сразу согласился Эркин.

И теперь он стоял, положив руки на плечи Жени, а её ладони гладили, намыливая, его тело.

Они долго топтались в душе, уже просто обнимаясь и целуясь под заливавшими их лица струями.

Наконец, Эркин со вздохом выключил воду.

– Уже поздно, да? Ты устала, а я...

– А я сама пришла, – рассмеялась Женя. – Поздно, конечно, но завтра воскресенье, выспимся.

– Ага.

Эркин завернул Женю в мохнатую простыню и вытирал мягкими промокающими прикосновениями.

– А я тебя, – Женя вывернулась и сдёрнула с вешалки другую простыню. – Ну-ка, подставляйся.

– Ага.

Потом наводили в ванной порядок, надевали друг на друга халаты, и наконец Эркин унёс Женю в спальню, снова раздел, уложил под одеяло.

– А сам? – лукаво спросила Женя.

– Уже.

Эркин сбросил халат на пуф, лёг и потянулся выключить лампу. Женя тут же обняла его за шею и потянула на себя.

– Попался?!

– Ага, – радостно согласился Эркин.

Лампу он всё-таки выключил. И они немного покатались и побарахтались под одеялом, пока Женя внезапно не заснула, уткнувшись носом в шею Эркина. «Как Алиса», – успел подумать, засыпая, Эркин.

Андрей поёрзал, перекатился с боку на бок, стараясь не просыпаться. Воскресенье – законный выходной, спи хоть до обеда. Пока есть не захочется, он не встанет. И с этим решением заснул.

Разбудим его самым бесцеремонным образом, дёргая то за плечо, то за волосы. Дёргали слабо, но надоедливо. Андрей злобно замычал и полез под подушку. Тогда с него стали стягивать одеяло. Озверев, он лягнул воздух, отобрал одеяло и завернулся в него. И тут до него сквозь ставший непрочным сон прорвался голос:

– Ну, Андрюха, ну, вставай, ну, утро уже.

Андрей чертыхнулся шёпотом и высвободил голову.

– Алиска, ты, что ли?

– Я! Андрюха, вставай.

Андрей с интересом оглядел румяную растрёпанную Алису в ночной рубашке до пят и спросил:

– А зачем?

– Как зачем?! – возмутилась Алиса. – Утро уже!

– Не-а, – мотнул головой Андрей. – Темно.

– Как темно?!

Алиса бросилась к окну и стала дёргать штору. Пока она воевала с тяжёлой тканью, Андрей быстро надел и туго подпоясал халат.

– Ну вот, – Алиса наконец справилась с непослушной шторой, и комнату залил золотой утренний свет. – Вот видишь, утро! А мама с Эриком ещё спят. Я к ним стучалась, стучалась, а они заперлись и не выходят. Андрюха, идём их будить.

– Интересно, но не заманчиво, – пробормотал Андрей.

– Чего? Я не поняла, Андрюха. Пошли, ну!

– Не нукай, не запрягла, – внушительно остановил её Андрей.

Чёртова девчонка, ведь не отстанет – это ясно, а сунься сейчас к Эркину... ей ничего, а ему Эркин точно башку отвинтит. И не объяснишь ведь малявке, зачем «мама с Эриком заперлись». Надо выкручиваться.

– Утро, говоришь, уже?

– Андрюха, светло же совсем!

– Ага, а ты чего тогда по-ночному?

Потрясённая таким вопросом, Алиса молча уставилась на него. Андрей решил закрепить успех.

– Хочешь утра, так иди и одевайся.

– Ладно, – после недолгого раздумья согласилась Алиса. – Будем делать утро, да?

– Будем, – вздохнул Андрей.

Когда Алиса убежала, он дотащился до стола и посмотрел на будильник. Восьмой час в начале. Спать да спать, так ведь не даст.

По дороге в свою комнату Алиса на всякий случай постучала в дверь спальни.

– Мама, Эрик!

Из-за двери донеслось мамино:

– Алиска, отстань. Мы спим.

– И не надо! – сказала закрытой двери Алиса. – Мы с Андрюхой будем делать утро.

И убежала.

В спальне приятный полумрак, сонная тёплая тишина. Женя сладко потянулась под одеялом, и сразу вздохнул и шевельнулся Эркин.

– Уже утро? Женя?

– Ага, – Женя снова потянулась, погладила его по взлохмаченной голове. – Спи, милый. Сегодня воскресенье.

Эркин поёрзал, повернулся набок и потёрся щекой о подушку.

– Там Алиса, что ли?

– Как всегда, милый, – Женя поцеловала его в переносицу. – Спим ещё...

– Мг-м, – согласился Эркин и всё ещё сонным голосом уточнил: – Она про Андрея говорила, или мне приснилось?

– Говорила, – так же сонно ответила Женя и вдруг рывком: – Господи, что они там творят?!

И мгновенно, Эркин головы поднять не успел, как Женя уже накинула халатик и вылетела из спальни. Эркин вздохнул, вылез из-под одеяла и пошлёпал к комоду одеваться.

На кухне оказалось всё не так страшно, как почудилось со сна Жене. Андрей с Алисой готовили завтрак, а что при этом у них пара кастрюль упала, так это ж пустяки.

Женя влетела в кухню в тот момент, когда Андрей показал Алисе, как жонглировать картошкой, и она теперь пыталась это повторить. Картошка летала по всей кухне.

Утренняя тишина закончилась решительно и бесповоротно. Суета, беготня, хохот Андрея и восторженный визг Алисы, сияющая «настоящая» улыбка Эркина – Женя, распоряджаясь, ахая и покрикивая, от души всем этим наслаждалась.

За завтраком решили, что сегодня никуда не пойдут. Такая неделя была, что надо и отдохнуть, и дел домашних накопилось.

– Так в кино мы не пойдём?! – возмутилась Алиса.

– Придумаем чего-нибудь поинтереснее, – утешил её Андрей.

Женя подозрительно посмотрела на него, и Андрей изобразил такое невинное удивление, что Эркин едва не поперхнулся чаем.

Алиса уже вылезла из-за стола и побежала в свою комнату: будить кукол и вообще наводить порядок, а Эркин допивал чай, когда Женя сказала:

– Андрюша, я вчера написала Бурлакову.

Андрей быстро вскинул на неё глаза, покосился на Эркина и очень спокойно сказал:

– Интересно. И зачем?

– Что ты живой, здоровый. Что приехал.

– Я спросил: зачем, а не о чём, Женя.

– Он твой отец, – Женя говорила тоже очень спокойно. – Он имеет право, он должен знать. И это мы сказали ему, что ты погиб, значит, нам и о воскресении твоём говорить.

Лицо Андрея оставалось неподвижным, но лежащие на столе ладони сжались в кулаки.

– Так, – наконец кивнул он. – Понял. И когда ждать ответа?

– Тогда я ему писала, ответ через неделю пришёл.

– Хорошо, – Андрей даже улыбнулся. – Подождём неделю. А пока не будем об этом, – он не хотел, но последние слова прозвучали с просительной интонацией.

Женя и Эркин одновременно кивнули.

– Ты... – медленно заговорил Эркин, – ты не думай. Мы... мы всегда... за тебя, на твоей стороне.

– Спасибо, брат, – тихо ответил Андрей.

И после секундного, но показавшегося очень долгим молчания вскочил на ноги.

– Так, Женя, что делать? Чем помочь?

И Женя рассмеялась: такая готовность была в его лице и в голосе. Улыбнулся и Эркин.

– Пойду, хозяйством займусь.

– Во! – обрадовался Андрей. – Инструмент переберём.

Вообще-то Эркин боялся, вернее, побаивался, что Андрей будет недоволен его самоуправством: и в ящике рылся, и инструмент брал. Но, пока у Кольки работали, Андрей ему ничего не сказал. Так что, авось обойдётся.

– А гулять? – всунулась в кухню Алиса.

– Сейчас пойдёшь, – Женя быстро мыла посуду. – Одевайся.

– А все вместе?

– А обед кто будет готовить? – Женя отряхнула руки. – Давай быстренько.

Андрей по-хозяйски уверенно расположился за верстаком, разложив точильные бруски и круги. Эркин прикрыл дверь, быстро разделся и натянул свои рабские штаны.

– Ты это чего? – спросил, не оборачиваясь, Андрей.

– Пол буду натирать, – ответил Эркин и, не удержавшись, спросил: – Сильно я? Ну, инструмент попортил?

– Всё путём, браток, – Андрей попробовал на ногте лезвие стамески и прижал его к бруску. – Когда инструмент не в работе, он болеть начинает, – и повторил: – Всё путём.

Эркин кивнул, взял банку мастики, щётку, суконку и вышел, оставив дверь полуприкрытой.

Тетрадь шестьдесят седьмая

122 год

Весна

Американская Федерация

Алабама

Колумбия

За этой улицей так и осталось название Новой. Новенькие, ещё пахнущие краской и штукатуркой, домики, свежий асфальт, новые блестящие фонари. Такой улицы в Цветном ещё не было. Строила мэрия, домики в долгосрочную аренду с возможным выкупом. Первый десяток домов уже заселялся, а во втором десятке шла окончательная отделка под жильцов. Перед домом газон, за домом – хозяйственный дворик. Два этажа, подвал, чердак. Внизу кухня со столовой и кладовкой, гостиная с холлом, наверху спальни с ваннами, в подвале и на чердаке всякие приспособления для хозяйства. Это у всех, а детали... каждый сам придумает, а не можешь придумать или не знаешь, так есть архитектор с дизайнером. Помогут. За дополнительную плату, разумеется.

Стоя на крыльце своего дома, да, уже своего, Ларри оглядывал покрытый нежно-зелёной травой и усыпанный одуванчиками газон. Сделать дорожку к крыльцу, пару клумб... Всё равно это ещё не газон, а зелёный пустырь, здесь ещё полоть, подсеять, стричь, поливать... работы много. Хватит и ему, и Марку.

– Пап, – позвал его из дома Марк. – Ты где?

– Я здесь, – откликнулся Ларри. – Иди сюда, сынок.

Марк выбежал на крыльцо и встал рядом, взял его за руку.

– Дом такой большой, пап.

– Ничего страшного, – улыбнулся Ларри. – Ты привыкнешь. Я думаю, Марк, мы сделаем не просто клумбу, а альпийскую горку.

– Давай, пап, – сразу согласился Марк. – Сейчас? А что это?

– Нет, – рассмеялся Ларри. – Не всё сразу, Марк. – он обнял сына за плечи, и Марк прижался к нему, но обхватить не смог: слишком уж большим для его рук был отец.

– У нас впереди много времени, – продолжал Ларри. – Мы всё успеем, Марк. Устроим и дом, и сад.

– Ага, – кивнул Марк и тут же поправился: – Хорошо. А сейчас что?

– Пойдём дальше устраиваться, – Ларри ласково потрепал его по кудряшкам.

Дом был построен, отделан, но не обставлен и не обустроен до конца. И всё же Ларри решил не откладывать переезд. И как только завезли самую необходимую мебель, они переехали. Ларри понимал, что пороть такую горячку совершенно незачем, но ждать не хотел. Это его дом. Пусть стены и полы ещё голые, пусть всего не хватает, но дом обживают, когда в нём живут.

Дом гулок и просторен, и очень светел. Они поднялись по лестнице в верхний узкий холл.

– А здесь тоже будет ковёр, пап?

– Дорожка, Марк. Ты же видел на фотографиях. Тебе понравилось?

– Да, – кивнул Марк.

Они вошли в его спальню.

– Ну, Марк, решай. Что ещё тебе нужно?

– Ну, пап...

Марк оглядывался и тихо перечислял:

– Кровать есть, стол, стулья, шкаф для одежды, шкаф для всего остального... тумбочка...

Всё есть. Пап, ковёр ещё, да?

– Да, Марк. Зимой бывает холодно, думаю, в спальнях полы покрыть ворсолином. Помнишь, мы видели образец.

– Помню. Зелёный, да?

– Надо было, конечно, – вздохнул Ларри, – сделать это до мебели, но я ещё не знал про ворсолин.

– Ничего, пап, я думаю, мы справимся. Пригласим мастеров, да?

– Конечно, сынок.

Марк был счастлив, что отец обсуждает всё с ним, как с большим, и старался говорить степенно, по-взрослому. Но получалось не всегда.

Обсудив комнату Марка, перешли в другую спальню, побольше, которую Ларри делал для себя. Мебель сюда только сегодня привезли, расставили, но комната ещё казалась нежилой. Так, картинка из каталога.

– Пап, – Марк ещё раз оглядел спальню и повернулся к отцу. – А ты скоро женишься, да?

– Женюсь? – Ларри удивлённо смотрел на сына. – Почему ты так думаешь?

– Ну, кровать такая большая, – объяснил Марк. – Я слышал, в магазине такую называли супружеской, а супруги – это муж и жена, правильно?

Ларри кивнул и сел на край кровати. Марк сразу подошёл и сел рядом.

– А ты хочешь, чтобы я женился, Марк?

– Ну-у, – вздохнул Марк. – Я знаю, что это надо, пап. В доме должна быть... – он не хотел говорить слово «хозяйка» и, помявшись, тихо закончил начатую про себя фразу: – А у меня была бы мама.

Ларри кивнул. Да, он давно думал об этом. Ещё в имении, когда они на кухне спорили о детях, ему все говорили, что один он не потянет ребёнка, только Стеф его поддержал. А потом, когда они как-то были вдвоём, сказал:

– Отец – это великое дело. Но человеку нужна мать. Будешь выбирать когда, то ищи не себе жену, а сыну мать.

Тогда он просто согласился со Стефом, но сейчас... поглядев вокруг и подумав...

Ларри обнял сына.

– Правильно, Марк. Ты всё решил правильно.

Марк вздохнул, потёрся головой о его плечо.

– Пап, ты её уже нашёл?

– Пока нет. Потерпи, Марк.

– Хорошо. А она... она будет добрая?

– Конечно, Марк.

Марк вздохнул.

– И... и у меня будет брат? Или сестра?

– Будет, – твёрдо ответил Ларри. – У нас будет настоящая семья.

– Конечно, пап. Мы же не хуже других, – убеждённо сказал Марк.

Ларри рассмеялся, на мгновение прижал к себе сына и встал.

– Всё правильно, сынок. А теперь идём. Надо разобраться с кухней.

– А вещи?

– А потом и вещи. Пошли.

– Пошли, – вскочил Марк.

На кухне мебель уже расставлена. Теперь надо распаковать и разложить утварь и посуду. Конечно, самое необходимое, что они купили ещё когда жили в мебелирашках, они перевезли, но Ларри твёрдо решил, что дом у него будет по всем правилам. И теперь в кухне стояли две больших картонных коробки. Одна с кухонной утварью, а другая – со столовой посудой. Как и мебель, Ларри заказал всё по торговому каталогу с доставкой и оплатой по счёту. Ну, некогда ему ходить по магазинам, к тому же можно и нарваться, что совсем не желательно. И покупал он потому не самое дорогое, без особых претензий, не броское, но в надёжных фирмах. Там тоже все всё понимали и, услышав адрес, присылали заказ с бригадой цветных грузчиков.

Сначала Ларри открыл коробку для кухни. Он вынимал и расставлял на столе блестящие эмалью кастрюли, сковородки, жаровни, потом всякие хитрые приспособления и тут же объяснял Марку для чего это. Марк шумно радовался, но явно не понимал, зачем такие сложности, когда можно купить уже готовой еды или поесть в кафе.

– Нет, – улыбнулся Ларри, – будем готовить по всем правилам. Я тебя научу.

– Ага, – согласился Марк, – хорошо.

А когда из второй коробки появился нарядный белый с узкими золотыми ободками по краям большой столово-кофейный сервиз, восторг Марка вырвался в ликующем вопле. Ларри рассмеялся и не сделал замечания.

– Пап, – вдруг вспомнил Марк, – а наши кружки?

Ещё в первый день в Колумбии Ларри купил себе и Марку самую необходимую посуду из толстого фаянса. Марк очень любил свою кружку с облизывающимся котёнком. И вся та посуда такая весёлая, в картинках...

– А её... – упавшим голосом спросил Марк, – выкинем?

– Ну, что ты, Марк, зачем? Это для вечера, большого обеда или, когда у нас будут гости. А утром и... и просто так будем брать другую посуду, старую. Так что твой котёнок, – улыбнулся Ларри, – без работы не останется.

Марк смущённо улыбнулся.

Они вместе расставили посуду и утварь. И кухня сразу стала другой. Ларри с удовольствием огляделся.

– Ну вот. Сейчас я приготовлю нам чего-нибудь поесть. Поедим и займёмся вещами.

– Пап, я, – Марк даже приплясывал от нетерпения, – я сбегаю на угол? За... за чем-нибудь. А?

Ларри рассмеялся и достал из кармана кредитку.

– Хорошо. Купи два больших хлеба.

– Ага, я мигом, – сорвался с места Марк.

Маленький магазинчик на углу Новой улицы открылся только вчера и чего там только не было. Ну, улицу переходить не надо, до магазина только три дома, поэтому Ларри легко отпустил Марка.

Мона поправила на столе кружевную салфетку и оглядела гостиную. Стало очень уютно, Найджу понравится. Сегодня суббота, он работает до ленча, у неё уже всё готово, как только Найдж придёт, сядут за стол, потом субботний вечер, завтра с утра они, как все, пойдут в церковь, всей семьёй.

Мона с удовольствием думала о том, что её так раздражало, даже злило дома. Ровная размеренная жизнь, тихие будни и тихая радость редких праздников, чинные выходные... А ей тогда хотелось яркого, необыкновенного, потому она и уехала в Колумбию. И что получилось? А хорошо получилось! Мой Бог, как она волновалась, когда они с Найджелом поехали к её родителям. И удивительно, насколько хорошо всё получилось...

...Они поехали в субботу, сразу после ленча. Работа есть работа, дело не должно страдать. Тут она полностью согласна с Робертом. Только от уборки Найджела освободили.

– Беги в душ, без тебя справимся, – хлопнул его по плечу Роберт.

– Всё равно вместе есть будем, – отказался Найдж и обернулся к ней. – Мы мигом, Мона.

– Долго ли вшестером, – улыбнулся Кеннет.

Кеннет, Митч и Дик начали работать у них недавно, но легко вошли в общий ритм работы. Поселились они в Цветном квартале, сняв вскладчину одну квартиру на троих в хорошей мебелировке, у Майэллы, и приходили за полчаса до открытия, вместе с братьями убрали, работали, делали вечернюю уборку, мылись в душе и уходили. Ленч общий, а завтрак и обед у каждого свой. Робу пришлось поломать голову, высчитывая их зарплату: они ж не компаньоны, а по контракту. И ленч она теперь готовила на семерых, с ней считая. Парни они были весёлые, компанейские, работали хорошо, а лечебный массаж знали даже лучше братьев. И хоть работали вшестером, то и дело в холле образовывалась очередь.

Она поднялась наверх, в кухню, и стала ждать. Вот внизу всё стихло, топот ног по лестнице и холлу, стукнула дверь ванной... Она встала и расставила на столе тарелки, салат уже можно раскладывать.

– Мона, – окликнули её из холла.

Она вышла и увидела Кена, Митча и Дика.

– До свидания, Мона, удачи.

– Счастливо, Мона.

Она поняла, что они знают о поездке, и улыбнулась им.

– Спасибо, и вам счастливо.

– До понедельника, Мона.

– До понедельника, Кен.

Они попрощались и ушли, а из ванной уже вышел, почти выбежал Найджел.

– Вот и я, Мона. Сейчас поедим и отправимся, да?

– Да, конечно, – улыбнулась она. – А вон и Роб с Метом, идите есть, у меня всё готово.

Ленч прошёл как обычно, с шутками и похвалами её стряпне. Посуду взялся вымыть Метьюз.

– Идите, а то ещё на поезд опоздаете.

Она чувствовала, что и Мет, и Роб действительно волнуются за них. Роберт даже сказал:

– Если что понадобится, Найдж, не дёргайся. Только дай знать.

Найджел обнялся с ними на прощание.

– Спасибо, братья.

И она тоже, конечно, волновалась. Да, она написала всё, ну, почти всё, попросила маму приготовить отца, мама поймёт и всё сделает, и всё-таки... Отца она не то чтобы боялась, он всегда был заботлив, внимателен, но... ну, ладно – подумала она, – может быть, всё обойдётся.

И обошлось. Доехали они благополучно, не во втором классе, конечно, но и не в самом дешёвом. Народу было немного: ведь в выходные все наоборот едут, в город развлекаться. А от Джемстауна до её родного Стретфорда они добрались на рейсовом автобусе. Они боялись, что придётся изображать случайных попутчиков, ну, на всякий случай, но на них никто не обращал внимания, так что и здесь обошлось. Найдж удивительно умеет поставить себя. Ни приниженности, ни вызова... И Роб с Метом тоже... Она подумала об этом, глядя, как Найджел в Джемстауне пошёл купить ей мороженого. И здесь, когда их автобус остановился на главной и единственной площади Стретфорда, Найджел дождался, когда все выйдут, провёл её к двери, помог сойти, и шофёр – а она отлично помнит, какой брюзга и ругатель мистер Мик – даже улыбнулся им.

– Тебя не укачало? – тихо спросил Найджел, когда они ли через площадь. – Ты в порядке?

– Да, всё хорошо, – храбро улыбнулась она. – Спасибо, Найдж. Нам вон туда.

– Ага, понял.

Их маленький домик стоял в самом конце улицы, но в белом квартале. Бедном, но не нищем, всё же не «белая рвань», а приличные люди. Здесь всё по-прежнему. Играющие в пыли – их улицу так и не замостили – дети, на верандах мужчины в креслах-качалках со стаканчиками предобеденного виски в руках, сдержанно-любопытные взгляды. А вот и её дом. И на веранде... да, мама! Найджел помог перебраться через низкую каменную ограду, отделявшую их газон от улицы.

– Мама! – Мона выдернула руку и побежала к дому.

– Мона! Девочка моя!

Они обнялись и замерли, но уже подходил Найджел, а в дверях показался отец.

– Здравствуйте, – Найджел, улыбаясь, поднимался по ступенькам.

– Мама... ой, папа, это Найджел, мы...

– Сначала здороваются, потом входят в дом, – отец говорил строго, но улыбаясь. – И все разговоры дома.

– Да, папа, я...

– Заходите в дом, – отец поздоровался с Найджелом за руку и мягким хлопком по плечу подтолкнул того к двери.

– Счастлив познакомиться, мистер Теннисон, – улыбнулся Найджел.

И её отец, всегда такой требовательный к правилам этикета, говорит:

– Ладно тебе, парень. Я – Чарльз.

И мама радостно смеётся и тоже жмёт руку Найджелу.

– Мона писала о тебе, Найджел, проходи, я – Айрин.

И в дом они входят все вместе...

...Мона улыбалась воспоминанию. Она, конечно, надеялась, что Найдж понравится её родителям, но что настолько понравится и что случится это так быстро...

...Из кухни так пахло, что она не удержалась:

– Мама, фафлики?!

– Твои любимые, – рассмеялась мама. – Я же знала, что раз тыпишешь про воскресенье, то приедешь в субботу.

В гостиной отец подошёл к бару достал стаканы.

– Чего тебе с дороги, Найдж?

– Сока, если можно, Чарльз, – улыбнулся Найджел.

Отец кивнул, смешал апельсиновый сок с газированной водой, протянул стакан Найджелу.

– Совсем не пьёшь?

– Стараюсь обходиться без этого, – серьёзно ответил Найджел и улыбнулся. – Мне и так хорошо.

– Понятно, – кивнул с улыбкой отец, наливая себе виски и добавляя содовой.

– Мона, – позвала её мама. – Ну-ка, помоги мне.

И когда она вошла на кухню, мама улыбнулась.

– Пусть мужчины побудут одни, – и посмотрела на неё с ласковой требовательностью. – Ты ничего не хочешь сказать мне?

И она решилась.

– Я беременна, мама.

– Я так и подумала, – кивнула мама. – И какой месяц?

– Третий. Мама, как ты догадалась?

– Он так поддерживал тебя, когда вы перебирались через ограду, и на ступеньках, – и вдруг: – Ребёнок его?

Она вспыхнула.

– Это не имеет значения!

Она ответила резче, чем хотела, но... но она даже маме не разрешит копаться в этом.

– Имеет, – твёрдо ответила мама. – Расскажи ему всё, Мона.

– Но...

– Запомни. От шантажа одна защита – правда.

– Кто нас будет шантажировать, мама? И зачем?

– Мне не понравился тот парень, о котором ты писала раньше. Нил, кажется, – мама говорила спокойно, и будто, не замечая её покрасневшего лица. – Конечно, решай сама. Но Найджел... он не заслужил твоего обмана. Он любит тебя, это сразу видно. И простит тебе всё. Кроме обмана. Запомни, Мона. А теперь возьми салат и отнеси в столовую.

– Хорошо, мама.

Она бережно, двумя руками подняла памятную с детства тёмно-зелёную стеклянную салатницу и понесла в столовую. Проходя мимо, оглянулась на гостиную. Отец и Найджел о чём-то разговаривали, и отец смеялся. Мой бог, отец смеётся! Это же... это же чудо!

– Мама, папа смеётся!

– Я слышу, – улыбнулась мама, выкладывая жаркое на блюдо и накрывая его крышкой с лепными фарфоровыми фигурками. – Нет, это я сама, тебе тяжело.

– Но, мама...

– Не спорь, Мона. Первые месяцы – самые опасные. Возьми лучше стаканы и воду. Вот так.

Они вместе накрыли на стол, и мама позвала отца и Найджела. Отец прочитал молитву и разрезал мясо. Мама разложила гарнир и салат.

– Как вкусно, – восхищался Найджел. – Мона, у тебя очень всегда хорошо, но не обижайся, здесь великолепно. Вы знаете, Мона, здорово готовит, нам всем нравится, но это... совсем необыкновенно.

Мама рассмеялась.

– Спасибо, Найдж. А у Моны ещё всё впереди.

– Я стараюсь, – ответила она голосом «послушной девочки».

И никогда ещё такого весёлого, такого хорошего обеда не было. А «фафлики» – вафельные трубочки с кремом привели Найджела в полный восторг.

– Мм! Я даже не знал, что такое бывает.

– Это наши фамильные, – улыбалась мама. – Меня ещё бабушка учила их печь.

– И я научусь, – храбро заявила она.

– Конечно, научишься, – кивнула мама. – Хозяйка дома должна это уметь.

И Найджел влюблённо смотрит на неё. А потом они все вместе сидели в гостиной, и Найджел рассказывал отцу и маме об их семейном деле, как они – три брата – начинали...

...Мона вздохнула, словно просыпаясь. Да, просто удивительно, как всё было хорошо. А через две недели уже отец приехал к ним. И она опять волновалась: понравится ли он братьям Найджела. Но и тут всё обошлось. И тогда же окончательно решили с домом. Они даже все вместе сходили на Новую улицу, посмотрели дом, ещё недостроенный, и, когда вернулись, отец сказал:

– Давай, Найдж. На мебель мы дадим, – и гордо припечатал: – Мона не бесприданница.

И вот он – их дом. Её и Найджела, мистера и миссис Слайдер. Конечно, мебель только самая необходимая и дешёвая, а спальня для гостей и детская стоят пустые, но это дом. И мамин коврик они повесили в спальне, над кроватью. Найджелу он тоже нравится. Самое главное – у них есть дом, свой дом. И в воскресенье после церкви Роб и Мет приходят к ним в гости. О! Вот и Найджел!

Мона выбежала на крыльцо.

– Найдж!

– Вот и я! – он легко взбежал по ступенькам, обнял её, мягко коснувшись губами её щеки. – Привет, Мона. Как ты?

– Я в порядке. А у тебя?

– Отличный был день.

По-прежнему в обнимку они пошли на кухню. Найджел рассказывал о сегодняшних событиях и восхищался обеденными запахами, а Мона счастливо смеялась его шуткам и восторгам.

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

Во вторник им идти в школу. Оба в первую смену, заканчивают в три, а уроки с четырёх.

– Поесть успеешь, Андрюша?

– Без проблем, Женья. Что-что, а это я всегда успеваю, – Андрей с наслаждением отхлебнул из чашки.

Они пили на кухне вечерний «разговорный» чай. Спит утомившаяся Алиса, уютно шумит за окном весенний дождь, яркий, но не режущий глаза свет, нарядные чашки с дымящимся чаем... как же хорошо! Андрей сказал об этом вслух, и Эркин сразу согласно кивнул.

– Да, очень хорошо.

– Эркин, – Женья, улыбаясь, подвинула к нему печенье. – А бывает так, чтоб ты был недоволен? – и не давая ему ответить, вернулась к занимавшей её теме. – Андрюша, тебе ещё куртка нужна, твоя слишком тонкая. И промокает.

– Не срочно, – отмахнулся Андрей. – Лето идёт, не замёрзну. С одеждой я разберусь, Женья. Без проблем.

– Ну, у тебя всё по problem, – кивнула Женья. – Лампу ты очень хорошую купил.

– Спасибо, Женья. Я знал, что ты оценишь.

Андрей допил чай и встал.

– Ну, спасибо и спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Андрюша, – улыбнулась Женья. – Я вымою, оставь.

– Да-а, – плаксиво протянул Андрей, – так Эркину мыть посуду можно, а мне нельзя, да? Нечестно, я не согласен.

И пока Женья и Эркин смеялись над его тирадой, он быстро вымыл свои чашку, блюдце и ложечку, рассовал их по отделениям сушки и победно хмыкнул:

– Вот так и никак иначе! Всё, я на боковую, до завтра, братик.

– До завтра, – кивнул Эркин.

У себя в комнате Андрей быстро постелил, прислушался. Вроде Эркин в душ пошёл. Ладно, не будем мешать братику, почитаем пока. Он поправил шторы, включил лампу на столе и погасил верхний свет. А что, и в самом деле, хорошо. Стекланный абажур, не белый, а чуть кремовый, и свет от него мягкий, не режущий глаза. Он достал из шкафа «Битву на Великой» и сел к столу. Надо дочитать, всего... листов двадцать осталось.

Проходя из ванной в спальню через тёмную прихожую, Эркин увидел на полу слабый отсвет и догадался, что это у Андрея свет горит. Пойти, что ли, напомнить, а то ещё проспит

завтра, но тут же передумал. Андрей может обидеться, что им так... командуют. Если что, утром он его сам поднимет.

В спальне тоже темно. Женя уже легла и даже свет погасила. Эркин привычным движением повернул задвижку на двери, сбросил халат на пуф и не лёг, а проскользнул под одеяло. Всё это он проделал абсолютно бесшумно, но Женя сразу повернулась к нему, обняла и поцеловала в щёку.

– Хорошо, да?

– Да, – ответил он, мягко прижимая ладонь Жени к своей груди. – Очень хорошо.

– Да-а? – протянула Женя. – А не проспим?

– Да не в жисть! – убеждённо ответил Эркин усвоенным уже здесь присловьем, укладывая Женю на себя и выгибаясь на арку.

Женя ахнула, принимая его. Но Эркин ощущал сонную тяжесть тела Жени и придержал, а потом и отодвинул подступавшую чёрно-красную волну. Мягко покачав на себе Женю и не разрывая замка, он повернулся набок, уложив Женю рядом с собой.

Женя сонно вздохнула, поёрзала щекой по подушке.

– Спим, милый...

– Спим, – так же сонно отозвался Эркин.

И как Андрей проходил из своей комнаты в ванную и обратно, они уже не слышали.

К удивлению Эркина, Андрей не проспал. И, когда Эркин утром пришёл в ванную повесить халат, там Андрей – уже в брюках и майке – сосредоточенно брился. Увидев в зеркале Эркина, он улыбнулся. Улыбнулся и Эркин.

– Доброе утро. Пойду чайник поставлю.

Занятый бритьём, Андрей ограничился кивком.

Женя хлопчет на кухне, обжигаясь горячий чай, вчерашние чуть разогретые оладьи, Андрей быстро делает бутерброды и закладывает их в свою коробку, Эркин уже встаёт из-за стола.

– Андрей, готов?

– Да, пошли. Женя, спасибо, всё вкусно, до вечера.

В прихожей Женя быстро целует Эркина в щёку, успевает дотронуться до плеча Андрея, и вот уже их нет.

Женя бегом вернулась в кухню. На лоджию в одном халатике не выйдешь: ещё холодно, но ей и из окна хорошо всё видно. Вон они, идут рядом, высокие статные, красивые. Эркин обернулся и помахал ей рукой. Обернулся и Андрей. Она помахала им и снова закутилась в водоворот утренних дел.

За магазином Мани и Нюры они разошлись: Андрей уже нашёл более удобный и короткий путь на свой автокомбинат. Ночной дождь давно кончился, даже облака разошлись, утреннее солнце играет на мокрой молодой листве. До чего же всё-таки хорошо!

Несмотря на солнце было ещё прохладно, и Андрей подтянул молнию под горло и прибавил шаг. Ничего, на работе согреется, да и холод не страшный, на лето всё-таки время идёт. Куртку, конечно, покупать нужно, но спешить незачем, не такая уж ветровка промокающая. Так, сегодня в школу, Эркин вчера часа два сидел, уроки делал. Ну, Эркин если за что берётся, то работает без булды, смотрел он его тетради: ни подчисточки, ошибки честно исправлены и переписаны, а здорово Эркин успел выучиться, на двух языках читает и пишет почти без ошибок, ну, ничего, братик, я не подведу, не бойсь, не посрамлю – Андрей улыбнулся – фамилию.

Так, улыбаясь, он и вошёл в ворота. Как все, переоделся в бытовке, аккуратно убрав в шкафчик ветровку, брюки и рубашку, переобулся.

– Ну, как гульнул в воскресенье, Андрюха, а?

Тон у Митрохи достаточно миролюбивый, и ответил Андрей так же:

– Лучше всех!

Митроха заржал.

– Видели тебя у нас, ну, в Старом городе, как ты гулял. Хорошо заплатили-то хоть?

– С друга денег не берут, – уже серьёзно ответил Андрей.

– Ну да, – кивнул Митроха, – с жидовки много всё равно не возьмёшь, это ладно. А так-то смотри, Тихоныч тебе враз ноги-руки переломает.

– Ну, это ещё кто кому, – хмыкнул Андрей, поправляя лямки комбинезона. – Его-то какая печаль?

– А он плотник, – Митроха вздохнул и пошёл к двери. – Ну, он давно на этот курятник ладился, цену выжимал, а тут в субботу и шумнули, дескать, мимо рта пролетело, подрядила жидовка какого-то.

Митроха шёл впереди Андрея и не видел его прицельно злого прищура, продолжая болтать.

– Он, значитца, туда, а там и Колька-Моряк, и индей с завода, а кулаки у обоих – дай бог, видели их и на «стенке», и на кулачках. Ну, Тихоныч и утёрся. Но сказал, поймают... – Митроха заржал.

Они уже вышли во двор, где Андрея ждала его метла, и сказать придуманное не пришлось. Ну, ничего, он своё ещё возьмёт, у него не заржавеет. И до обеда с лица Андрея не сходила злая насмешливая улыбка. Ну, пусть только сунется этот хрен старый, так вмажем... что долго плотничать некому будет.

Но в обед спокойно пили чай и говорили о нашумевшем, даже в газетах прописали, как в соседней Сомовке невесту из-под венца дружок увёз, и в Кузьмино, а там уже поп наготове ждал, ну, и обвенчал по-быстрому, а жениха сомовского куда, а ему и выйти из церкви не дали, там дружка невестина встала и говорит, что венчай, дескать, с кем есть, а попу не один хрен кого с кем венчать, ему вперёд заплатили, ну, так отработать надо, так, считай, две свадьбы и отыграли зараз... Андрей охотно ржал со всеми над незадачливым женихом, но оставался настороже. О субботе никто не поминал, и Митроха, похоже, сказал и забыл. Так что... так что, поживём, посмотрим, может, и увидим кое-что интересное.

– Пошли, Андрюха, – Василий убрал в шкафчик свою чашку.

– Перерыв же ещё! – возмутился Митроха.

– Не тебя зову, раз, сиди себе до штрафа, два, и твой номер восемь, молчи, пока не спросим. Андрюха, готов?

– Как штык, – весело ответил Андрей.

Пока Василий отчитывал Митроху, он успел управиться с чаем, убрать чашку и коробку и стоял уже у двери.

– То-то, – улыбнулся Василий.

Работать с Василием Андрею нравилось. Тот не спешил, не суетился, но всё было точно и вовремя. И командовал он необидно, не гонял попусту, и объяснял, не дожидаясь вопросов. Думать о Митрохе и Тихоныче было уже некогда.

В полтретьего Василий отпустил его на уборку, бросив напоследок:

– А ничего, соображаешь.

И Андрей счастливо улыбнулся. Похвала Василия – он уже это понимал – многого стоила. К трём всё было сделано, и, когда прозвенел сигнал, он пошёл в бытовку со спокойной душой. Там он застал Митроху, но начать разговор – чтоб без свидетелей – не успел. Появился бригадир и погнал Митроху доделывать, что велено. Митроха, бурча себе под нос ругательства, натянул уже снятый комбинезон и ушёл. Подходили остальные из их смены, сразу стало шумно и тесно.

Андрей переоделся, убрал рабочую одежду в шкафчик, расправил влажное полотенце и захлопнул дверцу.

– И куда ж это ты, Андрюха, так торопишься, а?

– На Кудыкину гору, – весело ответил Андрей.

Коробку в карман ветровки, ключи, кошелёк, сигареты... на месте.

– До свидания всем.

– Валяй, парень.

– До завтра.

– До завтрава.

На улице так тепло, что Андрей расстегнул и распахнул куртку. Ну вот, теперь к Культурному Центру, а по дороге ещё и пожрать. Ну-ка, что там за вывеска?

Трактир был небольшой и не особо пьяный. Щи, каша и квас. Остальное – водка и закуска к водке. Пообедать удалось за полтинник. Не сказать, чтоб очень вкусно, но достаточно сытно и быстро. И недорого. Вот теперь всё в порядке и быстренько в школу...

...– Дети в школу собирайтесь, петушок пропел давно.

– Мама, а дальше?

– Дальше сам читай. Ну, Серёжа, это какая буква?...

...Мамин голос, мамины руки... Ладно, я иду в школу, мама, ты так волновалась, что из-за оккупации мы останемся без образования. Ну вот, мама, видишь? Всё в порядке, образование я получу.

На широких пологих ступенях Культурного Центра Андрей остановился и закурил. Они с Эркином так и договаривались, что кто придёт первым, то стоит и ждёт. Народу всё прибывало. День тёплый, солнечный, и в классы никто не торопился. Здоровались, спрашивали, кто что успел или не успел сделать, чего пропустил уже неделю, по физике придирается, гоняет почём зря, англичанка ничего, тексты большие, всю ночь сидел пока разобрался... Андрей, независимо попыхивая сигаретой, слушал, пытаюсь угадать, кто в одном классе с Эркином, а, значит, и с ним. Смотри-ка, негры, мулаты, а это, похоже, трёхкровка. Ну, всё путём.

Артём обычно не курил: втянешься, так на одни сигареты ползарплаты уйдёт. И сегодня он не так курил, как просто стоял, но с зажжённой дымящейся сигаретой в руке и изредка неглубоко затягивался. Чтоб не хуже других смотреться.

Подходя, Эркин издали заметил Андрея и радостно улыбнулся, прибавив шагу.

Артём, удивившись, чего это Мороз так рад встрече, загасил и выкинул в урну окуроч, шагнул навстречу, но...

Но Эркин, пройдя мимо, с мягкой лаской хлопнул по плечу белокурого кудрявого парня в ветровке.

– Привет, давно пришёл?

– Нет, – улыбнулся Андрей и показал окуроч. – Вот, и одной выкурить не успел.

– Ага, ну, пошли.

Артём молча непонимающе смотрел на них. Эркин обернулся и увидел его.

– О, привет, малец.

– Привет, – кивнул Артём.

– Привет, – улыбнулся ему Андрей и протянул руку. – Андрей Мороз.

– Артём Савельцев, – в тон ответил Артём, по-прежнему ничего не понимая.

– Пошли, – дёрнул Андрея за рукав Эркин. – Уладим сейчас всё.

Артём молча смотрел им вслед.

Андрей шёл за Эркином, с интересом оглядываясь по сторонам.

– Да, – вспомнил он вдруг, – тетради ещё...

– Я взял для тебя, – отмахнулся Эркин.

У двери в преподавательскую он остановился и перевёл дыхание. Конечно, надо к директору, но лучше бы сначала переговорить с Полиной Степановной: если она разрешит Андрею сидеть на уроках, будет легче.

Эркин осторожно приоткрыл дверь и заглянул. Ага, удачно как, Полина Степановна уже здесь. Он негромко кашлянул, привлекая внимание, и, когда она обернулась, улыбнулся и открыл дверь.

– Полина Степановна, здравствуйте.

– Здравствуй, – улыбнулась она. – Ну, заходи, что случилось?

Эркин вошёл, улыбнулся ещё раз, уже и остальным. Здесь были почти все учителя, и все они, оторвавшись от своих книг и тетрадей, смотрели теперь на него и вошедшего следом за ним Андрея.

– Здравствуйте, – тряхнул кудрями в полупоклоне Андрей.

Ему ответили улыбчивыми кивками, но явно ждали объяснений.

– Вот, – Эркин улыбнулся своей самой неотразимой улыбкой. – Это мой брат, его погибшим считали, а он выжил и приехал. Я в пятницу из-за этого не пришёл, извините. Он тоже будет учиться, можно?

– Конечно, можно, – после секундной паузы ответила Полина Степановна. – Как тебя зовут?

– Андрей Мороз, – Андрей снова изобразил полупоклон.

– Раньше учился? – по-прежнему спокойно продолжала Полина Степановна.

– Два класса я точно закончил, – Андрей заговорил серьёзно. – В третьем немного поучился. Ну, и потом... нахватался.

– Хорошо, сейчас проверим.

Она встала, привычным движением поправив на плечах платок. И тут же зазвенел звонок. Андрей и Эркин посторонились, пропуская Полину Степановну и вышли следом.

В классе Полина Степановна властным жестом отправила Эркина на его обычное место рядом с Артёмом, а Андрею указала на первый стол, прямо перед собой.

– Садись сюда. Тетрадь есть?

– Да, – ответил Эркин, доставая из сумки тетради и учебники. – Держи, Андрей.

– Ага, спасибо.

Под перекрёстными любопытными взглядами он взял у Эркина тетрадь, достал – хорошо, что догадался ещё вчера купить – ручку и, пока Полина Степановна раздавала остальным задания, надписал тетрадь. Для... русского языка... ученика Мороза Андрея... вот так. Поглядев, как он старательно и в то же время бегло пишет, Полина Степановна раскрыла сборник диктантов.

– Готов? – тихо спросила она.

Андрей кивнул.

– Да.

– Тогда пиши дату. Одиннадцатое мая. На следующей строчке... диктант.

Она диктовала тихо, и как ни был занят Эркин своим упражнением, но, прислушиваясь, переживал за Андрея. Текст сложный, намного сложнее, чем он сам писал в прошлый раз.

Закончив диктовать, Полина Степановна дала Андрею прочитать написанное и взяла тетрадь на проверку. Не только Эркин, но и остальные прервали работу, следя за движениями красной ручки. Тим успел сказать, что это брат Эркина, так что вдвойне интересно. Вот красная ручка нырнула вниз, коснулась тетради. Есть ошибка! И ещё раз... вторая! И... и всё?! Две ошибки на целую страницу. Вот это да! Слова-то длинные какие, и фразы непростые. Но Андрей смущённо покраснел.

– Ничего страшного, – успокоила его Полина Степановна, возвращая тетрадь. – Перепиши эти слова теперь правильно. По строчке каждое.

И стала проверять работу у остальных. Из-за пропущенной субботы, Эркин не то, чтобы отстал, а другие его нагоняли, Тим так уже почти вровень. И у всех уже не буквари, а учебники.

Переписав ошибки, Андрей тоже получил упражнение. Учебника у него не было, и Полина Степановна дала ему свой, показав, какой номер надо сделать.

До звонка все трудились, не поднимая голов. Ошибок у всех мало, но и рубашки к лопаткам прилипают. И когда прозвенел звонок, все так же дружно повскакали с мест. Полина Степановна улыбнулась и кивнула.

– Отдыхайте, – и вышла, чтобы не мешать им.

Эркин всем представил Андрея уже привычным:

– Брат мой. Считали погибшим, а он выжил и приехал.

– Ну, с приездом, коли так, – улыбнулся Трофимов и протянул Андрею руку. – Олег.

– Андрей, – твёрдо ответил тот на рукопожатие.

Быстро перезнакомились и гурьбой повалили в коридор. Покурить. Вообще-то курить разрешалось только в туалете, но все всё равно курили в коридоре. Андрея расспрашивали, как доехал, где устроился... об Алабаме, как выжил и выбрался, не говорили: все – люди опытные, понимают, что не просто так полгода о себе знать не давал.

– Рабочим в цеху... не разгуляешься.

– Я ещё подсобник, – Андрей улыбнулся. – Пока.

– А потом?

И спокойно, как о давно решённом, Андрей ответил:

– Буду на шофёра тянуть.

– Дело, – кивнул Тим. – Ты у кого в бригаде?

– У Сидорова. А ты?

– Был в первом, у Михалыча.

– А теперь?

– На машину сажусь, – с небрежной гордостью ответил Тим.

Андрей уважительно присвистнул. Остальные тоже отнеслись с полным пониманием. Работа шофёра – это уже и квалификация другая, и заработок...

Со звонком вернулись в класс. Андрей собирался пересест поближе к Эркину, но Полина Степановна оставила его у своего стола.

Стали читать Пушкина. «Сказку о царе Салтане». И когда Полина Степановна вызвала читать Андрея, Эркин, слушая его свободное правильное чтение, улыбался так гордо и счастливо, будто это он сам выучил брата. Читали, говорили о прочитанном, отвечали на вопросы Полины Степановны и сами спрашивали. А потом Полина Степановна рассказывала им о Пушкине и читала его стихи. И все наизусть, ни разу не заглянув в книжку.

Когда урок уже заканчивался, она дала Андрею учебники. «Русский язык» и «Русская литература». Совсем не такие, как у Эркина, толстые и потрёпанные. Сказала, какие упражнения надо сделать, и выучить правило, и прочитать о Пушкине, и выучить стихотворение.

– И всё к пятнице?! – не выдержал Эркин.

– Тебе тоже двойное задание будет, – успокоила его Полина Степановна, улыбаясь. – Не беспокойся, он справится.

– Конечно, справлюсь, – тряхнул кудрями Андрей, бережно принимая книги.

Когда Полина Степановна ушла, Андрей отдал учебники и тетрадь Эркину.

– Убери к себе. Сейчас что, английский?

– Да, держи тетрадь.

– Ага, спасибо. А по английскому кто?

– Дженнифер Джонс, – ответил Тим и улыбнулся. – Тоже из Алабамы. В нашем доме живёт.

– Молодая? – спросил Андрей.

Все дружно заржали: с таким смешным интересом он это сказал.

В учительской Полина Степановна сразу сказала остальным:

– Нахвтан парень прилично. По русскому вполне в «Б» может учиться.

– Переведём? – сразу предложил Аристарх Владимирович.

– Нет, – покачала головой Полина Степановна. – Пусть пока останутся вместе, но чтоб рядом не сидели. А то, похоже, жох-парень, начнёт Мороза будоражить.

– Это такой высокий кудрявый блондин? – уточнила Джинни. – Я, кажется его видела. В «Беженском Корабле».

Сидя в углу, Громовой Камень молча внимательно слушал. Объявление, что в субботу в девять утра начинаются занятия по языку шауни, он написал и повесил рядом с общим расписанием, а вчера говорил с детьми в группе подготовки к школе – ему дали полчаса, и он рассказывал о Великой Равнине и Союзе Племян. Слушали его хорошо. А завтра он пойдёт к дошкольникам. Там тоже не должно быть особых проблем. Со взрослыми, конечно, будет сложнее, его уроки никак не встанут в расписание, а субботние занятия – по желанию, кто захочет прийти. Сколько их придёт в свой выходной день? И кто придёт?

Прозвенел звонок, и учительская опустела. В принципе, ему нечего делать, он может идти домой, но Громовой Камень не двигался, сидел и слушал. Школа, школьный шум... что ж, его третья жизнь начинается не так уж плохо. Комната с пансионом недалеко от работы, хотя здесь всё недалеко, все удобства, вроде неплохая хозяйка и посильная плата. Отнеслись к нему и в Ижорске, и здесь тоже очень хорошо, так что... так что всё хорошо.

Войдя в класс, Джинни приветливо улыбнулась, поздоровалась, раздала всем задания и стала проверять Андрея. Диктант, спеллинг, чтение...

– Очень хорошо. А теперь вот это упражнение, пожалуйста.

И занялась остальными.

И опять Эркин, ревниво следивший, как отвечает Андрей, не мог сдержать радостной, даже торжествующей улыбки: у Андрея получается не хуже, чем у Тима, а, может, и лучше.

Сосредоточенно хмурившийся Тим отвечал старательно, как никогда. В английском его никто раньше и не пытался обойти, даже не приближались. Ну, ничего, ему всё-таки английский – родной, а Мороз сам говорил, что его брат русский, так что... потягаемся.

Как и на русском один урок пишут, делают упражнения, а на втором часу читают и говорят о прочитанном. Андрей и здесь не подкачал. Джинни никак не ожидала услышать правильную с еле заметным и очень приятным акцентом культурную речь. До этого у неё чисто, без обычных неправильностей и даже жаргона, говорили трое: Мороз, Тим и Артём, остальных до сих пор приходится поправлять. Да, Полина Степановна права: уровень... Андрея выше, ему, разумеется, место не в начальном классе, а в среднем, но они же сами оставили в этом классе Чернова, а тот владеет языком на уровне выпускного класса, так что...

– Спасибо, садитесь.

Артём, гордо улыбаясь, сел на место, покосился на Эркина и тут же ощутил лёгкий дружеский толчок коленом под столом в знак одобрения.

На перемене балагурили и смеялись. Природоведение не в пример легче. Писать ничего не надо, сиди да слушай. Ну, и отвечай, конечно, когда спрашивают.

– Сейчас меня опять проверять будут, – усмехнулся, садясь на своё место, Андрей.

– Сам же сказал, что нахвтался, – улыбнулся Эркин.

Но Агнесса Семёновна – худенькая маленькая женщина в круглых очках – никак не выделяла Андрея, спрашивая его наравне со всеми. Чему Андрей был в душе рад: он чего-то устал и досиживал уже через силу, удерживая внимание просто чтобы не подводить Эркина: а то брат так переживает за него.

А после уроков пришлось опять идти в преподавательскую, чтобы директор внёс его в списки. Эркин ждал в коридоре, и уходили они после всех, когда уже даже свет в коридоре погашен.

Но в полутёмном вестибюле Андрей вдруг остановился у доски с расписанием.

– Эркин, смотри.

– А что? – обернулся уже от двери Эркин.

– Не было этого, когда входили, я помню, – Андрей быстро прочитал объявление и присвистнул: – Ух ты-и!

Эркин подошёл и тоже прочитал. Что в субботу в девять часов занятия по шауни, и внизу пояснение: «Язык и культура шеванезов».

– Ни фиги себе! – не мог успокоиться Андрей. – Пойдём?

– Обязательно, – твёрдо ответил Эркин и добавил: – Ты как хочешь, Андрей...

– Чего?! – немедленно возмутился Андрей. – Это я братнего языка знать не буду?! На фиг! И не вздумай один ходить, не выйдет.

– Не вздумаяю, – улыбнулся Эркин. – Пошли, поздно уже.

На улице было темно и прохладно. И Андрей застегнул ветровку до горла.

– Знаешь, братик, давай портфель купим.

– Как у Тёмки? – улыбнулся Эркин.

– Это малец, что с тобой сидит? – уточнил Андрей. – Зачем такой же, лучше.

– Покупай, конечно, – кивнул Эркин. – Мне одному сумки хватало, а теперь книг-то больше будет.

Они не спеша шли по тёмным пустынным улицам. Пахло мокрой землёй и листвой, неожиданно громко прошумел вдалеке поезд.

– Устал? – спросил Эркин.

– Есть немного, – улыбнулся Андрей. – Ничего, втянусь. А ты здорово выучился.

– Меня Женя ещё зимой читать научила, – улыбнулся Эркин. – По-русски. А английский, да, уже в школе.

– Понятно, – кивнул Андрей. – Шекспира не читали ещё?

– Нет, – сразу понял его Эркин. – Не рассчитывай, игры не будет.

Андрей негромко рассмеялся.

– А здоровско было сделано. Скажешь, нет?

– Ну да, – нехотя согласился Эркин.

Андрей искоса пытливо посмотрел на него.

– Что случилось, Эркин?

– Ничего, – пожал тот плечами, явно не желая продолжать тему.

– Я же вижу, – не отступил Андрей.

– Ни черта ты не видишь! – перебил его Эркин. – И видеть тут нечего.

– Нет, Эркин, послушай...

– И слушать не хочу, – Эркин угрюмо помолчал и как-то жалобно попросил: – Не надо об этом.

Андрей прикусил губу. Вот оно, вернулось. Его «не спрашивай» вернулось и ударило. Нет, пусть Эркин простит, но он не отступит.

– Так что у тебя с Фредди вышло?

Эркин промолчал, словно не услышал вопроса. Но Андрей упрямо продолжил:

– Он же друг наш, Эркин.

И снова в ответ упрямое молчание. Они уже подходили к дому, когда Эркин разжал губы.

– Был. Был он другом.

Горечь в его голосе подстегнула Андрея.

– И с чего перестал?

– Стрелял он в меня.

Эркин взялся за ручку двери, толкнул её. И, пропуская его вперёд, Андрей спросил:

– Чего ж ты тогда живой?

Эркин не ответил. Он понимал, что Андрей не отступит, понимал, что расскажет. Кому-то же он должен это рассказать. И Андрей имеет право знать. Но... но не сейчас.

И словно почувствовав это, Андрей не настаивал на продолжении разговора. Молча они поднялись по лестнице и прошли по коридору.

Алиса уже спала, и когда они втроём ужинали и пили чай на кухне, ни Андрей, ни, тем более, Эркин ни словом об этом не обмолвились. Рассказывали о школе, кто как отвечал. Женя, узнав об уроках шауни, горячо одобрила их решение ходить на эти занятия.

– И очень удачно, что в одно время с Алиской, – Женя оглядела стол. – Андрюша, возьми ещё печенья. А я спокойно дома уберусь и на рынок схожу.

– На рынок тогда в воскресенье, – возразил Эркин. – Одной тебе тяжело.

Женя кивнула.

– Ладно, – и лукаво подмигнула. – Найду себе занятие.

У неё получилось очень похоже на Эркина, и Андрей тут же выразил самое горячее одобрение и полный восторг. Смеялся и Эркин.

Потом последовала обычная вечерняя суета с мытьём посуды, и наконец пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись.

У себя в комнате Андрей поставил в шкаф книги, уложил тетради в ящик стола. В пятницу русский, математика и история... Надо будет тетради купить. И портфель. Даже два. Себе и Эркину: не всегда же у них будут смены совпадать... Мысли были усталые, рваные. Нет, не будет он сегодня читать. Устал.

Он быстро постелил себе, прислушался. Вроде, тихо, ну, если он и столкнётся с Эркином – не страшно. Но что же всё-таки произошло? Гнида эта трепала, что Фредди лицо не удержал. Стрелял и не попал? Впритирку бил? Зачем? Во что Эркин вляпался, что Фредди пришлось так его гнать? Ну, ладно, не сегодня, так завтра-послезавтра он из Эркина всё вынет.

В ванной пусто, и халата Эркина на месте нет, значит, разминулись. Андрей быстро вымылся, привычно здесь же выстирал трусы и носки – не будет же он и это на Женю сваливать – и повесил их на сушку. А вообще-то надо что-то со стиркой придумать. Ладно, потом обдумаем. Всё потом.

Он вернулся к себе и лёг, вытянулся на приятно прохладной простыне под тёплым мягким одеялом. Как же он всё-таки устал. Даже думать не может. Ничего, всё образуется. Всё будет хорошо.

Россия

Цареградская область

Алабино

Алабино, где разместился госпиталь, совсем, по мнению парней, не походило на Спрингфилд. До столицы час езды на электричке, зелёные от садов улицы, маленькие одно- и двухэтажные домики, главная улица с магазинами, рыночной площадью и церковью, двадцать минут на автобусе до любого из соседних таких же то ли городков, то ли посёлков. «Дачная местность», «Зелёный пояс», – объясняли парням. Но не всё ли равно, как называется то место, где тебе хорошо и удобно. И Спрингфилд – это там, в Алабаме, а Алабино – тут, в России. Ну, совсем ничего похожего.

Крис с Люсей снимали полдома с отдельным входом и маленьким садиком. Веранда, прихожая, кухня и комната, из прихожей лестница на чердак, где можно в дождь сушить бельё и вообще приспособить под какие-нибудь хозяйственные нужды, возле кухни кладовка и крохотные ванная с уборной. «Алабино – не деревня», – гордо объяснила им хозяйка. И водопровод, и канализация – всё как положено. Печь, правда, на дровах и угле, но есть и газовая плита, а баллоны для плиты и горелки в ванной привозят по абонементу. Пустые заберут, полные подключат. Конечно, удобно. Часть мебели им дала хозяйка, кое-что прикупили. Крис как репатриант получил три тысячи ссуды, и Люся столько же, так что деньги есть, но столько всего надо... и по пустякам растратить тоже нельзя. Но... но всего же хочется. Говорят, кто через Комитет репатриировался, так те совсем обалденные ссуды получили, а они – Люся невольно вздохнула – вместе с госпиталем, а это и ведомство, и нормативы другие. Но чтоб через Комитет – это из госпиталя уволиться и в Комитете регистрироваться безработными и бездомными, а потом ещё и виз ждать, да... опять же говорят, что месяцами в лагере в Атланте маринуются. Ну их, эти ссуды комитетские, никакие деньги такой нервотрёпки не окупят – успокаивала себя Люся слышанными многократно рассуждениями опытных и знающих людей.

Как всегда, Люся по дороге с работы – её смена заканчивалась раньше – заходила в магазин или на рынок. Купить чего-нибудь вкусенького или в дом по хозяйству. Первые дни она боялась, что её – урода горелого – и обслуживать не захотят, но всё обошлось раз, другой... и вот уже будто всегда так было.

– И вот этих конфет фунтик.

– Пожалуйста, три шестьдесят.

Люся уложила пакет из тиснённой бумаги в сумку и расплатилась. Дорого, конечно, но Кирочка их больше всяких других уважает. Ничего лучше трюфелей нет. Теперь домой.

За скобяной лавкой она свернула в их проулок. Над заборами свисают гроздья сирени, поют птицы, а вон уже их дом, её дом.

Через вырез в калитке Люся откинула крючок и вошла. Дорожку от калитки к крыльцу Кирочка расчистил, бурьян с лопухами по всему саду выколот. У них в саду яблоня, вишня, два куста малины, два крыжовника, а смородины – три, по одному каждого цвета, и за домом огорожок в десяток грядок. Хозяйство немалое. Но зато и овощи с ягодами да фруктами свои будут. Всё прибыток.

Люся взбежала по ступенькам, нашарила в сумке ключ и отперла дверь. Веранда у них тёплая, застеклённая. Пустая, правда, но будем жить, так и добра наживём. Вторая, обитая для тепла войлоком, дверь тоже с хорошим замком. Маленькая прихожая с новенькой полупустой вешалкой...

В чистенькой – Кирочка до блеска всё отмыл, «по-хирургически» – кухне Люся выложила на стол покупки и пошла в комнату переодеться. Халатик, домашний полотняный платок, чулки не нужны, тепло уже, пусть кожа дышит, а переобулась она ещё в прихожей, теперь на кухню. Кирочка к пяти придёт, так чтоб обед уже был.

Готовить ей раньше не приходилось, так только... чай вскипятить да заварить. Чему-то выучилась со слов у Тёти Паши и девочек, а на прошлой неделе купила книгу по кулинарии, но по написанному тяжело, много слов непонятных, вот и получается не всегда. Кирочка, правда, хвалит, как ни сготовлено, но она-то сама понимает, что это он по доброте и любви, а мужика кормить надо.

– Люся?!

– Да! – откликнулась она. – Я здесь.

Вперевалку вплыла Тётя Шура, соседка слева, и села на табуретку, как припечаталась к ней.

– Уф-ф, жарынь-то какая сегодня.

– Да уж, – охотно ответила Люся. – Как летом.

– Ты, Люсь, огурцы-то как, посадила?

– Нет ещё, вот грядки доделаем, – Люся несколько смущённо рассмеялась. – Мы ещё и не придумали, чего сажать. Картофеля раннего только грядку сделали и зелени немного.

– Рассадку если готовую брать, – начала очередное поучение Тётя Шура, – это к Кравчихе, у неё какой только нет, и крепкая вся. Всё лучше, чем самой из семян выгонять.

Люся ссыпала в кастрюлю нарезанный лук, накрыла крышкой и поставила на огонь. Теперь картошку. Мясо с луком и картошкой Кирочке очень нравится.

– Не мелко порубила? Разварится ведь.

– Не, Тётя Шур, я делала уже. А перед домом цветник делать будем.

– И правильно, – кивнула Тётя Шура. – Гляжу, уже под клумбу расчистку сделали. Больно толсто кожуру режешь, Люсь.

– Всё в дело пойдёт, – улыбнулась Люся. – Кира для компоста уже короб заготовил.

– Великое дело, когда мужик с руками, – вздохнула Тётя Шура.

И перешла к обычным жалобам на своих мужиков, что не допросишься сделать чего, на непочтительных невесток и непослушных внуков. Люся сочувствовала, ахала, возмущалась, ей нетрудно, а Тёте Шуре приятно, но всерьёз не слушала. Своей боли хватало, чтоб ещё чужую к сердцу подпускать. Под рассказ Тёти Шуры она поставила тушиться картошку с мясом и стала делать салат. А суп она перед самым Кирочкиным приходом разогреет, вчера так хорошо у неё получилось, и много – на полных два дня.

Наговорившись, Тётя Шура ушла, и Люся стала убирать и накрывать на стол. Ели обычно на кухне. Конечно, когда Тётя Паша пришла к ним посмотреть, как устроились, её поили чаем в комнате. Оглядев кухню, Люся удовлетворённо вздохнула. Ну вот, у неё всё готово. Она вышла на веранду, залитую солнцем, просторную и такую чистую, что она и пустая не казалась бедной. А вон и Кира.

Люся глубоко вздохнула, глядя, как он легко и красиво идёт вдоль забора, открывает калитку. Какой же он красивый, глаз не отвести...

Крис легко взбежал по ступенькам, толкнул дверь.

– Вот и я, Люся, здравствуй.

– Здравствуй, Кирочка.

Крис обнял её, поцеловал в здоровую щёку.

– Всё хорошо, Люся?

– Да, – она счастливо улыбнулась. – Идём, обед уже готов.

– Ага, я переоденусь только.

Свои старые армейские брюки, которые ему дали в госпитале, как и другим парням, когда они вышли из «чёрного тумана», Крис теперь носил дома, особенно когда возился в саду, а на работу ходил в джинсах. И рубашку менял. Как всегда, он быстро, не зажигая горелки, ополоснулся в душе, переоделся и вышел в кухню уже «по-домашнему».

Сели к столу. Люся подкладывала, подливала, придвигала поближе то солонку, то перечницу. Крис ел и восхищался.

– Как всё вкусно, Люся. Ты здорово готовишь.

– Ну уж ты скажешь, – застеснялась Люся. – Как умею, ты ешь, Кирочка, ешь, ещё картошки?

Крис покачал головой.

– Нет, Люся, спасибо. Как у тебя сегодня?

– Всё хорошо. А у тебя?

И Крис стал ей рассказывать, как он сегодня работал с Юрием Анатольевичем, и уже Люся ахала и восхищалась.

– Ну вот, – Крис облизал ложку. – Вот ещё что, Люся. В сентябре школа начнётся, я хочу за лето за начальную сдать, тогда сразу на трёхлетний курс попадаю, на аттестат. Понимаешь?

– Конечно, – кивнула Люся, наливая ему в чашку компот.

– А будет аттестат, – Крис отхлебнул и причмокнул, – чудо-компот, Люся, потрясающе, так вот, будет аттестат, смогу учиться дальше, – и выдохнул заветное: – На врача.

– Конечно, Кирочка, – поддержала его Люся. – Так и сделаем.

Не станет она из-за такой ерунды спорить с Кирой, и потом... почему бы ему и не стать врачом? Он же ничем не хуже тех студентов, что на практику в госпиталь приезжают. Видела она их, врачей будущих, да Кирочка любому из них сто очков вперёд даст. И Юрий Анатольевич Киру хвалит, и потом... все говорят, что без дела мужик дуреет, а это такое дело... но вслух она только соглашалась.

– Вот так, – Крис допил компот, выбрал ложкой ягоды и встал из-за стола. – Спасибо, Люся. Потрясающе вкусно.

– На здоровье, – счастливо улыбнулась Люся. – Давай чашку, я помою. Ты в сад сейчас пойдёшь?

– А ты куда хочешь, чтоб я пошёл? – улыбнулся Крис, ласково обнимая её.

– Ой, Кирочка, – Люся прижалась к нему. – Днём-то... а если зайдёт кто?

– А мы закрёмся, – в тон ей ответил Крис.

– А посуда? – спросила Люся, продолжая игру.

– Подождёт посуда.

Люся поцеловала его в щёку.

– Ты только дверь запри, ладно? А я занавески задёрну.

Но только Крис, поцеловав её, разжал объятия и повернулся к двери, как со двора послышалось:

– Люсь! Ты дома?

Крис замер на полушаге, и лицо у него стало такое, что Люся невольно фыркнула, но вслух откликнулась:

– Да, входи, Баба Лиза.

Баба Лиза – соседка с другой стороны, тоже... если не старуха, то в возрасте и одинокая, приходит всегда за каким-нибудь пустяком, но главное – поговорить.

– Здравствуй, Люся, а, и хозяин дома, доброго тебе здоровья.

– Здравствуйте, – Крис заставил себя приветливо улыбнуться. – Люся, я в саду буду.

В самом деле, ему сидеть с ними незачем, а чем заняться он всегда найдёт. Не гнать же эту Бабу Лизу, с соседями надо по-соседски жить, это если б кто из парней припёрся, то шуганул бы сразу, а здесь нельзя... Он ещё раз улыбнулся, уже успокаивая улыбкой Люсю, и вышел.

Люся кивнула ему вслед. Она мыла посуду и слушала нескончаемый рассказ Бабы Лизы о всяких алабинских событиях.

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

В среду Андрей после работы зашёл в магазин купить тетради, всякую школьную мелочьку и портфель, а потом ещё в книжный завернул, так что, когда наконец добрался до дома, Эркин уже увёл Алису на занятия. Квартира была тихой и очень пустой.

Андрей повесил ветровку на вешалку, переобулся и прошёл в свою комнату. Ну вот, теперь разложим покупки. Тетрадки в линейку и клеточку, толстые и тонкие, кто ж знает, какие понадобятся, пузырёк чернил, две линейки, скрепки, ножницы, клей – он купил всё, что помнил о своём столе, у них, у каждого, даже у Милочки, был свой рабочий стол, правда, тогда ещё были краски, цветные карандаши, альбом для рисования и специально для лепки дощечка и... вспомнил, пластилин, но тот был ещё цареградский и быстро кончился, а нового мама не купила, не до того стало, ну, без этого он обойдётся, пока обойдётся, а там видно будет. Теперь чистая бумага, большие листы, и тоже в клетку, линейку и гладкая. А книги в шкаф. «Энциклопедический словарь», дорогой стервец, тяжёлый, но на настоящую энциклопедию у него кишка тонка, и так на него как на чудо-юдо вылупились, когда он покупал, и «Краткая всемирная история» в двух томах, еле допёр, думал: ручка у портфеля оборвётся, но выдержала. Так, библиотечные книги на отдельную полку, ну вот, сделал. А портфель просто на пол рядом со столом.

– Андрюша, ты дома? – позвал его голос Жени.

– Да, Женя, иду, – сразу откликнулся он.

Когда он вышел на кухню, Женя разбирала покупки.

– Здравствуй, Андрюша, ты обедал?

– Я сыт, Женя, правда.

– Не выдумывай, сейчас я тебя покормлю, а Эркин с Алисой придут, будем ужинать.

Спорить с ней было невозможно, да и незачем. Андрею ничего не оставалось, кроме как вымыть руки и сесть за стол.

– Женя, тебе помочь? – на всякий случай предложил он.

– Нет-нет, я сама, – и успокаивающая улыбка. – Я тоже поем.

Андрей уже знал, что Женя всё делает быстро, но что настолько... В самом деле, вроде она ещё распахивала свёртки и перекладывала, переставляла банки и коробки, а стол уже накрыт, дымит в тарелках суп, разогревается картошка с мясом, маслянисто блестит квашеная капуста.

– Ну вот, – Женя села за стол. – Приятного аппетита, Андрюша.

– Угу, спасибо, и тебе того же.

Женя с удовольствием смотрела, как аппетитно ест Андрей.

– Подложить ещё, Андрюша?

– Давай, – бесшабашно махнул рукой Андрей. – Добьём кастрюлю.

И Женя вылила ему в тарелку остатки супа.

Как всегда, по средам, Эркин, придя с работы, разогрел приготовленный Женей обед, они вдвоём с Алисой – Андрея ждать некогда, да и неизвестно, когда он придёт – поели, потом Эркин быстро вымыл посуду, а Алиса переделалась, сама, он только помог ей застегнуть крючки на матроске, в сумку Эркина уложили английский букварь, тетрадку, пенал, коробку пластилина со специальной дощечкой и красный мячик для игры в «что такое, кто такой», оделись и пошли.

Крепко держась за руку Эркина и подпрыгивая на ходу, Алиса без умолку трещала обо всём сразу. Отвечая ей, Эркин внимательно оглядывался по сторонам. Да, заметно больше стало цветных. Зимой на всё Загорье было двое: он и Тим, а теперь... Не каждый второй и даже не третий, но попадаются. И индейцев много стало. Он только в лицо уже пятерых знает, да ещё те трое со второго рабочего двора. Но на занятия ни один из них не ходит, дураки.

– Эрик, а мороженого купим?

– Мороженое летом едят, сейчас ещё холодно.

Они поднялись по ступенькам в просторный гулкий вестибюль. Эркин помог Алисе раздеться, сдал свою куртку и её пальтишко в гардероб.

– Я сама, – взяла у него сумку Алиса.

Но Эркин всё-таки проводил её до детского класса, поздоровался с Джинни – сегодня первым уроком был английский – и пошёл в библиотеку. Обычно два часа Алисиных занятий он ходил по окрестным магазинам: всегда найдётся, чего в дом купить, но сегодня... Листок объявления о занятиях по шауни на месте, нет, он не хочет прийти в субботу, ничего не зная, он – индеец, и ничего тут изменить нельзя.

В читальном зале было тихо и почти пусто. У худенькой девушки в очках за столом, знакомым ему по лагерной библиотеке, Эркин записался и попросил чего-нибудь о Великой Равнине. Она дала ему большую тонкую книгу. Эркин сел к окну и стал смотреть. Карты, фотографии, подписи по-русски, но много непонятных слов. Он внимательно, даже придирчиво рассматривал фотографии, проговаривал про себя, беззвучно шевеля губами, непривычные слова.

Агаша исподтишка следила за ним. Первый индеец, что пришёл к ним. Ой, нет, второй, а тот, как его, да, Громовой Камень, пришёл ещё в прошлую субботу, записался и в абонемент, и в читалку, набрал книг, но он – учитель, ему положено, а этот... Она, правда, знает его, вернее, о нём, он – грузчик на заводе, дружит с Колькой-Моряком, что через два дома от них, и этот – она посмотрела на формуляр – Эркин Мороз приходил к нему, и зимой она его видела, на «стенке» и в кулачном – варварское, конечно, развлечение, но ей приятно, что он там так показал себя. Очень приятное лицо, странно даже: индеец – а так красив, и совсем не похож на остальных индейцев.

Эркин так увлёкся, что ничего не замечал и, чисто случайно посмотрев на часы, чуть не охнул вслух. Без пяти семь. У Алиски уже занятия кончаются! Он захлопнул книгу и вскочил на ноги.

– Вот, возьмите пожалуйста, спасибо большое, до свидания.

И вылетел за дверь, не дожидаясь ответных слов. Бегом по коридору в вестибюль...

Он успел вовремя. Алиса растерянно озиралась по сторонам, прижимая к себе сумку со своими вещами, и ещё не успела ни испугаться, ни заплакать.

– Алиса!

– Эрик! – сразу просияла Алиса. – А я четыре пятёрки получила.

– Молодец.

Он забрал из гардероба их вещи, проследил, чтобы Алиса застегнула все пуговицы на пальто, поправил ей беретик и взял сумку. Из Культурного Центра они вышли последними.

На улице было уже темно и зажигались фонари. Алиса шла рядом, держась за его руку, и рассказывала:

– А я говорю, это петушок, и мисс Дженнифер говорит, правильно, и пять поставила, у меня уже шесть пятёрок по английскому, а ещё к нам Кутойс приходил.

– Кто? – удивился Эркин незнакомому слову.

– Кутойс, – не поняла его удивления Алиса. – Он нам про Великую Равнину рассказывал, как там живут и на оленей охотятся.

Великая Равнина? Этот... Кутойс что, индеец, что ли?

– Он индеец, Алиса?

– Ну да. Он воевал ещё, Димка как увидел, так и вылез сразу, ну, про медали спрашивать.

Кутойс... странное имя... индейское. И наверняка он и в субботу будет. С медалями, воевал. Тот, что тогда на выпасе приходил к ним, тоже был с наградами, мы просто тогда не знали и не понимали ничего в этом. И как всегда, воспоминания о выпасе потянули за собой воспоминание о Фредди. Эркин досадливо тряхнул головой. Ведь Андрей не отвяжется, выпросит, а говорить об этом очень не хочется.

– Вот и пришли. Не устала?

– Не-а!

Они вошли в подъезд, поднялись на свой этаж, коридор был пуст и тих, все уже по домам. Эркин достал ключи и открыл дверь.

– А вот и мы! – влетела в квартиру Алиса.

– Вот и молодцы, – вышла из спальни Женя. – Ну-ка, раздевайтесь, мойте руки, сейчас будем ужинать, Алиса своё всё к себе отнеси, положи на стол, потом разберёшь, Андрюша, ужинать, Эркин, позови его, всё удачно, да?

Эркин поцеловал Женю, повесил куртку и, переобуваясь, громко позвал.

– Андрей!

– А я уже тут! – вышел в прихожую Андрей. – Чтоб я к еде опоздал?! Да не в жисть!

– Руки! – строго напомнила Женя. – Все в ванную!

Умывание с обрызгиванием прошло шумно и весело. Наконец все сели за стол. Женя с удовольствием оглядела их и стала раскладывать по тарелкам котлеты с картофельным пюре. Андрей восторженно застонал, закатив глаза.

– Женя-а! Божественно!

– На здоровье, – рассмеялась Женя. – Алиса, не копайся. Эркин, ещё?

– Мм, – мотнул он головой. – Спасибо, Женя, они сытные очень.

Он легко встал и подошёл к плите.

– Женя, вскипел, я заварю.

– Да, спасибо.

Андрей сыто откинулся на спинку стула и расслабленно вздохнул:

– Хорошо-о-о, – покосился на Алису, и та сразу насторожилась, не зная, чего ожидать.

Но Женя собирала тарелки, а Эркин поставил на стол вазочку с конфетами, и Алисе сразу стало ни до чего. Андрюха никуда не денется, а конфеты она за пятёрки получает. Если пятёрок четыре, то конфет должны дать...

Дали одну, но любую по её выбору. И Алиса выбрала самую большую с медвежатами.

– А я её себе приглядел, – вздохнул Андрей.

– А ты получи столько пятёрок, и тебе дадут, – посоветовала Алиса, надкусывая конфету.

– Точно, племяшка! – рассмеялся Андрей. – Вот в пятницу и постараюсь.

– Не получится, – улыбнулся Эркин, – три всего предмета.

– А вот и четыре! Русский, литература, математика и история, – весело загибал пальцы Андрей.

– А по истории тебе за что ставить? Ты ж в первый раз будешь.

– А я такие книги, братик, купил! – Андрей причмокнул, будто пробуя что-то очень уж вкусное.

– А какие? – спросили в один голос Алиса и Эркин.

– Алиса, завтра посмотришь, – распорядилась Женя.

– Ну, мам, ну, я только одним глазом...

Андрей и Эркин поддержали её, и Женя согласилась. Тем более, что она сама этих книг ещё не видела.

Словарь и всемирная история привели всех в восторг. Алисе очень понравилось, что книги такие большие и тяжёлые, на весу не удержишь, надо на стол класть.

Потом Женя увела Алису мыться на ночь, и Эркин с Андреем остались вдвоём.

– Ну как, братик?

– Здоровско, – выдохнул Эркин, бережно ставя книгу в шкаф. – Слушай, это ж сумасшедшие деньги.

– Книги – не шмотки, – отмахнулся Андрей. – На это не жалко.

Эркин задумчиво кивнул. Да, конечно, с такими книгами Андрею на истории бояться нечего.

– Здоровско, – повторил он. – Ты... уже прочитал их?

– Ещё нет, – улыбнулся Андрей. – Только начал. Слушай, ты «Битву на Великой» прочёл? А то я сдам их.

– Нет, – покачал головой Эркин. – Я медленно читаю, и... нет, сдавай, конечно.

– Тебе не понравилось? – догадался Андрей.

– Ну-у, – Эркин как-то нерешительно повёл плечом и, помедлив, честно признался: – Трудно очень. Слова, имена... князя какие-то, холопы... Непонятно.

Андрей кивнул.

– Ладно. Так я сдаю?

– Сдавай, – твёрдо сказал Эркин и улыбнулся. – Я лучше словарь буду читать. Он полезнее.

– Резонно, – хмыкнул по-английски Андрей.

И нахмурился: такой... вежливой была улыбка Эркина. Что, у него и на Джонатана зуб? Здесь-то что? Хотя... Джонатан и раньше был для брата только лендлордом.

Женя позвала Эркина поцеловать Алису на ночь, и он сразу ушёл. Но Андрей и не собирался начинать этот разговор именно сейчас. Успеется. Он поставил книги на место и пошёл на кухню, где его уже ждала вечерняя «разговорная» чашка.

Пили чай и неспешно обсуждали всякие хозяйственные дела. Андрей принёс показать портфель: как-то забыли о нём, занявшись книгами. Покупку рассмотрели и одобрили.

– Эркин, тебе тоже такой нужен, – твёрдо заявила Женя.

Эркин согласно кивнул, но уточнил:

– Когда у меня столько же книг будет.

– Хорошо, – не стала спорить Женя. – А тебе, Андрюша, нужна куртка. Непромокаемая.

– Не помешает, – Андрей не спорил с очевидным. – Посмотрю в субботу.

– А если завтра дождь?

– Я ж не сахарный, Женя.

– Это точно, – авторитетно подтвердил Эркин.

– Во, братик-то уж наверняка знает, – поддержал Андрей. – Так что не растаю, а то завтра уроки делать, в пятницу в школу, а в субботу после занятий и пройдуся.

– Да, так будет самое разумное, – согласилась Женя.

– Ну и договорились, – Андрей встал. – Кто куда, а я на боковую.

– Спокойной ночи, Андрюша, – ласково улыбнулась Женя.

– Спокойной ночи, – кивнул Эркин.

– И вам спокойной ночи.

Андрей быстро вымыл свою чашку, поставил её на сушку и, одарив Женю и Эркина на прощание широченной улыбкой, вышел. Женя негромко рассмеялась.

– До чего ж он хороший, да, Эркин?

– Да, – ответно улыбнулся Эркин. – Отличный, – и, помедлив, тихо спросил: – Женя, тогда... ответ точно через неделю пришёл?

Женя вздохнула.

– Не помню. Вроде даже чуть меньше.

Эркин опустил ресницы, скрывая глаза.

– Что ж, – наконец сказал он. – Будем ждать.

– Да, – Женя протянула руку, погладила его по плечу.

И, как всегда, он перехватил её руку и поцеловал, потёрся о неё лбом и встал.

– Я уберу всё, ты иди, ложись.

Женя кивнула с улыбкой. Эркин не мыл посуду после ужина и чая только после вечерней смены. Женя и не пыталась с ним спорить. Она ещё раз поцеловала его в щёку и пошла в ванную.

В спальне Женя сбросила на пуф свой махровый халат, погасила верхний свет и зажгла лампочку на тумбочке, быстро разобрала постель и достала ночную рубашку, батистовую, с оборочками и кружевами. Господи, раньше бы ей и в голову не пришло купить такую, и не в деньгах ведь дело, а ей просто было незачем, не для кого – нашла она нужное слово и тихо счастливо рассмеялась. Вынула из узла шпильки и, тряхнув головой, разбросала по плечам волосы: Эркину так больше нравится.

Когда Эркин – тоже в махровом халате – вошёл в спальню, Женя уже лежала. Эркин сбросил халат и потянулся под любующимся взглядом Жени, заиграл мускулами груди и пресса.

– Какой ты красивый, Эркин, – вздохнула Женя.

Эркин счастливо улыбнулся. Конечно, он и сам себе нравился, когда разглядывал себя в большом зеркале в ванной, но одно дело – ты сам, а совсем другое – слово Жени.

Когда он лёг, Женя выключила лампу и повернувшись набок, обняла его и поцеловала в висок. Эркин мягко прижал её к себе и положил на себя. Женя засмеялась, впуская его.

Эркин качал Женю на себе плавными медленными движениями, и волна сегодня была тягучей и плавной. Когда уже заснувшая прямо на нём Женя соскользнула и легла рядом, Эркин вздохнул, распуская мышцы, и распластался под мягкой тяжестью одеяла.

И уже засыпая, он, как всегда, прижал ладонь Жени к своей груди и повернул голову так, чтобы её дыхание было совсем рядом...

...Вернувшись из ванной, Андрей быстро постелил себе, выключил свет и лёг. Ну вот, ещё один день миновал. Сегодня среда, а письмо Женя отправила в субботу. Так что психовать ещё рано, и из-за чего психовать? На чёрта профессору и председателю блатарь-недобиток? Как он тогда сказал? Шваль уголовная? Нет, мусор или сор. Ну вот, мусору где место? На помойке, а не в приличном доме. Так что... и психовать некому: какое дело Андрею Морозу до профессора Бурлакова? Никакого. Так что выкинь эту дребедень из головы, Андрей Мороз, и спи, тебе завтра в первую смену.

А с утра обычная, но удивительно приятная суматоха и беготня. Умыться, побриться, сделать бутерброды, поесть...

– Женя, купить чего-нибудь?

– Нет, Эркин, всё есть. Обед я оставлю, придёте, разогреете.

– Женя, ты не беспокойся, мы его и сырьём. А что, нельзя?!

– Андрюша, – Женя, смеясь, укоризненно покачала головой. – Ну, какой же ты...

– Ха-ароший, – закончил за неё Андрей и вышел из кухни: пусть Женя спокойно там с Эркином поцелуется.

Но Эркин на кухне не задержался.

Как уже стало обычным, они вместе вышли на улицу, обернулись помахать глядящей на них их окна Жене и за магазином Мани и Нюры разошлись, перекинувшись коротким:

– Бывай.

– До вечера.

С утра прохладно, но Эркин не жалел, что надел джинсовку и кроссовки, в куртке и сапогах днём бы совсем запарился. Хороший май – тёплый, солнечный. И все говорят, что давно такой весны не было. Как же всё-таки всё хорошо, вот только... Эркин недовольно тряхнул головой. Конечно, не очень хорошо получилось, но он честно пытался читать эту книгу, и было не то, что трудно, а... неинтересно, что ли. Андрею это всё-таки своё, и читает он гораздо лучше, ему легче, нет – Эркин невольно вздохнул – такие книги ещё не для него.

– Эй, Мороз, привет!

– Привет.

Он уже шёл в общем потоке заводских. С ним здоровались, здоровался и он. Скольких он уже здесь знает, и все они так же знают его.

– Как дела?

– Лучше всех!

Ну, Колька сдохнет, а не признается ни в чём, даже если и припекает.

– Эй, слышали?

– Об чём?

– А этот чмырь и взаправду...

– А я ей говорю...

– Я кровь проливал, а они...

Идя в общей толпе, Эркин ловил обрывки фраз, кому-то отвечал, а вон Маленький Филин со своими.

– Хей!

– Привет, – охотно откликнулся Эркин. – Как дела?

Незначащие слова, улыбки и каждому в свою сторону. И в бытовке тот же весёлый шум, что-то треплет Ряха, дразнят Петрю и Серёню, заспанных, как скажи... И под дружный хохот так же толпой валят во двор.

Тепло, но работал Эркин в рукавицах, брезентовых, что ещё зимой получил: берёг руки. Работа несложная, зачастую он и без Медведева догадывается какой контейнер куда катить. А этот... Ладно, если опять, то же самое, то он на всякий случай ещё джексовиллскую пару из дома прихватил, те потоньше и лучше комкаются.

– Старшой!

– Чего?

– А этот куда?

Медведев сбивает на затылок старую обтрёпанную кепку и рассматривает табличку с врезкой. Чертыхнувшись, вытаскивает из кармана блокнот, листает, сверяя цифры и буквы на табличке со своими записями, и наконец машет рукой.

– Пускай постоит пока. Заткни его куда-нибудь, чтоб не мешал.

– Угу, – кивнул Эркин. – Я его с понедельника взад-вперёд катаю.

– И чего? – Медведев уже смотрел в другую сторону.

Эркин чуть прищурил глаза.

– Дай мне пять минут, старшой.

– Бери, – бросил через плечо Медведев, срываясь с места, и уже на бегу: – Вернёшься, к Генычу.

– Понял, – крикнул ему в спину Эркин, берясь за скобу.

Придумал он это ещё во вторник, но не решился, а сегодня остервенел. Риск, конечно, и неохота подставлять Медведева, но сказано: «Заткнуть». Вот он и заткнёт. И... и чего с индейца, тупаря краснорожего взять!

Вернувшись, Эркин сразу подошёл к Генычу, ворочавшему зашитые в мешковину ящики.

– Ага, – прохрипел Геныч. – Ща мы их, сволочей, сделаем.

– Точно, – согласился Эркин, сдёргивая рукавицы: здесь голой ладонью удобнее.

Работая, он прислушивался, но за лязгом, грохотом и прочим рабочим шумом ничего разобрать не мог.

Они управились с ящиками, и Медведев поставил их на бочки с платформы. И всё как обычно. Эркин уже даже решил, что сорвалось, хотя он эту дурынду стальную надёжно закрепил, так просто выкатиться она не могла.

Время было уже к обеду, когда к ним подкатился Ряха.

– Эй, вождь, старшой зовёт!

– Куда? – поднял голову Геныч.

– Не тебя, – хихикнул Ряха и заверещал: – Ща вождю отмерят! Во, вишь, знает, куда да зачем не спрашивает.

Эркин и в самом деле уже шёл через двор, даже не оглядываясь на повалившую за ним бригаду.

Шума было даже больше, чем он рассчитывал. У серебристо-серого контейнера, намертво закупорившего дверь заводоуправления стояла целая толпа, а в её центре пятеро мужчин в тёмных костюмах-тройках и белых рубашках с галстуками. Эркин с первого взгляда признал в них начальство и немалое. Рядом потный взлохмаченный Медведев с зажатой в кулаке кепкой.

Эркин вошёл в круг и с бездумной привычностью встал по-рабски: руки за спину, глаза опущены.

– Твоя работа?

Эркин из-под ресниц покосился на спросившего. Та-ак, это что же, он на директора нарвался? Но бежать поздно и некуда.

– Моя.

– И зачем?

Эркин вздохнул и, не поднимая глаз, ответил правду:

– Я его с понедельника по двору катаю. Ну и... раз он не нужен, я сюда и привёз. Пусть скажут, куда его. А то мешается.

И опустил голову, ожидая наказания. Пока он говорил, стало совсем тихо, и вдруг... вдруг смех! Хохот!

Эркин удивлённо вскинул глаза. Да, смеются, всё начальство, и Медведев, и все вокруг. И не выдержал, улыбнулся сам, своей «настоящей» улыбкой.

– Ну, сообразил, – отсмеялся наконец спрашивавший. – Ну, молодец. Давай теперь, выдёргивай его, будем разбираться.

– А он ни с места, – сказал Сеньчин, тоже топтавшийся здесь со всей своей бригадой. – Ты стопор сломал, что ли?

– Нет, закрепил, – ответил Эркин.

Ему пришлось почти лечь, чтобы выдернуть из стопорного паза скатанную в тугой комок рукавицу. Вытащив её, он лёгким щелчком убрал стопор, одним мягким рывком выдернул из дверного проёма контейнер и так же мягко скатил его по ступенькам. Хохот грянул с новой силой. Начальство столпилось вокруг контейнера, засуетилась с бумагами в руках какая-то женщина в белом халате и в очках, подбежало несколько молодых бородатых парней тоже в халатах.

– Безобразие!

– Потерять комплектующие!

– Его вместо второго цеха на второй двор отправили, вот же...

– Зачем?

– Как он на первом оказался?

– Ничего не знаю, сопроводилка где?

– Да это же...!

– Разгильдяйство если не хуже...

– А первый отдел куда смотрел?

Медведев крепко хлопнул Эркина по плечу.

– Ну, Мороз, ты отмочил, ну...

– Старшой, – совсем тихо, почти по-камерному спросил Эркин, – а вон тот, кто?

Медведев, прикрыв рот кулаком с кепкой, ответил:

– Директор, генеральный, а рядом, седой, главный конструктор. Ну и кашу ты заварил, Мороз.

Эркин, вздохнув, кивнул.

– Так, раз это ваше добро, то сразу и забирайте, – прервал суету у контейнера директор.

И глядя, как бестолково заторможились белохалатные, Эркин снова не выдержал. Шагнул вперёд, раздвинув их, и взялся за скобу.

– И куда его?

– Сюда, сюда, пожалуйста, – засуетилась женщина в очках.

– Когда управишься, на обед, слышишь, Мороз? – услышал он за спиной голос Медведева и кивнул, не оборачиваясь.

А сзади уже опять хохотали и что-то кричали. И никто не услышал тихой беседы двух бригадиров.

– Так это ты его мне скинул. Я запомню.

– А ты докажи.

– По мелкой пакостишь.

– Могу и по-крупному.

– Ну, твоё здоровье – не моя печаль.

– О своём подумай.

Эркин шёл за очкастой, волоча контейнер, вокруг как конвоем – слова «эскорт» Эркин не знал – шагали белохалатные парни. И где-то сбоку будто сам по себе и по своим делам немолодой в форме без знаков различия.

Внутри Эркину ещё ни разу не приходилось бывать, и теперь он быстро на ходу поглядывал по сторонам. Но ничего особого. Светлый коридор, белые стены, широкие белые двери...

– Сюда, пожалуйста.

Эркин остановился у очередной двери.

– Спасибо, большое спасибо.

Ага, внутрь его не пускают, ну, так и не надо.

– Пожалуйста, – вежливо ответил Эркин и повернул обратно.

Дорогу он в общем-то запомнил и шёл уверенно. Немногие встречные удивлённо смотрели на него, но ничего не говорили. Ещё когда по дороге сюда дважды проходили посты, Эркин догадался, что это те самые секретные цеха, о которых он уже слышал, и подумал, что ему здесь шляться совсем не положено, и, ещё не беспокоясь, прибавил шаг. И уже когда до выхода по его прикидкам оставалось не больше двух поворотов, он – ну, просто так – поглядел направо, в другой такой же безлико-белый светлый коридор. И резко, будто налетев на невидимую стену, остановился. Потому что в коридоре стояли двое. Высокий светловолосый мужчина, которого он помнил ещё по Джексонвиллу, и... Женя. Она слушала, что ей говорят, и смеялась.

И увидев Женю, весёлую, смеющуюся, Эркин невольно сам расплылся в улыбке. Почувствовав его взгляд, Женя обернулась.

– Ой, Эркин! – и подбежала к нему. – Что случилось? Почему ты здесь?

– Контейнер привёз, – Эркин озорно улыбнулся. – А то его потеряли у нас на первом рабочем.

– Что? – подошёл к ним Гуго. – Здравствуй, что за контейнер? Какой индекс?

– Здравствуй, – вежливо отвечал по порядку Эркин. – Контейнер обычный. Индекс? Это цифры на врезке? Сейчас вспомню.

И Эркин начал добросовестно перечислять. На четвёртой цифре Гуго закричал:

– Was?! – и схватил Эркина за куртку на груди. – Mein Gott! Где он?!

– Там, – уже не слишком вежливо Эркин оторвал от груди чужие руки.

– Где там?! Куда ты его дел?!

– А куда сказали, туда и отвёз, – начал злиться Эркин.

Гуго кричал по-английски, да ещё с какими-то совсем непонятными словами, и Эркин отвечал тоже по-английски и тоже криком. Из дверей по обеим сторонам коридора начали высовываться любопытные лица.

– Кто сказал? Кто?!

– А очкастая!

– Тихо! – встала между ними Женя. – Гуго, это наверняка в седьмом, Эркин, ты иди, всё в порядке.

Она буквально растолкала их. Гуго умчался по коридору, а Эркин, видя, что становится слишком шумно илюдно, да и пообедать он может уже и не успеть, чмокнул Женю в висок и убрался от греха.

Всё произошло очень быстро. Ксюша – чертёжница из пятой кабины – выйдя на шум, спросила:

– Жень, а это кто?

Женя машинально ответила:

– Муж мой, контейнер со двора привёз.

– А-а, – понимающе протянула Ксюша. – А вы тут... Ну, понятно...

– Чего тебе понятно? – удивилась Женя.

Но Ксюша сделала многозначительную мину и нырнула обратно в свою кабинку. Женя недоумевающе посмотрела на закрывшуюся дверь и тут до неё дошло, как всё это могло выглядеть со стороны, когда Эркин и Гуго трясли друг друга за грудки и орали, а она расталкивала их. Ей стало смешно и, закрыв лицо ладонями, чтобы не захохотать в полный голос, она бросилась в свою кабинку...

В столовую Эркин влетел, когда бригады уже не было, а за столами сидели со второго рабочего – сеньчинские. Зная, что их обеды не совпадают, Эркин торопливо набрал себе первого попавшегося под руку, расплатился и сел за свободный стол.

– Хей, – сказали над ним.

Эркин кивнул, не отрываясь от еды. Маленький Филин подсел к нему.

– Зачем ты это сделал?

Эркин, быстро жуя, вскинул на него глаза и улыбнулся.

– А надоело, чего он путается. Мешает, понимаешь?

Маленький Филин кивнул. Может, он ещё бы о чём спросил, но Эркин уже доедал, и было ясно, что ни на секунду не задержится.

Когда Эркин выбежал во двор, Медведев уже заканчивал расстановку и, увидев его, кивнул.

– Ага, вовремя. Давай к Санычу.

Эркин подбежал к указанной платформе. Саныч встретил его тем же:

– Ага, вовремя. Пошёл?

– Пошёл, – взялся за бочку Эркин.

Катать их оказалось недалеко, рукавицы надёжно защищают руки, ни дождя, ни ветра, и жары особой нет. И от той дурынды очень удачно избавился...

Саныч поглядел на его улыбающееся лицо и невольно улыбнулся сам.

– Что, Мороз, хороша жизнь?

– Лучше не бывает! – искренне ответил Эркин.

– Ну, чтоб и дальше хуже не было, – кивнул Саныч.

– Спасибо на добром слове, – ответил Эркин уже привычной фразой.

К ним подошли Колька и Серёня, присланные Медведевым.

– А с контейнером ты здорово отмочил, – сразу начал Колька.

– А чего он под ногами путается? – ответил в том же тоне Эркин.

Серёня попытался было узнать, куда он его отвёз, но Саныч осадил:

– Заглохни. Не знаешь и знать незачем.

– Точно, – ухмыльнулся Колька. – Военная тайна, секретный режим.

Но Саныч так грозно посмотрел на него, что Колька, щёлкнув каблуками, молча откозырял ему.

До конца смены они провозились с этими бочками и закончили перед самым звонком.

– Подавай, – махнул паровозному машинисту Медведев, а им: – Всё, мужики.

– Ещё б не всё, – Саныч сдёрнул рукавицы и закурил. – Звенит уже.

Эркин, как всегда, мотнув головой, отказался от сигареты, а Серёня задымил с таким независимым видом, что Саныч усмехнулся, а Колька съязвил:

– Слышь, Серёня, тебя мамка давно за уши драла, чтоб не курил?

Серёня покраснел, залихватски сплюнул, но ответил по-детски:

– Да не, это чтоб я на сеновале не курил, так я ж не дурной.

– Не дурнее Петри, – хмыкнул Саныч.

За разговором дошли до бытовки и стали переодеваться. С наступлением тепла Эркин перешёл на трусы и менять штаны старался быстро. На всякий случай. Остальные-то по-зимнему, а быть не как все... не-ет, этого он вдосталь нахлебался. А что он после смены под красным обливается, так к этому ещё зимой привыкли.

Переодевшись, Эркин убрал робу, рабочую рубашку, сапоги и казённые рукавицы в шкафчик, аккуратно расправил на крючке полотенце.

– Хозяйственный ты мужик, Мороз, я смотрю, – сказал, глядя на него, Лютыч.

– А что, – улыбнулся Эркин. – Чего зря одежду трепать.

– Точно, – кивнул Геныч. – Сам не позаботишься, никто и не подумает.

Эркин захлопнул шкафчик и щёлкнул замком. У всех на дверцах замки, даже Ряха свой шкафчик запирает, хотя часто уходит домой, не переодеваясь, а в чём работал. А запираются не потому, что не доверяют друг другу, а так уж положено. Не нами заведено, так не нам и ломать.

– До завтра всем.

– До завтра.

– Миняй, идёшь?

– Иду.

Как всегда, когда Эркину не в школу и не по магазинам, он шёл с Миняем – они ж соседи. И как всегда говорили о хозяйстве и детях. Старшая дочка Миняя тоже шла в первый класс, припозднилась, конечно, но что за школа в угоне, а здесь уже зимой всё болела, то ушки, то ещё что, врачиха и сказала, чтоб дома передержали, пока не окрепнет.

– А сейчас как?

– Сейчас-то во! – Миняй показал оттопыренный большой палец и сплюнул через плечо, отгоняя слез. – Свою-то записал?

– А как же, – и с невольной прорвавшейся в голосе хвастливой гордостью, – в тройной класс, ну, с тремя языками.

Так за разговором дошли до дома и распрощались.

Встретить Андрея Эркин не рассчитывал, тот наверняка по магазинам пошёл. Но у подъезда, когда он уже взялся за ручку, сзади свистнули. Эркин, узнав и вспомнив, мгновенно обернулся. Да, он!

– Привет, братик, – озорно улыбнулся Андрей. – Ну как?

– Привет! – ответно улыбнулся Эркин. – Всё хорошо, а у тебя?

– Как всегда, отлично!

– Ну, чтоб у тебя да по-другому, – рассмеялся Эркин.

Вмесе́те они вошли в подъезд, поднялись по лестнице.

– Сейчас поедим, и Алиса гулять пойдёт, – говорил Эркин по дороге. – Ну, там по хозяйству ещё, и...

– И за уроки, – закончил за него Андрей. – Я открою.

И Эркин кивнул, понимая, как важно для Андрея достать ключи и открыть дверь.

Алиса встретила их радостным визгом и рассказом о сегодняшних событиях. И Андрей с весёлым удивлением смотрел, как Эркин, разговаривая с Алисой, накрывает на стол. Однако до чего ж... домовитый Эркин, нет, семейственный.

Поели, Эркин заботливо проверил, сколько осталось для Жени, и Андрей не рискнул даже в шутку попросить добавки.

– Алиса, гулять пойдёшь?

– Ага! – прыгнула она со стула. – Я пойду маму встречать.

– Хорошо.

Эркин вышел с Алисой в прихожую, и, пока он её одевал, Андрей сгрёб и свалил в мойку посуду. Что ж, пока никого нет, то самое время. И когда Эркин вернулся на кухню и встал рядом с ним, вытирая и раскладывая посуду, Андрей уверенно спросил:

– Так что у тебя с Фредди вышло?

Эркин замер, но тут же досадливо тряхнул головой.

– Андрей, не надо.

– Надо, – упрямо возразил Андрей. – Мне надо это знать.

– Зачем? – глухо спросил Эркин.

Андрей перевёл дыхание. Спроси Эркин: «Почему?», – ответить было бы сложнее, на «зачем» уже продумано.

– А затем, чтоб если встретимся, я бы знал, что делать.

– А мы не встретимся, – отрезал Эркин.

– Это почему? – прищурился Андрей.

– Он там, а мы здесь. Или ты, – Эркин насмешливо оглядел его, – обратно собрался?

– Ну, ладно. Мы туда не поедим, – покладисто сказал Андрей. – Хотя не зарекайся, братик, всякое может быть. А Фредди никто не указ, а ну как занесёт его сюда и дорожки пересекутся, тогда что?

Эркин недоверчиво покачал головой.

– А с чего ему сюда ехать? Нет, Андрей, если он и поедет, то не дальше Пограничья. Зачем ему наше Загорье, сам подумай.

– И ты подумай. Всё может быть. Эркин, раз спрашиваю, значит – надо. Расскажи. Пока нет никого. Мы двое будем знать. И всё.

Эркин вздохнул, и Андрей еле сдержал улыбку, чувствуя, что победил, и повторил уже мягче:

– Расскажи, брат.

Эркин снова вздохнул.

– Так нечего рассказывать. Я в центральном лагере уже был, да, в Атланте. Мы в город пошли, – усмехнулся. – Столицу посмотреть.

– Мы – это кто?

Эркин улыбнулся.

– Фёдор, Грег, то есть Гриша, мы ещё в региональном вместе были, ну, и я. Ну, идём, глазеем, у Фёдора ещё дело одно было, ну, рассчитаться он с кем-то хотел, долг взять, он играл понемногу, в промежуточном когда были, каждый день в город уходил.

Несколько путаное многословие было нехарактерно для рассказов Эркина, но Андрей понимающе кивал, быстро додумывая всё недосказанное. Темнит чего-то братик, но основное пока понятно. Ободренный его молчаливыми кивками, Эркин продолжил:

– До самого дела так и не дошло. Идём мы, тихо идём, никого не трогаем, да и народу на улице немного, и тут, – Эркин вдруг на мгновение стиснул зубы, будто пересиливая себя, – тут вижу, Андрей, я сразу его узнал, сука надзирательская, Полди, рассказывал я о нём, помнишь? – Андрей снова молча кивнул. – Он меня тоже узнал и от меня. Я за ним. Гриша с Федькой за мной. Он в бар этот чёртов, ну, и мы следом. И встали. Бар битком, беляки, – Эркин, до этого только слегка перемешивавший русские и английские слова, заговорил только по-английски, – сволочь на сволочи, сразу видно, и Фредди, с каким-то хмырем за одним столом. Ну, ладно, мало ли с кем пить приходится, я вон... с Ряхой, ну, когда всей бригадой в пивную ходим, ну, чтоб компанию не ломать, а тут... тут этот гнусняк, Полди, рядом с Фредди и верещит: «Это спальник! Убей его!» И Фредди... Фредди по его слову пушку достал и в голову мне. Гриша, он фронтовик, раньше успел, оттолкнул меня и на себя принял.

– Убило его? – очень спокойно спросил Андрей.

– Нет, кожу на виске содрало. Ну, мы Гришу подняли и ушли. И всё.

– Не всё, – Андрей улыбнулся с ласковой насмешкой. – Не темни, Эркин, я же знаю тебя.

– Всё, – твёрдо повторил Эркин. – Чего тебе ещё?

– Хорошо, сам спрошу. Полди этого ты после встретил?

– Ну да, – даже как-то недоумевающе ответил Эркин. – В тот же вечер, там же дождался, – и улыбнулся со злой насмешкой. – Не бойсь, следов не оставил.

– А свидетелей? – ехидно спросил Андрей.

– Федька будет молчать, – серьёзно ответил Эркин, и пояснил: – Да и чего он видел? Тот замахнулся, я упал, и тот упал. Упал и шею сломал.

– Понятно, – кивнул Андрей. – Тут, допустим, и чисто. За несчастный случай сойдёт, если копать не будут. А Фредди? Виделся с ним после?

Эркин нехотя кивнул.

– Да. И тоже... В тот же вечер. Нет, уже ночь была. Он пришёл в лагерь. Ну, за ограду не рискнул. Поймал двух мальцов, за сигаретами дураки полезли, так он одного под пулю поставил, а второго за мной послал, – Эркин замолчал.

– Ну, – подтолкнул его Андрей.

– Что ну?! Вышел я, – Эркин говорил неохотно, кусая губы. – Мальцов он отпустил, ну и... Ну, о тебе спросил.

– И чего спрашивал?

Голос Андрея обманчиво спокоен.

– Знаю ли я, что тебя убили и кто убил.

– И ты?

– Сказал правду. Что убили тебя белые. И ещё... он деньги мне вздумал давать, – голос Эркина зазвенел. – Это ж за кровь Гришину деньги! – он остановился, задохнувшись.

– И ты? – Андрей по-прежнему спокоен.

– Что я? За кровь друга запахло! – Эркин вздохом перевёл дыхание. – Сказал, что мы в расчёте, и ушёл. И всё.

– И всё, – задумчиво повторил Андрей. – Что ж, я тебе одно скажу. Как Фредди стреляет, ты сам в Бифпите видел. Не хотел он в тебя попасть, впритирку бил. Ты сам так кулаком умеешь. Помнишь, показывал мне.

– А потом? Мальцов под дуло...?!

– А ты что, ждал, что он на проходной светиться будет? – язвительно спросил Андрей. – Он же чистильщик, забыл?

– Киллер и шулер, – задумчиво сказал Эркин и тряхнул головой, отгоняя свои мысли. – Ладно. Не хотел, ну, значит, не хотел, только Гришу мы еле до лагеря довели.

– Да пойми ты, если б он всерьёз бил, он бы вас всех троих одной пулей положил!

Эркин молча дёрнул плечом, и Андрей не стал дожимать: брат у него умный, дальше сам додумает. Но осталось только ещё одно... один нюанс уточнить.

– А этот хмырь, что с Фредди сидел, какой из себя?

– Сволочь белобрысая, нож наготове, – уверенно ответил Эркин, и, уже спокойно с привычной обстоятельностью, выдал почти полный словесный портрет, по которому знающий мгновенно опознал бы собутыльника Фредди.

– И чем-то на охранюгу смахивает, – закончил Эркин и уточнил: – Но я его раньше не видел. И потом тоже.

– Твоё счастье, – очень серьёзно сказал Андрей и радостно заорал: – Ага, вот и Женя пришла!

– Вот и мы! – откликнулась из прихожей Женя. – Как вы тут?

Эркин переглянулся с Андреем и быстро вышел в прихожую.

– У нас всё хорошо, Женя. Давай сумку.

Как всегда, с приходом Жени по квартире пронёсся вихрь дел и распоряжений, разнёсший всё и всех по местам. И в частности Эркин и Андрей оказались в комнате Андрея. Эркин достал тетради и сел за стол делать русский и математику, а Андрей лёг на диван с учебником литературы.

– Эркин, – после недолгого молчания позвал он, – курить будешь?

– Нет, – ответил, не поднимая головы, Эркин.

– Кинь мне тогда.

Эркин нехотя отложил ручку. О чём просит Андрей? А, вот же. Пепельница и рядом пачка сигарет с коробком спичек. Он сложил сигареты и спички в пепельницу и ловким броском отправил её на грудь Андрея. Тот крикнул.

– Ох, и на чёрта я такую тяжёлую покупал. Спасибо.

– На здоровье, – вернулся к работе Эркин.

Андрей поставил пепельницу на пол рядом с диваном и закурил. Пушкин... смутно-смутно помнится... не слова даже, а голос. И книга, очень большая, обложка тёмно-красная с золотыми буквами. Сказки. А. С. Пушкин. Да, ему читали, и сам читал...

Андрей тряхнул головой. Нет, это на потом, а сейчас... покосился на Эркина. Старается братик. Брат. Старший брат. Не беспокойся, не подведу. Он погасил сигарету и стал перечитывать нужный параграф.

Эркин никак не ожидал, что заниматься не на кухне, а за письменным столом, с настольной лампой будет настолько удобнее. И дыхание Андрея за спиной, шелест страниц... быстро как Андрей читает.

Дважды перечитав биографию Пушкина, Андрей перешёл к стихотворению. Его он раньше не знал, это точно. Так что придётся постараться.

Сделав русский, Эркин отложил тетрадь – потом попросит Женю проверить – и взялся за математику. Здесь полегче, хотя задачи эти... даже если и сообразишь сразу, так пока по действиям распишешь, потом умоешься.

Приготовив всё к ужину, Женя занялась стиркой. Ох, до чего ж Андрей на Эркина похож, такой же упрямец. Вот упёрся, что своё он сам стирает, и ни с места.

– Мам, – влезла в ванную Алиса, – а мне чего делать? Я к Андрюхе пойду.

– Нельзя, – строго сказала Женя. – Он уроки делает.

– А Эрик? Тоже уроки?

– Конечно.

– Да?! – возмутилась Алиса. – Это нечестно! У них уроки, у тебя стирка, а я без ничего?! Женя невольно засмеялась.

– Хорошо, будешь мне помогать.

И, когда Алиса убежала собирать кукольные одёжки для стирки, вздохнула. Конечно, от Алисы больше помехи, чем помощи, но надо же её чем-то занять, чтобы не лезла к Эркину и Андрею.

– Уф-ф! – Андрей отложил книгу и встал. – Выучил! Ты как?

– Дописываю.

Андрей потянулся, несколько раз свёл и расправил лопатки и подошёл к Эркину, заглянул через его плечо. Удовлетворённо кивнул.

– Здоровско получается.

– Слова все правильные? – Эркин поставил точку и поднял голову.

– Все, – убеждённо сказал Андрей. – Давай, вылезай и иди на диван.

– Угу.

Эркин встал и потянулся, сцепив пальцы на затылке. Андрей сел за стол, переложил тетради. Эркин взял свой учебник и сел на диван. И снова сосредоточенное молчание.

Андрей писал быстро, но старательно, заставляя себя часто останавливаться и перечитывать. Нельзя ему небрежничать, надо, чтоб не хуже, чем у брата получалось.

Закончили они одновременно.

– Всё! – Андрей шумно захлопнул учебник. – Свалил. Ты как?

– Сделал.

Эркин встал и подошёл к столу, взял свои тетради и вдруг нерешительно предложил:

– Проверишь?

Андрей снизу вверх посмотрел на него и улыбнулся.

– Лучше Жене покажи. Как думаешь, она мои посмотрит?

– Конечно! – улыбнулся Эркин.

Андрей ловко вывернулся из-за стола и быстро, пока Эркин собирал тетради, распахнул дверь.

– Эге-гей! Есть кто живой?

Ему ответил радостный визг Алисы.

– Ма-ам! Андрюха орёт!

Как всегда, Алиса постаралась, чтобы было шумно, а, значит, и весело. Но сразу, как только Женя села проверять тетради, замолчала, удобно устроившись на коленях Эркина. Они все сидели вокруг стола, и Эркин с Андреем молча следили за Женей.

– Молодцы! – наконец улыбнулась Женя. – Ни одной ошибки.

– Ура-а-а! – закричала Алиса, спрыгивая с колен Эркина. – А теперь играть!

– Успеешь, – внушительно сказал Андрей. – Женя, я ещё стихи выучил. Проверь.

– Давай, – сразу согласилась Женя.

Андрей откашлялся и вдруг, к изумлению Эркина, встал и вышел на середину комнаты. Ещё раз откашлялся. Лицо его стало непривычно серьёзным.

– Пушкин, – начал он. – Зимнее утро. Мороз и солнце... день чудесный... ещё ты дремлешь, друг прелестный...

Эркин слушал и незаметно для себя покачивался в ритме стихов. Да, он и раньше слышал стихи, да того же Пушкина им читала Полина Степановна, и тоже наизусть, не заглядывая в книгу, но Андрей читает так...

Додумать он не успел.

– Молодец, Андрюша!

Женя даже в ладоши захлопала, и Андрей шутливо поклонился.

– Ну, теперь-то будем играть?! – требовательно спросила Алиса.

– Пошли, – тряхнул кудрями Андрей. – Сгоняем в шелбаны.

Когда они вышли, а Эркин с Женей остались вдвоём, Женя улыбнулась и встала, погладила Эркина по плечу.

– А Шекспира ты читаешь лучше.

Эркин, как всегда, перехватил её руку и поцеловал.

– Спасибо, Женя.

Женя потянулась и поцеловала его в щёку. И совсем тихо, почти беззвучно Эркин спросил:

– Письма не было?

– Нет, – так же тихо ответила Женя и вздохнула. – Будем ждать.

Эркин ответно вздохнул.

– Будем ждать.

Женя ещё раз поцеловала его, и он, мгновенно почувствовав, что она хочет отодвинуться, разжал объятие. Когда Женя вышла, он аккуратно сложил учебники и тетради в две стопки. Да, пожалуй, стоит купить ещё один портфель. Но... это потом. Вон его зовут.

– Э-эри-ик, – звенел голосок Алисы. – Эрик, ты где?

– Здесь! – откликнулся он, выходя в большую комнату. – А вы где?

После общей шумной и весёлой игры – вернее, Эркин подыгрывал, подстраивался под Андрея и Алису – сели ужинать. И Женя с привычным уже удовольствием оглядывала накрытый стол, румяные улыбающиеся лица. Какая же замечательная у неё семья, как всё хорошо. И... и, если всё это разрушится... нет, она не хочет думать об этом. Когда случится, тогда и будет переживать, думать и решать, а сейчас – не хочет.

Доев, Алиса без разговоров вылезла из-за стола и отправилась в уборную. А потом в ванную. Женя вышла помочь ей. Эркин стал убирать со стола, оставив только их чашки. Андрей сыто жмурился, откинувшись на спинку стула.

– Что? – улыбнулся Эркин. – Хорошо?

– Лучше некуда, братик.

Эркин кивнул. Да, лучше некуда, не надо лучше, лишь бы так и оставалось.

– Эркин, – позвала Женя.

– Да, иду, – сразу откликнулся он.

Поцелуй на ночь, удовлетворённый вздох Алисы, и вечерняя «разговорная» чашка чая. Разговор о предстоящих покупках, что в воскресенье новый фильм в Культурном Центре, что... да мало ли о чём можно вести неспешный благодушный разговор.

И как обычно, первым встал Андрей.

– Читать будешь? – улыбнулся Эркин.

– Да нет, прочитал уже, – Андрей потянулся. – Завтра сменяю, возьму ещё чего-нибудь.

Ну, спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Андрюша, – улыбнулась Женя.

– Спокойной ночи, – кивнул Эркин.

И, когда Андрей ушёл, улыбнулся Жене и стал собирать посуду.

– Ты иди, Женя, ложись, ты устала, наверное. Я всё уберу.

– Спасибо, милый.

Женя встала и поцеловала его в щёку. Он быстро ответно поцеловал её и повторил:

– Ты устала, иди ложись.

Женю всегда удивляло, как точно Эркин чувствует её состояние. Лучше, даже чем она сама. И потому не спорила с ним.

Эркин возился на кухне – мыл и расставлял посуду, убирал на столе, пока не услышал, как хлопнула дверь ванной, а потом спальни, и тогда пошёл в ванную. Халатов Жени и Андрея нет. Он быстро разделся и шагнул в душ. Поддон и занавес ещё влажные, пахнет любимым мылом Жени, а его мыло и мочалка уже лежат на бортике. Это Женя позаботилась. Эркин тщательно расправил занавес и пустил воду. До чего же хорошо!

Вымывшись, он быстро навёл в ванной порядок и пошёл в спальню. Женя уже легла, но свет не погасила. Привычно заперев за собой дверь, Эркин сбросил на пуф халат и лёг. Женя положила на тумбочку у своего изголовья журнал и погасила лампу, повернувшись набок к Эркину, положив руку ему на грудь. Эркин протяжно, блаженно вздохнул. Женя тихо рассмеялась, погладив его по груди.

- Всё хорошо, Эркин. И будет хорошо.
- Ага, – Эркин повернул голову, коснулся губами её лба, мягко поцеловал.
- Спасибо, Женя, – и совсем тихо, уже во сне. – За всё спасибо.

Утро было тёплым, но пасмурным, и все книги и тетради сложили в портфель Андрея, чтоб в случае чего не промокли.

- В классе встретимся.
- Замётано. До вечера, братик.
- До вечера.

Андрей свернул в свой проулок и прибавил шаг. Не потому, чтоб так уж спешил или боялся опоздать, а просто... из любви к быстрому движению. А похоже, что затянул он с покупкой куртки. Если польёт всерьёз, то ветровка его не спасёт. Хотя... покупали-то её на раз, ну, на два выхода от силы, так что... он усмехнулся: ладно, и с паршивой овцы хоть клочок шерсти да возьмём, не поморщимся, так и с этой гниды... сколько прослужит, столько прослужит. Вот и забор родимый, и Митроха маячит, ишь... не торопится.

- Привет.
- Привет.
- Ты это чего под начальство, с портфелем, как скажи...
- А мне в школу сегодня.
- Охота тебе мозги трудить.

Они уже входили в бытовку, и за Андрея ответил Василий.

– Оно так, конечно, тебе, Митроха, трудить нечего, – и уже Андрею: – Давай в темпе, срочная сегодня.

- Понял.

Андрей открыл свой шкафчик, поставил туда портфель – с трудом влез, не приспособлено для портфелей, как это... да, не стандарт – и быстро переоделся, захлопнул дверцу, звякнув замком.

- А двор? – буркнул Митроха.

– Ты и подметёшь, – бросил не терпящим возражений голосом бригадир. – Давайте живой, хватит валандаться.

Маленькая зелёная машина, напомнившая Андрею комендатурские, памятные ещё по перегону, была раздолбана весьма капитально, а им к обеду надо её сделать как с конвейера, с обеда её на регулировку и обкатку заберут, а к ночи заказчику выдадут. Выслушав объяснения Василия, Андрей тряхнул кудрями.

- Сделаем.
- Не хвались на рать едучи. Подводи под раму.
- Понял.

И началась работа – как быстро понял Андрей – уже не учёба и не проверка, а на полном серьёзе. В сторону не поглядишь и о своём не подумаешь. Андрей даже как-то не сразу заметил, что их уже трое.

Третьим оказался Тим. Встретившись глазами с Андреем, он улыбнулся, не разжимая губ, и объяснил:

- Я обкатывать буду.

И Андрей понимающе кивнул. Понятно, чего уж тут. Работал Тим сосредоточенно, с красивой точностью, а по уважению в голосе Василия, когда тот обращался к Тиму, Андрей догадался, что место Тима в негласной, но весьма влиятельной внутренней иерархии далеко не последнее.

Чтобы не подвести и не задержать, Андрею пришлось вкалывать изо всех сил. Да, он на подхвате, его дело – не трепыхаться и делать, что скажут... А Тим посильнее Василия будет, у Василия какой разряд? Восьмой? Тогда у Тима десятый, а то и двенадцатый. Если есть такие.

– Так, посмотрим, – Тим сел за руль и медленно с тронул машину, проехал до выездных ворот во двор и задним ходом вернулся обратно на яму, точно въехав на направляющие. – Терпимо, давайте дальше.

– Давай, Дмитрич, – кивнул Василий.

И Андрей не сразу даже сообразил, что это Тима так называли, не Тимохой, и не Тимофеем, а по отчеству. Ни хрена себе! Но и мастерство Тима он сам видит. А он – Андрюха, ему до Андрея расти и расти, а уж до Фёдоровича... и загадывать нечего.

До обеда они работали как проклятые, и со звонком Тим выпрямился и, вытирая руки, улыбнулся Андрею.

– Закрывай. Сделали.

Выпрямился и Василий.

– Пошли, попарим нутро.

Тим мотнул головой, сразу и благодаря, и отказываясь.

– Я к себе.

До бытовки Андрей шёл рядом с Василием, но в дверях пропустил того вперёд. Хмурый Митроха пил чай, уткнувшись в свою пол-литровую кружку с выщербленным краем. Андрей достал полотенце, отмыл руки, достал из общего шкафчика свою чашку, заварил крепкого, но обычного чаю и поставил чашку на стол, чтоб настоялось, убрал полотенце и достал коробку с бутербродами. Делал он всё ловко и быстро, но Митроха хмыкнул:

– Солидно устраиваешься.

– А чего ж нет? – весело ответил Андрей, усаживаясь за стол.

Ели, как он заметил ещё в первый день, каждый своё, друг друга не угощали. Как всегда, когда еды мало, а опасности нет, ел Андрей медленно, чтоб каждый кусок прочувствовать, чтоб и крошкой насытиться.

– Вкусно ешь, – усмехнулся, глядя на него, Василий.

– Стараюсь, – улыбнулся Андрей.

Тяжело ломило спину и плечи, звенело в ушах и где-то под черепом... непросто ему далась эта гонка. И распоряжение бригадира об уборке двора даже обрадовало его. Ещё полдня такого напряжения он мог и не выдержать.

Как вернулся из поездки Тим, он не видел, может, тот и в другой двор въехал, хозяйство же немалое. Хорошо было бы, конечно, с ним съездить, поучиться вприглядку, но на хрена он – неумёха и невежа – нужен Тиму в такой поездке, ну, да ладно, у него всё впереди, он своё ещё возьмёт.

К концу смены Андрей уже почти пришёл в норму и в бытовку шёл как обычно. Умыться, переодеться, собраться.

– До понедельника!

– Бывай!

– Ну, до свиданья всем!

– Андрюха, опять бегом?

– Так с работы же! – подчёркнуто удивляется Андрей. – Вдруг догонят и добавят.

И под общий дружный хохот выскакивает за дверь. Интересно, скажи он про школу, так же бы смеялись? Но экспериментировать не стоит.

В воздухе стоит мелкая водяная пыль, и вроде как-то даже похолодало. Нет, завтра же купит себе куртку. Андрей прибавил шаг. Ага, вон и тот трактир, обед за полтинник. Сгодится.

Еда, как всегда, и согрела, и развеселила его. И хоть погода та же, но шёл он уже улыбаясь и небрежно слегка помахивая портфелем.

Эркин никак не ждал, что его вчерашняя выходка будет обсуждаться. Встретили его дружным гоготом и шлепками по спине и плечам. Хотя веселиться было особо некогда, но смех и подначки продолжались и во дворе. Эркин охотно отшучивался, но смутно чувствовал, что есть что-то ещё, о чём впрямую не говорят, а намёков он не понимал.

Но думать об этом быстро стало некогда. Смена выдалась суматошная, приходилось много бегать с места на место, работать то в паре, то в цепочке, то одному.

Звонок к обеду застал его на платформе с мешками. Эркин опустил очередной мешок обратно и выпрямился.

– Эй, Мороз! – окликнул его Колька. – Айда!

– Иду!

Эркин прыгнул с платформы и широко зашагал к Кольке. И только тут заметил, что лужи во дворе рябят от мелкого дождя.

– Дождь? – удивлённо спросил он.

– Только заметил?! – заржал Колька. – Ну, ты даёшь!

– А он всё последним замечает, – вклинился Ряха. – Все уж давно знают, а он пока на горячем не застукал, ни хрена не замечал.

– Чего? – насторожился Эркин.

Обычно он трепотню Ряхи будто не слышал, и, польщённый его вниманием, тот заверещал:

– Ну, ты же вчера благоверную свою жёнушку с инженером этим, ходулей белёсой, немчурой, на горячем застукал, прямо в коридоре, ему ты там приварил, а ей дома небось...

Последние слова он прохрипел по инерции, потому что пальцы Эркина железной хваткой стиснули его горло и приподняли над землёй. Не замечая вцепившихся в него, отрывающих от Ряхи рук, Эркин сдавленно, будто и его кто-то душил, отдельно сказал:

– За-тк-ни-сь, – со свистом выдохнул сквозь зубы и продолжил: – Её не трогай, убью.

Бледный до голубизны, Ряха тряпочно висел в воздухе. Остальные, сгрудившись вокруг, загоразивая собой Эркин и Ряху от возможных свидетелей, молча пытались оторвать Эркина. Но тот сам, явно через силу разжал пальцы и, не поглядев на упавшего Ряху, стряхнул с себя все эти руки и вышел из круга.

Как заведённая машина, ничего не видя и не замечая, он шёл вперёд. Куда? Зачем? Он не знает, он ничего сейчас не знает и не понимает, и как когда-то готов бить каждое возникшее перед ним лицо. И убивать. Если получится с первого удара. Кто-то взял его за плечо. Он, не оборачиваясь, чтобы не убить, стряхнул эту руку. Но его снова взяли, уже плотнее, развернули. Саныч?! Он узнал, понял и в последнее мгновение удержал кулак.

– Пошли, – властно распорядился Саныч.

И Эркин с бездумной покорностью пошёл за ним, не сопротивляясь и ни о чём не спрашивая.

– А вы на обед идите, – бросил куда-то в сторону Саныч. – Нечего тут.

Эркин не обратил на это внимания.

Саныч привёл его в их бытовку и лёгким толчком усадил за стол.

– Отдышись.

Посмотрел на Эркина и сел сам. Надо прочистить парню мозги. Ряха, конечно, сам напросился, но и ты себя помни.

Эркин сидел молча, неотрывно глядя на свои сцепленные до побелевшей кожи пальцы. Саныч ждал. И когда Эркин выдохнул сквозь стиснутые зубы, кивнул.

– Очунелся?

Незнакомое слово заставило Эркина вскинуть глаза. Саныч, внимательно глядя на него, продолжил. Следующую фразу Эркин совсем не понял. Какие-то странные, даже... не русские слова. И не английские. И на индейские непохоже. Его удивление заставило Саныча снова кивнуть. Что ж, раз уже соображает, можно говорить. Теперь, чтобы понимал, можно и по-русски, по-ижорски, конечно, крепче будет, да не знает парень нашего языка...

– Ты мужик или тряпка?

Эркин оторопело моргнул. Такого он никак не ждал.

– Ты чего руки распускаешь? – продолжил Саныч.

– Он... – начал Эркин.

Но Саныч перебил.

– У Ряхи язык без головы, а у тебя руки, так, что ли? Обиделся он, понимаешь.

– За неё убью, – упрямо ответил Эркин.

– Угу. Вот ты её осчастливишь, как в тюрьму за убийство сядешь. Об этом подумал?

Эркин хмуро мотнул головой.

– Нет, – и вздохнул. – Не успел.

– Заметно, – хмыкнул Саныч и опять стал серьёзным. – Было что там или чего не было, это только твоё и её дело, понял? А на каждый роток не накинешь платок, слышал такое? Мало ли кто что болтает, понял?

– Понял, – кивнул Эркин. – Меня он пусть хоть как поливает, я ж молчу, а её... – и замолчал, чтобы не повторять запретного: «Убью».

– Упрямый ты. Что за честь жены стоишь, то молодец, а что себя в этом не помнишь – дурак. А тебе дурить нельзя. На тебе семья.

Эркин вздохнул и опустил голову.

– Меня уволят? – глухо спросил он.

– Авось обойдётся, – Саныч встал. – Пошли. Работать пора. Сдюжишь без обеда?

– Сдюжу, – Эркин, с силой оттолкнувшись от стола, встал.

Голода он не чувствовал. Было странное ощущение пустоты, тяжёлой пустоты. Но он должен работать, зарабатывать деньги. На нём семья.

Они со звонком вышли во двор. Эркину опять выпало работать с Колькой. Работал он молча, со своей обычной сосредоточенностью, но уже внимательно прислушиваясь, не попробует ли кто пошутить, но желающих не находилось. И Колька молчал, не балагурил, как обычно. И Эркин неожиданно для себя почувствовал, что это молчание мешает ему, как тяжесть лишняя. Неужто... за Ряху на него? Хотя... за него самого бригада же заступилась, а он... получается против своего попёр, чудом насмерть не придушил, но... но ведь не за себя, за Женю, жену свою. Ну, как он объяснит, что Женя... нет, не сможет он. И не хочет ничего объяснять. Выгонят его, ну... ну, на подёнку уйдёт, хотя какая здесь подёнка, а уезжать... некуда, а... а ч-чёрт!! Задумавшись, он не успел выдернуть из скобы пальцы и едва не вывихнул себе кисть. Колька молча подождал, пока он ощупает и разомнет пальцы и запястье и натянет рукавицу. И по-прежнему молча они вставили контейнер в паз на платформе и пошли за следующим.

Колька искоса поглядывал на сосредоточенно шагнувшего рядом Эркина. Надо же... говорят, все индейцы такие: чуть что – за нож и уже до конца, либо своего, либо... И чего Мороза так перекутило? Всё ж нормально было, чего он на Ряху кинулся? И ведь придушил бы, Ряха вон, до сих пор не отдышится, больной мухой ползает. Но Мороз силён, так на одной руке поднять... это не одной силой делается, тут и – он усмехнулся – навык нужен.

К звонку они управились, но обычной радости от сигнала к окончанию работы у Эркина не было. Да и остальные шли в бытовку молча, без гогота и подначек.

В бытовке молча расселись за столом. Все понимали, что расходиться сейчас нельзя. Раньше за драку в бригаде, да ещё прямо на заводе, выкидывали за ворота без жалости, работа у них такая, что друг за друга стоять надо, а тут... И Мороза жалко, хороший ведь парень, и Ряха ж его, можно считать, с первого же дня доводит, цепляет по-всякому, так и Ряха ж тоже... человек, и тоже свой, а коли бог тебя силой такой наградил, так и соблюдай себя, ну, врежь, если так уж припекло, а душисть-то зачем? Это ж убийство уже, и статья другая, хоть и по неосторожности можно, а всё равно. Ряха – дурак, конечно, так сам головы не теряй.

Говорили не спеша, не перебивая друг друга. Молчали только Эркин и Ряха. Наконец Медведев, веско припечатав ладонью об стол, подвёл итог:

– Ладно. Гнать не будем, пусть и дальше работают. Оба. Но чтоб больше... ни-ни. Один пусть за языком своим следит, а другой за руками. И чтоб зла друг на друга не держали.

– Дело, Старшой, – кивнул Саныч. – Давайте, мужики, оба, ну...

Лёгкими необидными толчками их подняли и поставили друг против друга. Эркин впервые открыто посмотрел на Ряху, маленького, щуплого, с бледными дрожащими губами... да раз такого надо терпеть, чтобы в бригаде остаться, стерпит он, конечно, смолчит, не в новинку ему терпеть и молчать, ещё в первом питомнике выучили. И он первым протянул Ряхе руку. Ряха судорожно схватился за неё.

– Ты... того... я ж не хотел... ты не думай... – лепетал он.

– Ладно, – Эркин заставил себя говорить спокойно. – Я тоже виноват.

– И всё, – встал Медведев. – И забыли.

Как только Ряха отпустил его руку, Эркин кинулся к своему шкафчику. Скорее, он же в школу опоздает, да ещё и поесть надо, хоть чего-то у лотошников по дороге купить.

– Ты это куда, как по тревоге? – не выдержал, видя его спешку, Колька.

– В школу, – ответил Эркин, запирая замок.

И вылетел за дверь, даже не слушая, кто там чего сказал. И бегом по коридорам мимо проходных.

– Куда спешишь?

– Эй, парень, без тебя не выпьют!

Он только отмахнулся в ответ.

На улице перевёл дыхание и, проверяя себя, поглядел на часы. Если не есть и бежать, то успеет впритык. Но хоть чего-то перехватить надо. И, как назло, ни одного лотошника по дороге. Дождь их, что ли, разогнал?

В маленькой булочной-пекарне он купил себе калач. Время потерял, конечно, но устоять перед запахом горячего хлеба не смог. А бежать и жевать тоже неудобно. Ладно, если и опоздает, то ненамного.

Эркин шёл спокойно, но быстро, на ходу откусывая от ноздреватого, словно дышащего хлеба. О сегодняшнем он уже не вспоминал. Старшой велел забыть, и он забыл. Обошлось, не выгнали – и слава богу. Доев калач, он прибавил шагу. Конечно, после полной смены без обеда, да перед учёбой одного калача мало, но ничего, приходилось и хуже.

Поднимаясь по ступеням Культурного Центра, он услышал, как в глубине здания заливаются звонок и хлопают двери. Всё-таки опоздал! Досадливо чертыхнувшись, Эркин сдал мокрую куртку на вешалку и побежал в класс.

Когда прозвенел звонок, а Эркина всё не было, Андрей переглянулся с остальными и, показывая недоумение, пожал плечами: сам, дескать, не знаю. А ведь и в самом деле непонятно. Открылась дверь и вошла Полина Степановна. Андрей вместе со всеми встал.

– Здравствуйте, – улыбнулась Полина Степановна, – садитесь, – и села за свой стол.

И вот тут, они только тетради раскрыли, в дверь постучали.

– Да, – повернулась к двери Полина Степановна.

– Здравствуйте, – в дверях стоял Эркин. – Можно войти?

– Здравствуй, – кивнула Полина Степановна. – Проходи, садись.

Эркин сел на своё место, и Андрей передал ему его тетради и учебник.

– Ну вот, – с удовольствием оглядела класс старая учительница. – Все в сборе. Начнём.

Эркин перевёл дыхание и раскрыл тетрадь, покосился на Артёма.

– Всё нормально, малец, – сказал он камерным шёпотом.

А обернувшись к нему Андрею кивнул с улыбкой. Переброситься словом не удалось: началась проверка домашних заданий, и стало ни до чего. Хотя Женя и сказала, что ошибок нет, но мало ли что...

Андрей работал сосредоточенно и спокойно. Всё в порядке, Эркин пришёл, в библиотеке он взял себе две новые книги, в классе тепло, и рубашка прямо на нём высохла, – ну, всё прямо-таки отлично. Эркин, правда, какой-то... взъерошенный, видно, бегом бежал, ну, если у брата проблема, то любую решим. Нас теперь двое, мы – сила.

Эркин очень старался, но что-то у него сегодня не ладилось. Он то и дело ошибался, зачёркивал, исправлял. Полина Степановна уже дважды удивлённо смотрела на него. Эркин тряхнул головой, отбрасывая прядь со лба, и, сильно нажав ладонью, разгладил страницы учебника так, что хрустнул корешок. И вдруг неожиданное:

– Мороз.

– Да! – вскинул он глаза на Полину Степановну.

Она доброжелательно улыбалась ему.

– Сходи, умойся и отдышись, – и, так как он медлил, кивнула. – Иди-иди.

– Да, мэм, – еле слышно сказал Эркин, вставая.

Сказал так тихо, что для всех только губы шевельнулись, но Артём услышал и испуганно посмотрел на него. Нахмурился, перехватив этот взгляд, Андрей. Но Эркин ничего не заметил.

По непривычно тихому и пустому коридору он прошёл в туалет. Здесь тоже было тихо и безлюдно. Только сильно пахло табаком.

Эркин огляделся и решительно расстегнул рубашку. Нет, обливаться, конечно, глупо, ни солнца, ни полотенца нет, но умыться и обтереть грудь... Может, и полегчает. Он сам не понимает, что с ним.

Он умылся, надел и застегнул рубашку, и уже заправлял её в джинсы, когда за спиной стукнула дверь, а в зеркале он увидел Андрея.

– Эркин...

– Что?

– Что случилось?

– Ничего, – ответил, не оборачиваясь, Эркин.

– Я же вижу, – Андрей встал рядом, и они теперь говорили, глядя друг на друга в зеркало. – Если замочить кого надо, то я...

– Уже, – мрачно перебил его Эркин.

– Чего? – оторопел Андрей. – Ты это всерьёз?

Эркин вздохнул.

– Ну, чуть не убил. Сам не знаю, как остановился.

– Уже легче, – кивнул Андрей. – Свидетелей много?

– Вся бригада.

Андрей невольно присвистнул.

– Уже хуже.

– Нет, – Эркин наконец закончил возиться с рубашкой и повернулся к Андрею. – Нет, Андрей, они... они поняли, оставили в бригаде. Они... – он невесело усмехнулся, – словом, руки мы друг другу пожали, и Старшой велел всё забыть.

– Ясенько, – задумчиво кивнул Андрей. – Ну, раз обошлось, то и забудь, – оглянулся на дверь, за которой заливался звонок и уже слышались голоса и топот ног, и тихо сказал: – Не психуй, брат, мы вместе.

И Эркин улыбнулся ему.

– Спасибо, брат.

В туалет уже ввалился плотный ком из самых нетерпеливых. Эркин и Андрей с трудом протолкались в коридор.

Как обычно в дни учёбы Эркина Женя старалась нигде не задерживаться. Магазины, всякие дела – всё потом. Алиска дома одна.

– Жень, – окликнули её.

Она обернулась.

– Люба?

– Ага, – Люба перевела дыхание. – Ты куда так бежишь? Еле догнала.

– Домой, – улыбнулась Женя. – Алиска дома одна.

– Ага, – кивнула Люба. – Загулял, что ли, твой? Да ты, Жень, не тушуйся, обычное же дело.

– Нет, не угадала, – засмеялась Женя. – Они оба в школе сегодня.

– Ну, мужик и не такого придумает, лишь лыжи из дому наострить, – отмахнулась Люба. – Так и ты не теряйся. Инженер-то этот, Гуго, вроде, он совсем даже ничего.

– Да что вы все как сговорились! – Женя даже рассердилась на мгновение. – Не было у нас ничего и нету. Стояли и разговаривали. По делу, между прочим.

– Ну да, конечно по делу. Всем известному, – съязвила Люба. – И твой вот так за между прочим увидел и по стенке инженера размазал. Ты ж сама их разнимала. Все знают.

– Да ну вас всех, – фыркнула Женя. – Выдумали и поверили! Я-то лучше знаю, как оно было.

– Ну и ладно, – не стала спорить Люба. – И то ведь, всех не переслушаешь, иной раз такое выдумают...

И зорко посмотрела на Женю: знает ли она, слышала ли что. Но Женя просто, без каких-либо намёков согласилась, что люди много выдумывают, и дальше они шли, болтая о всяких пустяках. Люба всё выпрашивала об Андрее. А Женя не хотела так сразу говорить и дразнила Любу, не понимая намёков. И только у самого дома будто случайно проговорилась, что Андрей завтра будет в Культурном Центре, а потом собирался в торговые ряды. А то ведь Люба и в гости напросится, она настырная, ей лишь бы всё вызнать да выпросить, а дома и без гостей полно дел.

Дома, как всегда, радостный визг Алисы, неизбежные домашние хлопоты и опять полный ящик стирки. А ещё постельное пора менять. С этими пододеяльниками столько возни! Стирка даже ещё ничего, а вот сушка и глажка... Женя выгребла из ящика трусики, платица, чулки, носки, ещё всякую скопившуюся мелочь, быстро разобрала и замочила. Её, Эркина, Алиски... Андрей – упрямец – сам своё стирает. Трусы там и носки ладно, а рубашка... Она критически осмотрела висящую на сушку бело-голубую рубашку, решительно сдёрнула её и положила к рубашкам Эркина. Вот так! А вообще-то...

Женя вытерла руки и пошла на кухню. Перебрала стопку старых газет, где-то она видела объявление. Да вот же оно! «Лебёдушка». Прачечная, адрес, перечень услуг. Если это не слишком дорого, то подойдёт. Во всяком случае для постельного. Ну, и скатерти там, полотенца. Вот завтра же и сходит.

На литературе Эркин работал уже спокойно, а на математике и истории стал совсем прежним.

Андрей старался изо всех сил, но пятёрки по истории не получилось. Правда, утешал себя тем, что никому сегодня не ставили. И по математике только похвалили, без оценки. Да, тут ему за Эркином и Тимом не угнаться. Пока не угнаться – утешил он сам себя, собирая портфель.

Дождь кончился, но в воздухе стояла мелкая водяная пыль. Шли не спеша. Завтра суббота, выходной, можно отоспаться за всю неделю. Какое-то время шли все вместе, потом стали расходиться: кому в Старый город, кому в другую сторону, попрощался и быстро ушёл Тим, хотя им и по дороге. Эркин и Андрей остались вдвоём.

– Ты... ты ничего мне не скажешь? – тихо спросил Андрей.

– А нечего говорить, – вздохнул Эркин. – Ну... Ряха, помнишь его? – Андрей кивнул. – Ну, он всегда цепляется ко мне, я и не слушаю, а тут... понимаешь, он... он Женю... задел, – с трудом выговорил Эркин. – Ну... ну, я схватил его... за горло, ну, чтоб заткнулся... и тиснул... слегка, не до конца. Вот и всё, Андрей.

– Вот и всё, – повторил Андрей, покачал головой. – Да-а, могли быть дела. Чудом обошлось.

– Чудом, – кивнул Эркин.

Они шли рядом по тёмной пустой улице. Дождь, да и поздно уже, вот все по домам и сидят, хоть и пятница.

– Андрей, я... я всё могу стерпеть, – Эркин говорил тихо, незаметно для себя перемешивая русские и английские слова. – Меня по-всякому и обзывали, и подначивали, и задирали. Тогда молчал и сейчас смолчу. А за неё... – и с жёсткой убеждённостью: – За неё убью, – и тут же поправился: – Могу убить. Понимаешь?

– Понимаю, – кивнул Андрей и вздохнул: – Всем глотку не заткнёшь.

– Знаю, – хмуро ответил Эркин. – В том-то и дело, Андрей. Я ж... сам не знаю, как удержался, – невесело усмехнулся. – Как вспомню, как он у меня на руке висел... самому страшно.

Андрей как-то неопределённо хмыкнул и после недолгого молчания убеждённо сказал:

– А это хорошо.

– Что? – удивился Эркин.

– А что страшно. Вот этот страх тебя в другой раз и удержит.

– Разве что так, – задумчиво кивнул Эркин.

Тетрадь шестьдесят восьмая

122 год

Весна

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

В дождь хорошо спится. У придумавшего этот афоризм явно ничего ни сломано, ни прострелено не было. Громовой Камень усмехнулся и осторожно потянулся под одеялом. Нет, вроде отпустило. В комнате приятный полумрак. Проверяя себя, он высунул из-под одеяла руку и взял со стула у изголовья часы. Да, только шесть, можно ещё поспать, но не хочется. Он ещё раз потянулся и откинул одеяло. Да, боль вполне терпима.

Громовой Камень встал и подошёл к окну, отодвинул штору. Солнце уже взошло, и молодая листва казалась золотистой. Похоже, день будет ясный. Уже легче. Ну что, спать не хочется, значит, будем потихоньку приводить себя в порядок. Спешить некуда. Занятия начинаются в девять, на месте надо быть за пятнадцать минут до начала.

Умыться, побриться, одеться... Завтрак с половины восьмого. Обед после трёх, вечерний чай, он же ужин в девять. Тихий семейный пансион. Правда, двадцать рублей в неделю, но и условия, скажем так, весьма приличные. Даже ванная есть. Еда, уборка, стирка, тихие интеллигентные соседи... Чего ещё хотеть?

Громовой Камень оглядел себя в зеркале. Вполне и даже очень, как говаривал тот танкист в госпитале, справившись со своей щетиной между рубцами и ожогами. Громовой Камень собрал свой прибор, повесил полотенце и вышел из ванной. Обычно в это время он уже встречался со своими соседями, но сегодня суббота, и те, видимо, решили поспать подольше. Вполне естественно и законно, это вот ему не спится. И до восьми ещё уйма времени.

У себя в комнате он сам убрал постель и огляделся, как в первый раз. Кровать, комод, шкаф, стол у окна и три стула. Всё как у всех. А вот этажерку для книг и тетрадей ему поставили, узнав, что он учитель. Громовой Камень улыбнулся, вспомнив, как он пришёл сюда впервые...

...Адрес ему дали в городской Управе, где он, уже оформившись в отделе образования, зашёл в квартирное бюро.

— А с жильём, — полуседая женщина в очках смотрела на него с лёгкой настороженностью, но в то же время достаточно доброжелательно, — вам ведь, наверное, лучше с пансионом, чтобы без хозяйственных хлопот. Вы... вы ведь один?

— Да, — кивнул он.

— Ну, тогда зайдите к Егоровой. У Капитолины Алексеевны очень приличный пансион, и сейчас есть как раз свободная комната...

...Пансион, зарегистрированный в Управе, это уже какая-то гарантия. Конечно, можно было бы устроиться и в Старом городе, и намного дешевле, но ходить на работу через пути ему неудобно, и условия там не те, и учителю надо держать марку. А здесь единственное неудобство

– лестница, но он уже приспособился и ходит что вверх, что вниз медленно, но без палки. Отнеслись к нему настороженно, но форма с медалями и то, что он пришёл из бюро...

...Капитолина Алексеевна ещё раз оглядела его и повела показывать комнату. Условия, оплата понедельно, стирка личных вещей, женщин не водить, дополнительные услуги... обговорили всякие житейские мелочи и нюансы, и он пошёл на вокзал за вещами. Её настороженность не удивила и не обидела. Он уже привык, что от индейцев ждут... скажем так, необычного. Недоверие, вызванное непониманием, что в свою очередь обусловлено незнанием. Он сам понял это в армии, когда услышал удивлённое:

– Слушай, ты ж нормальный парень.

И потом, другими словами, но это же, и не раз. И о себе, и о других. И это его вторая, а, может, и первая задача. Сделать свой народ понятным. И не дети «асфальтовых», а все дети, всех цветов – его ученики. И в первый день в пансионе он вышел к обеду в форме, с наградами, и называл себя по-русски. Чтоб понимали...

...– Громовой Камень? – переспросил назвавшийся Алексеем инженер с завода. – А как-нибудь покороче можно?

Он улыбнулся. Манера русских сокращать любое имя до двухсложного, чтобы не больше четырёх, ну, пяти букв, была ему известна ещё по школе, и он знал, как к ней приспособиться.

– В роте меня Гришей звали.

И внёсшая в этот момент в столовую поднос с большой фарфоровой супницей пожилая женщина в белом фартуке и кружевной косынке – потом он узнал, что её зовут Ефимовной, и она хоть и прислуга, но слово её значит очень много – удовлетворённо кивнула...

...Так он стал здесь Гришей и, приходя из города, переодевается, как все. У них спортивные костюмы, домашние куртки и брюки, а у него леггинсы и лёгкая, без бахромы и вышивки кожаная рубашка, и по дому ходит не в тапочках, а в мокасынах без шнуровки с мягкой подошвой. И ничего, привыкли.

Но сейчас он сразу после завтрака пойдёт на работу. Туда в форме. С детьми форма удачно сработала, мальчишки сразу стали расспрашивать, мгновенно возник контакт. И со взрослыми форма ему всегда помогала. И... и больше ему надеть нечего. В племенном – рано, а на «учительскую» форму – костюм-тройку – он ещё не заработал.

Но все эти мысли, воспоминания и соображения не мешали ему наводить порядок, разбирать тетради, проверять планы для занятий на следующую неделю, ещё раз перечитывать сегодняшний конспект.

Ну вот, уже семь. Ещё час впереди, а он, можно считать, готов. Заливаются птицы, в открытую форточку тянет запахом листвы и земли. Громовой Камень отодвинул тетради и взял книгу. «Мифы древних славян». Смешно, но он – первый читатель, формуляр был чист. Почитаем, подумаем, найдём точки соприкосновения, переключки...

И, как всегда. Начал читать и зачитался. Случайно поглядев на часы, Громовой Камень вскочил на ноги. Восемь! Пора. Он быстро переоделся, убрал леггинсы, рубашку и мокасыны в шкаф. Бельё, брюки, намотал портянки и натянул сапоги. Начистил он их с вечера, аж блестят. Как и медали, и поясная пряжка. Надел гимнастёрку, подпоясался, по-уставному расправив и распределив складки. Пригладил, глядя в зеркало на комод, волосы. Ну вот, пора вниз. Он взял нужную тетрадь, ещё раз оглядел комнату и вышел, мягко прихлопнув за собой дверь.

В столовой кипит самовар, в плетёной корзинке под белым вышитым полотенцем горячие калачи. Капитолина Алексеевна приветливо улыбнулась ему.

– Доброе утро.

– Доброе утро, Капитолина Алексеевна.

Он сел на своё место. Капитолина Алексеевна положила ему на тарелку кашу, налила из самовара чаю.

– Берите масло, Гриша.

– Спасибо.

Он ел быстро, но без спешки, и Капитолина Алексеевна, любившая, когда едят с аппетитом, с удовольствием наблюдала за ним.

– Вы сегодня работаете?

– Да, у меня утренние занятия.

Но, говоря это, Громовой Камень чувствовал себя обманщиком. Ещё неизвестно: будут ли у него занятия, придут ли к нему ученики. Ну, ничего страшного, он тогда пойдёт на занятия к малышам, просто посмотрит, как работают другие, поучится...

– Доброе утро, – поздоровался, входя в столовую, долговязый белобрысый мужчина.

– Доброе утро, – ответил Громовой Камень.

– Доброе утро, Гуго, – улыбнулась вошедшему Капитолина Алексеевна. – Ваш кофе.

– Спасибо.

Гуго сел напротив Громового камня.

– Приятного аппетита.

– Спасибо, вам того же, – улыбнулся Громовой Камень.

Четверо остальных жильцов вошли в столовую, когда Громовой Камень уже допил чай и встал. Быстрый обмен приветствиями, и он вышел в прихожую. На общей вешалке среди плащей и курток его шинель. Но сегодня тепло, можно в оной гимнастёрке. А вот без палки ему не обойтись.

– Доброго утра. Чего так рано, Гриша?

– Доброе утро, Ефимовна, – улыбнулся Громовой Камень. – На работу пора.

– Ну, удачи тебе, – серьёзно пожелала Ефимовна, закрывая за ним дверь.

Умение Ефимовны всюду успевать и не спешить, готовить на всех, убирать, провожать и встречать – не удивляло Громового Камня. Он видел таких женщин в стойбищах. Те тоже успевали всё, хотя никто не видел их спешащими или суесящими.

Улицы пустынные. Ну да, сегодня суббота, выходной, все отсыпаются. Но ближе к Культурному Центру стало оживлённее.

Громовой Камень поднялся по удобным пологим ступеням, в прохладном, пахнущем свежeweымытыми полами, вестибюле поздоровался с маленькой всегда весёлой Валерией Иннокентьевной.

– Доброе утро.

– И вам доброе утро. Какая погода чудесная!

– Да, – улыбнулся Громовой Камень.

Вместе они поднялись в преподавательскую. Валерия Иннокентьевна весело трещала сразу обо всём. Громовой Камень улыбался и кивал, даже не пытаясь вставить хоть слово. В преподавательской было пусто и тихо. Громовой Камень взял ключ от кабинета и пошёл готовиться к уроку.

Он вошёл в класс и сел за учительский стол, положил перед собой тетрадь. На часах без десяти девять – он сверил свои часы с настенными в преподавательской – и издалека уже слышны детские голоса. Ему остаётся сидеть и ждать. Может быть кто-то придёт.

По субботам из-за Алискиных занятий вставали по будильнику, и Алису приходилось будить.

– Алиса, вставай, – Женя уже начинала сердиться. – Так в воскресенье ни свет, ни заря вскакиваешь, а когда надо, так не добудишься.

– Ну ма-ам, ну, я только сон досмотрю, – канючила, жмурясь, Алиса.

И тут же подскочила от громкого – на всю квартиру – голоса Андрея.

– Пусть спит, все конфеты мои будут!

– Андрюха – жадина!

Алиса в ночной рубашке вылетела в прихожую, но тут же была схвачена Андреем и кинута обратно.

– А ты же спишь, ну, и спи себе дальше.

Андрей попытался засунуть её обратно под одеяло, Алиса его немного побила подушкой, пока Женя, отсмеявшись, не разогнала их.

И за завтраком Андрей хитро посматривал на Алису. Та настороженно следила за ним и, когда Женя поставила на стол вазочку с конфетами к чаю, быстро заявила:

– А что во сне съела, то не считается!

– Ты смотри, догадалась, – с искренним разочарованием сказал Андрей.

– Ну, так ты ж не умнее, – спокойно, смеясь только глазами, заметил Эркин.

– Ну, братик, – Андрей показал ему оттопыренный большой палец, – ну, спасибо.

– Кушай на здоровье, – уже открыто рассмеялся Эркин.

– Всё, – Женя вытерла выступившие от смеха слёзы и встала. – Собирайтесь, а то опоздаете.

– Да не приведи господи, – вскочил с преувеличенным страхом Андрей. – Алиска, живо!

– А ты не командуй, – с достоинством ответила Алиса, выходя из кухни.

– Алиса! – остановила её Женя. – Как надо правильно?

– Не командуй, – поправилась Алиса.

Когда Эркин, Андрей и Алиса ушли, в квартире стало так пусто и тихо... Женя даже вздохнула.

Как всегда, выйдя на улицу, они – все трое – обернулись и помахали Жене. И Женя помахала им с лоджии.

Алиса шла между Эркином и Андреем, крепко держась за их руки. Когда им встречалась оставшаяся от ночного дождя лужа, Алиса тянула их на неё и, поджимая ноги, пролетала над ней.

И, опять же как всегда, на полдороге их нагнали Тим с Димом и Катей. Обмен приветствиями, и дети пошли впереди, а мужчины за ними. Шли молча, но молчание было если не дружеским, то доброжелательным.

Центр уже гудел и звенел от детских голосов. Приветствия, неизбежная толкотня у раздевалки. Большинство родителей, сдав на вешалку пальтишки и курточки и в последний раз сказав о хорошем поведении и старательности, торопились к выходу. Тим уже у дверей зачем-то обернулся и увидел, что Эркин и Андрей так же разделись и направились к лестнице. Чего это им там понадобилось? Сегодня же не их день.

– Эй! – не выдержал он. – Вы куда?

– На занятия, куда же ещё? – с небрежной гордостью ответил Андрей.

– Какие занятия? – изумился Тим. – Сегодня же суббота. Ты что, дни перепутал? – он усмехнулся. – С чего бы это?

– Сегодня по шауни занятия, – с напряжённым спокойствием сказал Эркин. – Ты не видел объявления?

– Видел, – пожал плечами Тим. – Ну и что? На хрена дикарство это? – перешёл он на английский.

И осёкся, увидев неожиданно жёсткие глаза Андрей и отяжелевшее лицо Эркина.

Сглотнув и явно пересилив себя, Эркин тоже по-английски сказал:

– Не нужно – не ходи.

– Знания, понимаешь, – елеинно заговорил Андрей, – это такая штука, что не всякому доступны. Тут думать надо, мозги иметь. Так что, ты иди себе, гуляй.

– Заткнись, – тихо сказал Тим.

– И то верно, – кивнул Андрей, – чего время впустую терять.

– Пошли, – решительно сказал Эркин. – Опоздаем.

Они повернулись и стали подниматься по лестнице. Тим, прицельно сощурившись, посмотрел им вслед и пошёл к раздевалке. Нет, он не хуже, не может быть хуже. Чтоб этот поганец знал, а он нет... Не будет такого.

Эркин и Андрей поднялись на свой этаж.

– Написано было в классе «А», – разжал губы Эркин.

– Туда и идём, – кивнул Андрей.

О Тиме они не говорили и, когда он их догнал, словно не заметили этого.

Задребезжал звонок. Со звоном Андрей открыл дверь, и они вошли.

За учительским столом сидел смуглый черноволосый парень – вряд ли старше их – в военной форме, без погон, но с медалями и смотрел на них.

– Здравствуйте, – улыбнулся Андрей. – Мы на занятия пришли. По объявлению.

– Здравствуйте, – улыбнулся и парень. – Проходите, садитесь.

С жадным любопытством Громовой Камень разглядывал усаживающихся перед ним парней. Как специально подобраны: индеец, белый и негр. Ну вот, самого страшного – никто не придёт – не случилось. Теперь отступить нельзя.

– Меня зовут...

Начал он по-русски: всё-таки двое из троих точно не знают языка, но, когда назвал себя на шауни, то недоумевающие взгляды были у всех троих, а повторил своё имя в русском переводе и сразу понимающие кивки, интересно, это что же, парень настолько «заасфальтирован», что элементарно ничего не помнит, это ж во сколько уехал с Равнины, если ребёнком увезли, то хоть от родителей хоть что-то мог узнать и запомнить. Ладно, значит пока и продолжим по-русски.

– А как зовут вас?

Громовой Камень смотрел на негра, и тот ответил первым.

– Тимофей Чернов.

– Андрей Мороз, – тряхнул светлой шевелюрой самый молодой из троих.

– Эркин Мороз, – назвал индеец.

Громовой Камень даже не успел удивиться совпадению фамилий, так его удивило имя.

– Эркин? Ты из какого племени? Не шеванез?

Вот оно! То, чего Эркин опасался с самого начала. Он опустил ресницы и очень спокойно ответил:

– Я не знаю своего племени.

Громовой Камень почувствовал, что уточнять не следует, и просто кивнул. Хотя про себя решил, что надо будет напрячь память, пошуровать в записях о племенах, что-то там не просто с этим. Но пока... ладно, оставим.

Андрей покосился на Эркина и спросил:

– А какие ещё есть племена? Ну, шеванезы, а ещё?

– Уг, – кивнул Громовой Камень и повторил по-русски: – Хорошо.

Он думал начать с другого, но так тоже неплохо. Шеванезы и другие племена. От которых остались только названия, слова с давно потерянным смыслом, обрывки легенд...

– Хау, – закончил он рассказ и тут же перевёл: – Я сказал.

Неуверенные кивки. И снова Андрей взял разговор на себя.

– Это... в конце говорят?

– Да, – Громовой Камень улыбнулся. – Можно и в начале. А что-нибудь на шауни вы знаете?

– Нет, – твёрдо ответил Тим.

– Нет, – качнул головой Эркин.

– Уже два слова, – лукаво улыбнулся Андрей. – Уг и хау.

– Молодец, – рассмеялся Громовой Камень.

– Это и я запомнил, – недовольно сказал Тим.

Эркин кивнул и очень старательно выговорил:

– Уг, хау, – и по-русски: – Хорошо. Я сказал.

– Правильно, – кивнул Громовой Камень.

Да, так он и думал. Самое расхожее. Поздороваться, поблагодарить, попрощаться. Что это? Это – человек. Это – рука, это – лицо... нет, это – голова, а лицо – ...

Они повторяли за ним, старательно копируя его голос, тут же переводя на русский. Игра? Да, игровая по сути методика, но эти трое взрослых людей играют с детской искренностью и увлечением. Громовой Камень стал уже опасаться, не слишком ли много лексики для первого раза, когда Эркин, посмотрев на часы, охнул:

– Ой, пора уже.

Андрей посмотрел на часы над дверью и присвистнул:

– Ого!

А Эркин, извиняясь, улыбнулся и объяснил:

– У меня дочка здесь, на занятиях.

– И у меня двое, – кивнул с улыбкой Тим и встал. – Большое спасибо...

И прежде чем он успел назвать его имя, Громовой Камень перебил его, вставая.

– Я – кутойс, учитель.

Эркин улыбнулся и тоже встал.

– Да, Алиса говорила мне. – и тщательно выговорил на шауни: – Спасибо, кутойс.

– Спасибо, кутойс, – повторил за ним, также вставая, Андрей.

Прощание на шауни, уговор о встрече в следующую субботу по-русски и окончательное прощание.

Оставшись один, Громовой Камень медленно подошёл к окну. Ну вот, три часа как пять минут. Его первый урок. У негра русское имя. У Эркина здесь дочка, да, сегодня как раз дошкольники занимаются, но... с дошкольниками занятие уже было, ни индианки, ни даже метиски не было, это точно, сразу бы обратил внимание...

Окно выходило на площадь перед Центром, и Громовой Камень видел, как расходились дети с родителями. Интересно. Вон Чернов ведёт за руки мальчика и девочку, их он видел, да, Дима и Катя, но мальчик сам себя называл Димом, что для русского языка не характерно. Ага, а вот и Эркин, с ним Андрей, да, интересно, они – однофамильцы, или... пока это неважно. Эркин с девочкой, совсем белой, так это его дочь?! Что ж, в жизни всё бывает. Да, он ещё когда слышал, что у репатриантов приёмшей больше, чем родных.

Когда площадь опустела, Громовой Камень оттолкнулся от подоконника, взял со стола свою, так и не понадобившуюся тетрадь и пошёл к двери, едва не забыв на радостях палку.

На улице Андрей весело сказал:

– Ну, вы домой, а я по магазинам.

– А мы с тобой! – заявила Алиса, крепче вцепляясь в руку Андрея.

Но Эркин покачал головой, и она нехотя разжала пальцы.

Андрей озорно улыбнулся.

– Ничего, племяшка, мы ещё чего-нибудь придумаем.

– Иди уж, – рассмеялся Эркин. – К обеду тебя не ждать?

– Как управлюсь, – на мгновение стал серьёзным Андрей и тут же рассмеялся. – Я своё всегда возьму.

Он быстро ушёл к Торговым Рядам, а Эркин с Алисой неспешно пошёл домой. Алиса рассказывала о занятиях, подпрыгивала на ходу и кружилась, будто ей было мало тех танцев.

– Не напрыгалась? – так и спросил Эркин.

– Не-а, – весело ответила Алиса. – Эрик, а можно я буду балериной?

– Балериной? – переспросил Эркин, удивлённый новым словом.

– Ну да, они всегда танцуют, и я так буду. Можно?

– Не знаю, – честно ответил Эркин. – Спросим маму.

– Ладно, – вздохнула Алиса.

Что мама разрешит, она особо не рассчитывала, а вот если попробовать другое...

– Эрик, а давай чего-нибудь вкусенького купим.

– Давай, – согласился Эркин к её полному удовольствию.

И они свернули в проулок, где была маленькая, но уж очень «вкусная» кондитерская. Там они купили печенья – рассыпчатого, цветочками с сердцевинкой из варенья и смешным названием «курабье», даже непонятно, на каком это языке – и не спеша пошли домой.

Яркая листва, блестящее, промытое ночным дождём небо, весёлый шум выходного дня. Эркин словно заново удивлялся, как же всё хорошо. А о письме, что вот-вот придёт и заберёт Андрея, он и не думал. Конечно, он выучит шауни, не сложнее русского, а то в самом деле, что он за индеец? Двух слов сгфзать не может. А вот выучит, узнает всё, и хрен его тогда ткнёшь или заденешь.

– Эрик, а завтра в кино пойдём?

– Отчего ж нет? – улыбнулся Эркин. – Пойдём.

Алиса удовлетворённо кивнула. Против кино мама ничего не скажет.

Дома их встретили весёлая Женя и умопомрачительные запахи.

– Андрей за покупками пошёл, – сказал Эркин, вручая Жене коробочку с печеньем.

– Хорошо, мы его подождём, как думаешь?

Эркин неуверенно пожал плечами.

– Ну... час, я думаю, так?

– Хорошо, – Женя поцеловала его в щёку.

Эркин выложил в комнате Алисы её вещи, чтобы она с Женей разобрала и разложила всё по местам, и пошёл в дальнюю комнату.

Наверное, для шауни тоже нужна тетрадь. Правда, этот... кутойс им ничего не сказал, но он же и сам соображает, не первый день в школе, а шауни – такой же язык, как русский или английский. Эркин сел за стол и достал чистую тетрадку. Ручка... в ящике. Тщательно, проговаривая полушёпотом, он записал в тетрадь известные сегодня слова, как в словаре: слово и рядом перевод на русский. Записав, перечитал, недовольно морщась: почему-то получилось не так. Он не мог понять, что именно, но похоже одни слова он написал правильно, а другие – нет, а где ошибка – непонятно. Всё ещё хмурясь, Эркин сунул тетрадь в стол, в «свою, тумбу».

Уходить из этой комнаты ему не хотелось. Он постоял у стола, у окна и нерешительно, будто ожидая окрика, подошёл к шкафу, открыл створку с книжными полками. Вот учебники, а эти две книги Андрей взял в библиотеке, а здесь их книги, собственные, томик Шекспира, вот... он вытащил увесистый том «Энциклопедического словаря» и вернулся с ним к столу.

Здесь тоже было много непонятных слов, но зато и картинок много. Эркин листал наугад, рассматривал картинки, фотографии, читал подписи. Прибежала Алиса, постояла рядом и убежала. Заглянула Женя. Он почувствовал её взгляд и обернулся.

– Читай-читай, – улыбнулась Женя и ушла.

И Эркин перелистнул сразу несколько страниц, шёпотом прочитал: «Животный мир Южного материка», – и стал разбираться в подписях под большой, во весь лист, картинкой.

За этим занятием его и застал Андрей. Эркин даже вздрогнул, когда ладонь Андрея легла на его плечо.

– Интересно?

– Да, – Эркин быстро вскинул на него глаза. – Как сходил?

– Лучше некуда, – улыбнулся Андрей. – И деньги потратил, и людей посмотрел, и себя показал. Со всем управился. Жратвы мне оставили?

– Мы не садились ещё.

Эркин легко встал, закрыл книгу и погладил обложку.

– Здоровская книга.

– Н-ну! – польщённо выдохнул Андрей.

В комнату влетела Алиса.

– Эрик, Андрюха! Мама обедать зовёт.

– Идём, – улыбнулся Эркин.

Алиса ловко увернулась от попытавшегося схватить её Андрея и спряталась за Эркина.

– Ла-адно, – протянул Андрей. – После обеда поймаю.

– А после обеда спать положено, вот! – отпарировала Алиса.

Но до ванной она – на всякий случай – шла, держась за руку Эркина.

Наконец сели за стол, и Женя разложила по тарелкам салат, как всегда любуясь накрытым столом и едоками. Андрей сказал, что купил себе куртку с подстёжкой и сапоги с вкладышами.

– И правильно, – кивнула Женя. – Алиса, доедай. А то твоя ветровка, Андрюша, для лета.

– А сейчас что? – поинтересовался Андрей, придвигая к себе тарелку с супом. – О, картофельный? Обож-жаю картофельный суп.

– Сейчас ещё весна, – Женя оглядела стол: не нужно ли кому чего. – Мне говорили, что даже в июне могут быть заморозки.

– Заманчивая перспектива, – хмыкнул Андрей.

– А ещё что было? – спросил Эркин.

– Ну-у, – улыбка Андрея стала лукавой. – Ну... словом, я сегодня в гости иду.

– Мам, а что я надену? – сразу спросила Алиса.

– Э нет, – рассмеялся Андрей. – Тут я, племяшка, без тебя справлюсь.

Женя уточнила:

– Это ты Любу встретил? – и, не дожидаясь его ответа, рассмеялась. – Конечно, иди.

Рассмеялся, догадавшись, и Эркин.

– Ключи не забудь.

– Да не в жисть! – весело ответил Андрей.

Алиса обиженно надула губы, что её не берут в гости, но, выяснив, что мама и Эрик тоже остаются дома, успокоилась.

После обеда Алиса легла спать, тем более, что обед был позже обычного. Эркин, как всегда в выходной, занялся посудой. Женя, уложив Алису – дневной сон обходился без поцелуев – и плотно прикрыв ей дверь, тоже пришла на кухню и села к столу, любуясь Эркином, его ловкими уверенно-красивыми движениями. Эркин, почувствовав её взгляд, обернулся с мгновенно осветившей его лицо улыбкой.

– Хорошо, Женя, да?

– Да, – кивнула она. – А вы как позанимались?

– Отлично, – с интонацией Андрея ответил Эркин и начал перечислять известные слова, тут же переводя их на русский.

К его радостному удивлению Женя повторяла их за ним.

– Женя?! – ахнул Эркин, – Ты... ты хочешь знать? Это? Ну, шауни?

– Хочу, конечно, – улыбнулась Женя.

Эркин вытер руки, аккуратно повесил полотенце и сел рядом с Женей.

– Женя, ты... ты будешь ходить с нами?

Женя на секунду задумалась и покачала головой.

– Нет, – и улыбнулась его огорчению. – Лучше ты будешь учить меня.

– Я?! – изумился Эркин. – Но... но, Женя, я не умею.

– Ты справишься, – Женя погладила его по плечу, и он сразу перехватил её руку и поцеловал в ладонь.

– А... а ты что делала? – неуверенно спросил он.

– А я ходила в прачечную, – стала рассказывать Женя.

Идею сдавать постельное бельё в стирку, а не мучиться с ним дома Эркин одобрил горячо и безоговорочно. Он уже давно думал, что Жене тяжело столько стирать, пытался как-то помочь, а поведение Андрея, упрямо стиравшего свои носки и трусы, только укрепляло его в мысли, что что-то не так, но он не знал, как исправить. И вот всё решилось. Женя хорошо придумала.

– Здоровско, Женя! Слушай, а полотенца, скатерти, салфетки...

– Конечно, Эркин. Они всё берут.

– А... а мои рубашки, Женя? Что тебе с ними мучиться?

Женя ласково взъерошила ему волосы.

– Это совсем другое, Эркин.

– Хорошо, Женя, – сразу кивнул он.

Он обнял её, привлекая к себе, но посадить к себе на колени не рискнул: они не в спальне, сюда Андрей в любую минуту может зайти.

Женя тихо засмеялась, положила голову ему на плечо. Эркин прислушался и ловко, одним плавным движением встал на ноги, поднимая Женю на руки. Она, по-прежнему смеясь, обхватила его за шею и поджала ноги, сворачиваясь в маленький уютный комочек у него на груди. Прижимая к себе Женю, Эркин быстро и бесшумно вышел из кухни, пересёк прихожую и вошёл в спальню.

С привычно изумившей Женю ловкостью он, придерживая её одной рукой, закрыл дверь на задвижку. Женя поцеловала его в щёку и спрыгнула на пол.

– Сегодня я первая.

– Ага, – радостно согласился Эркин, подставляя себя её рукам.

Женя расстегнула на нём рубашку, распахнула.

– Так? Да?

– Ага.

Привстав на цыпочки, она поцеловала его в губы, положила руки ему на плечи, сдвинула с них рубашку. Шевельнув плечами, Эркин сбросил её, накрыл своими ладонями руки Жени и прижал их к своему телу, помогая расстегнуть пряжку. Её ладонями сдвинул вниз джинсы и трусы.

Раздев его, Женя отступила на шаг.

– Какой ты красивый, Эркин.

Эркин, улыбаясь, шагнул к ней, мягко обнял за плечи, сдвигая с них халатик, и так, оглаживая, раздел Женю.

– Ты такая красивая, Женя. Лучше всех.

Он каждый раз говорил так убеждённо, что она слышала это, как впервые. Они стояли, обнявшись, и Эркин мягко покачивал Женю, кружил под неслышную музыку. И Женя тихо смеялась, целуя его в шею и грудь. Эркин наклонился, и их губы встретились. И, как всегда, Эркин на мгновение задохнулся, как он боли. Но боль эта была сладкой.

Они целовались долго. Эркин знал, что у них не так уж много времени: проснётся Алиса и начнёт к ним ломиться, но оторваться от губ Жени, от её тела не мог.

Постель разбирать они не стали, и Эркин уложил Женю на ковёр. Они немного покатались и побарахтались, пока Женя не потянулась, блаженно раскинув руки. Эркин лежал рядом на боку, опираясь на локоть, и любовался ею.

– Как хорошо-о! – протянула Женя.

– Ага, – кивнул Эркин. – Ты не устала?

– Не-а, – совсем как Алиса, ответила Женя. – Эркин, а сколько времени?

Проверяя себя, Эркин потянулся и взял со своей тумбочки часы – он сам не помнил, когда он их снял и положил туда.

– Скоро Алиса проснётся.

Женя снова вздохнула и потянулась. И повторила:

– Как хорошо.

Эркин тоже вздохнул, прислушался и, скатившись с кровати, быстро оделся.

– Я сейчас, Женя. Ты лежи, отдохни.

Об этом он подумал ещё за обедом, поняв, в какие гости собрался Андрей, но, тогда как-то к слову не пришлось, да и Алиса тут же сидела, а при ней лучше о таком не надо, а вот сейчас, если он не ошибся, самый подходящий момент.

Эркин не ошибся. В ванной был Андрей, и задвижка открыта.

Стоя перед зеркалом в одних штанах, Андрей сосредоточенно брился и, когда Эркин вошёл, сказал, не оборачиваясь.

– Я сейчас.

– Не трепыхайся, – неожиданно для самого себя ответил Эркин по-ковбойски.

Андрей на секунду остановился, но тут же возобновил бритьё, воздержавшись от комментария.

Давая Андрею закончить, Эркин пощупал и перевесил полотенца, заглянул в ящик для грязного белья. И, услышав, как Андрей моет и собирает прибор, подошёл к нему.

– Ну-ка, покажись.

– Смотри, – улыбнулся Андрей.

Эркин достал с полочки под зеркалом свой флакон с лосьоном и протянул Андрею.

– Держи. Налей на ладонь и протри. Ну, где брил.

– Ага, – кивнул Андрей.

Флакон этот он заметил ещё в первые дни и удивился: зачем Эркину лосьон после бритья? Он же не бреется. Может, Жене зачем-то нужен? И потому не брал его.

– Хороший запах, – сказал он, завинчивая пробку.

– Подожди, – остановил его Эркин. – А теперь шею себе протри и грудь.

– Там-то зачем? – удивился Андрей.

– Кожа будет приятная, ну, на ощупь. И запах, сам сказал, хороший.

– Так... – Андрей проглотил, на всякий случай, конец фразы.

И так всё понятно. Хорошо Эркин придумал.

– Ну вот, – улыбнулся Эркин, оглядывая брата. – Хорош.

– Я всегда лучше всех, – подчёркнуто напыщенно ответил Андрей и подмигнул Эркину. –

Ни одна не устоит.

Эркин рассмеялся и хлопнул его по плечу.

– Иди одевайся, а то опоздаешь.

– Подождёт и радостнее встретит, – пропел Андрей и вышел из ванной.

И Эркин невольно рассмеялся ему вслед.

Ещё сонная Алиса перехватила Андрея в прихожей.

– Андрюха, играть будем?

– Завтра, – он шутливо дёрнул её за нос и ушёл в свою комнату.

– Алиса! – Женя сердито улыбнулась. – Ты долго в ночнушке бегать будешь?! Живо переодевайся.

– Ну, мам, ну так интереснее.

– Никакого интересно! – уже всерьёз рассердилась Женя.

И Алиса, надув губы, поплелась к себе.

Но за чаем не то, чтобы утешилась, а как-то забыла о своей обиде. Андрюха был таким серьёзным, не дразнил её, не подначивал. И чай пил, положив на колени полотенце. Ну, это то понятно, это, чтобы брюки не закапать, а вот ест он зачем?

– Андрюха, ты в гости идёшь?

– Мм, – кивнул Андрей, жуя бутерброд.

– А зачем ты тогда ешь?

– Чего? – едва не поперхнулся Андрей.

Женя и Эркин тоже удивлённо смотрели на Алису, и она стала объяснять:

– Ну, в гости голодным надо ходить. Чтоб больше влезло. В гостях всегда вкусное дают, а ты сытый и есть не можешь. Это же обидно.

Андрей хохотал взахлёб, до слёз. Заливалась смехом Женя. Смеялся Эркин. Алиса оглядела их и тоже засмеялась.

– Ну, племяшка, – Андрей отсмеялся, залпом допил свою чашку и встал. – Ну, спасибо, в следующий раз обязательно.

– Это когда? – сразу спросила Алиса, решив попроситься в компанию.

– Это когда я к тебе в гости на конфеты приду, – ответил Андрей, выходя из кухни.

– Фигушки! – завопила Алиса, срываясь с места.

Отсмеявшись, Эркин и Женя вышли в прихожую, где Андрей уже застёгивал свою новенькую зелёную и блестящую, как молодая листва, куртку.

– Правильно, Андрюша, – кивнула Женя. – Отличная куртка.

– У меня всё отличное, и я сам отличный. Верно, племяшка?

Алиса настороженно кивнула: мало ли что Андрюха с неё слупит за согласие, но ведь и спорить не с чем. Но вот ещё что надо уточнить, а то он, похоже, забыл.

– А какой ты подарок купишь? В гости с подарком ходят.

– А я сам по себе подарок!

Андрей шутливо ущипнул её за нос и, прощально взмахнув рукой, вышел.

– Так, – прервала возникшую тишину Алиса. – Андрюха ушёл, кто со мной играть будет?

– Ты сама, – тут же ответила Женя.

– Да?! – возмутилась Алиса. – И в будни сама, и в выходной сама?! Это нечестно!

Эркин улыбнулся.

– Идём.

Играть с Алисой ему было не то чтобы приятно, а... интересно. Ещё с тех самых первых дней, когда Алиса притаскивала к нему, больному, на кровать своих кукол и учила его играть в «гости», а потом в «ласточкин хвостик».

Сегодня они играли в мозаику. Делали большой красивый венок – самую сложную картинку. А потом к ним пришла Женя, и они играли все вместе. А когда закончили, за окном уже были сумерки.

Женя посмотрела, как Эркин укладывает в коробку оставшиеся без дела частички мозаики, и улыбнулась:

– А если мы сейчас пойдём прогуляться?

– Ура-а! – завопила Алиса, кидаясь в прихожую, чтобы быстренько одеться, пока мама не передумала.

Эркин быстро переобулся, и, когда Женя, надев туфли, выпрямилась, он уже держал перед ней плащ. Женя церемонно кивнула и позволила себя одеть. Эркин надел куртку, не джинсовую, а непромокаемую зелёную, как у Андрея, но чуть темнее. Женя поправила Алисе беретик и воротник пальто, и они вышли в коридор. Эркин запер дверь и спрятал ключи в карман.

На улице пахло влажной землёй и вечерней, хотя солнце ещё не село, свежестью, в овраге шумел ручей. В роще было уже совсем сумеречно, и потому гулять пошли вдоль оврага по

своей стороне. Алиса, приплясывая и подпрыгивая, бежала впереди, а взрослые шли за ней. Эркин вёл Женю под руку, и она время от времени нарочно спотыкалась, чтобы снова и снова ощутить, как мгновенно напрягается, становится твёрдой и надёжной его мягкая ласковая рука.

– А давайте в салки играть! – налетела на них Алиса. – Чур-чур, вожу не я!

И они играли в салки, и Эрик долго не мог её осалить, а потом поймал и подкидывал высоко-высоко, до самого неба, а потом они с мамой ловили Эрика, а он увёртливый...

За игрой они дошли до конца оврага, постояли на берегу речки, куда впадал ручей, и медленно пошли обратно, и уже не сумерки, а вечер, и роща за оврагом совсем тёмная. Алиса – на всякий случай – взяла Эркина за руку.

– Эрик, а здесь волки есть?

– Не знаю, – пожал он плечами. – Наверное нет. Волки в городе не живут.

– Да-а, а вон лес, – Алиса показала на тихо шумящую под ветром громаду за оврагом.

– Это не лес, а роща, – улыбнулась Женя. – И вон уже наш дом. Видишь, как окна светятся?

– Ага, – разочарованно кивнула Алиса.

Она только собралась немного побояться, чтобы Эрик взял её на руки, а мама всё испортила. Правда, Эрик её ещё немного на кулаке покатал, что тоже совсем не плохо.

Дома Женя даже не стала особо готовить, поужинали бутербродами, и Алиса отправилась спать.

Поцеловав её на ночь, Эркин немного постоял над ней, слушая её дыхание, всей кожей ощущая и впитывая тишину и покой. Он не завидовал Алисе, что у неё есть то, чем так жестоко – он всегда это и чувствовал, и понимал – обделили его. Глупо завидовать. Он родился в питомнике, родился красивым, и это определило всю его жизнь. До того дня, когда он встретил Женю. Теперь, после той книжки, что ему в Джексонвилле прочитала Женя, он знал, что и питомник, и красота его были так и задуманы, что его судьбу спальника определили ему ещё до рождения. И ничего изменить нельзя, что было – то было. Но жизнь Алисы определяет он. Да, вместе с Женей, но он.

Вернувшись на кухню, он прислушался к шуму в ванной. Значит, Женя в душе, ладно, ванну он ей в другой раз сделает. Эркин улыбнулся. Хотя Женя и старалась мыться без него, но пару раз он под каким-нибудь предлогом проникал в ванную и... словом, было шумно и весело. А пока... Да, он же газету вчерашнюю так и не прочитал.

Он вышел в прихожую, нашёл на подзеркальнике вешалки газету, погасил свет и вернулся на кухню. Сел к столу. Знакомые уже названия, имена, опять статья о больнице. Город растёт, нужна настоящая больница... Будущей весной выборы в городскую Управу, в выборах участвуют все прожившие в городе не менее года на день выборов... Это... это значит, что им с Женей придётся выбирать. А Андрею? Андрей приехал четвёртого мая – он точно помнит, а выборы когда? Он стал снова перечитывать статью.

За этим занятием его и застала Женя.

– Что-то интересное, Эркин?

– Да, – вздрогнул он. – Вот, Женя, посмотри.

Женя наклонилась, опираясь на его плечо, так, что их головы соприкоснулись и Эркин ощутил запах её волос и кожи. Он даже на секунду соображать перестал, задохнувшись в этом облаке.

– Да, Эркин, правильно, – удивлённо сказала Женя. – Будем выбирать. Как интересно.

– А Андрей? Я не нашёл, когда выборы. Здесь вот: просто весной.

– Ну, – засмеялась Женя, – целый год впереди, ещё узнаем.

– Да, – сразу согласился Эркин и встал, обнимая Женю. – Какая ты... пушистая.

Женя засмеялась и поцеловала его в щёку.

– Иди, мойся, я подожду.

– Ага, – радостно выдохнул Эркин.

Женя ещё раз поцеловала его и отпустила.

– Я буду в спальне.

– Понял!

Когда он выбежал из кухни, Женя сложила газету и убрала её к прочитанным. Солидная уже стопка накопилась, нужно подумать, куда их девать. Она ещё раз оглядела кухню, выключила свет и пошла в спальню.

Эркин быстро вымылся, тянуться не стал: Женя ждёт – вытерся и взял флакон с лосьоном. Ого! Опять на донышке, ладно, в понедельник ему во вторую, с утра сходит и купит. Он протёр лицо, шею, грудь и плечи. А что если заодно и кремы посмотреть? Ладно, всё потом. Он завинтил пробку и поставил флакон на место, обтёр слегка влажные ладони о живот и бёдра. Придирчиво оглядел себя в зеркале и надел халат.

В квартире тихо и темно, только под дверью спальни узкая светящаяся полоска. Эркин замедлил шаг и осторожно открыл дверь, шагнул вперёд.

– Ага-а! – Женя сзади обхватила его за шею. – Попался?!

– Попался! – воодушевлённо согласился Эркин, ловко падая на кровать и увлекая в падении за собой Женю.

– А-ах! Так кто попался? Эркин?

– Взаимно.

Эркин, обхватив Женю под халатом, перекатился по кровати.

– Ах так?

– Ага, так!

– Вот я тебя сейчас, – смеялась Женя, тиская и тузя хохочущего Эркина.

В этой возне они сняли и сбросили на пол халаты, скомкали ковёр, но не заметили этого.

– Ох, Женя...

Эркин лежал навзничь, раскинув руки, а Женя сидела рядом, поджав под себя ноги, и гладила его по груди, обводя пальцем плиты грудных мышц.

– Что, Эркин?

– Я вот что подумал, – он озорно прищурил глаза и перешёл на английский. – Ты давно не каталась на лошадке.

– И ты хочешь пригласить меня на верховую прогулку, – подхватила тоже по-английски Женя. – Премного признательна, сэр, не смею отказываться.

– Своим согласием вы оказываете мне честь, миледи, – Эркин протянул ей руку.

Женя церемонно опёрлась на неё, и Эркин помог ей встать над ним, тут же напряг мышцы и выгнулся, упираясь в кровать плечами и ступнями.

– Прошу, мэм.

Мягким рывком он посадил Женю на себя, войдя точным уверенным ударом. Женя радостно ахнула. Эркин, придерживая руками бёдра Жени, опустился на кровать, согнул ноги в коленях, увеличивая упор.

– Женя, ты на мои ноги обопрись, ага, так, тебе удобно? И поехали, – и опять по-английски: – Шагом-шагом, рысью-рысью, и в галоп... шагом-шагом, рысью-рысью, и в галоп... и в галоп...

Смеясь, Женя перехватила его руки.

– И в галоп... ой, Эркин...

Она легко, с радостно изумившей Эркина ловкостью, и сама подпрыгивала на нём, ловила его удары встречными толчками. И чёрно-красная волна всё ближе подступала к нему, покачивала и подбрасывала, выгибая тело дугой. Эркин уже не боялся волны, не боялся, что поте-

рывает в ней Женю, её руки, её дыхание рядом, она смеётся, ей нравится... Волна подбросила его, выгибая на полную арку, и захлестнула...

– Женя!

– Эркин, я здесь, Эркин...

– Я здесь, Женя!

Женя почти упала на него, билась, выгибаясь в его руках. Эркин обхватил её, прижал к себе, теперь они вместе, волна несёт их обоих, вдвоём...

Когда Эркин отдышался, Женя спала рядом с ним, по-прежнему обнимая его. Эркин глубоко вздохнул, переводя дыхание, и осторожно высвободился из объятий Жени. Она вздохнула, потянулась, не открывая глаз, и снова свернулась клубочком. Эркин мягко, осторожно поглаживая Женю, вытащил из-под неё ковёр, одеяло, уложил и укрыл. Быстро сложил и бросил на пуф ковёр, подобрал с пола и положил на обычное место их халаты, погасил лампу и уже в темноте обошёл кровать и лёг под одеяло со своей стороны, вытянулся рядом с Женей.

– Эркин, ты? – ладонь Жени легла на его грудь.

– Ага, я, – ответил он протяжным выдохом.

– Спи, милый, – поцеловала его в щёку Женя.

– Ага, – согласился Эркин, прижимая её ладонь к себе.

– Замечательная была поездка, – вдруг шепнула ему на ухо Женя.

– Да? – сразу проснулся Эркин. – Тебе понравилось?

– Конечно, – засмеялась Женя. – А сколько миль мы проскакали?

– Ну-у? – к такому вопросу Эркин был не готов, но нашёлся. – Главное, что мы куда надо приехали.

Женя рассмеялась и поцеловала его в висок. Эркин повернулся набок, лицом к Жене, осторожно погладил её по голове, зарывшись пальцами в её волосы. В спальне темно, но он убеждённо сказал:

– Какая ты красивая, Женя.

– Ты же меня не видишь, – притворно удивилась Женя.

– Я... тебя... чувствую, – с расстановкой между поцелуями ответил Эркин.

– А я тебя.

Женя, вытянувшись всем телом, прижалась к нему, обняла.

– Эркин, ведь это ты, Эркин?

– Да, я, – сразу, даже не удивившись её вопросу, ответил Эркин. – Я здесь, Женя, весь.

– И я вся. Мы вместе, Эркин. Навсегда. Да?

– Да, Женя, я... я всегда буду с тобой, – Эркин сглотнул. – Будешь гнать меня, я всё равно не уйду. Я с тобой, – и повторил: – Мы вместе. Навсегда.

Они так и заснули. Обнявшись.

Солнце ещё не взошло, но небо уже посветлело. Загорье спало, даже петухи в Старом городе, прокричав своё, уgomонились, а уж за путями... будто вымерли все, и только его шаги отдаются эхом на пустынных улицах.

Андрей зевнул и пошёл быстрее. Сейчас завалится и будет спать... до обеда. Нет, всё было хорошо, как и должно было быть. Всё честно, без обмана. Жениться он не хочет и не будет, а дальше... как она решит. Согласна – хорошо, не согласна? Так чаю попили и разбежались. Она согласилась. Он не первый у неё – сразу видно-понятно – и не последний. Грех – это когда обманом или насильно, а по доброму согласию и в общее удовольствие – греха нет. Так что всё у него тип-топ. А вон и «Корабль».

Величественное здание было тихим и голубоватым в предутреннем свете. За оврагом чуть слышно зашелестела и тут же стихла листва. Тишина была живой тишиной глубокого спокойного сна. Андрей мягко, без хлопка прикрыл за собой дверь и взбежал по ступень-

кам. Тихий, безмятежно спящий коридор. И чтобы не нарушить этой тишины, Андрей, достав ключи, зажал связку в кулаке, выставив только ключ от верхнего замка, и бесшумно открыл дверь.

Та же сонная тишина. Андрей по-прежнему бесшумно закрыл за собой дверь. Света зажигать он не стал. Быстро снял и повесил куртку, разулся и в одних носках пошёл к себе. Хорошо, что в гостиной шторы не задёрнуты, а то бы наткнулся ещё, зашумел.

Но и у себя он не стал включать свет. Быстро разделся, швыряя как попало одежду, постелил и уже было лёг, как вспомнил об Алисе. Выругавшись вполголоса, Андрей заставил себя встать, дотащить до двери и повернуть задвижку. А к дивану он возвращался уже спящим. Лёг и, уже окончательно засыпая, успел подумать: «А письма-то нет», – но не додумал, заснув окончательно.

Россия

Цареградская область

Ивино

Как уже бывало не раз, он опять зачитался до полуночи, и теперь никак не мог проснуться, хотя безошибочное, как у любого спальника, чувство времени уже будило его. И тоже уже привычная первая мысль, которой он отгонял всё ещё повторявшиеся сны о прошлом: «Кто я? Я – Андрей Кузьмин». Андрей безнадёжно вздохнул и открыл глаза. Ну, что за паскудство: ляжешь рано – так всякая гадость снится, зачитаешься до песка под веками – спишь хорошо, но утром не встанешь. Ладно, вставать так вставать. Вон уже солнце какое.

Он ещё раз вздохнул и встал. Сцепив на затылке пальцы, выгнулся, встав на арку, и выпрямился. Низкий скошенный потолок и теснота заставляли тянуться без размаха, всячески выкручиваясь вокруг самого себя. Но это было единственным и вполне терпимым неудобством. Во всём остальном новое жильё его устраивало.

Маленькая, оклеенная светлыми обоями комната, у стены кровать, узкая, но по его плечам, напротив комод и шкаф на одну створку, этажерка для книг, у окна письменный стол, а напротив окна в другом торце за двойной занавеской душ. Так что даже чтоб вымыться не надо вниз бегать. Нет, он своей комнатой очень доволен. И хозяйкой. И сам бы он ни за что так здоровско не устроился...

...Доктор Ваня остановил его в коридоре.

– С жильём устроился, Андрей?

– Нет, – растерянно ответил он. – Я ещё не думал об этом.

И совершенно неожиданный ответ.

– Отлично.

– Почему? – не удержался он.

Но доктор Ваня будто не услышал вопроса.

– Вещи твои где?

– Я их в раздевалке оставил.

И опять:

– Отлично. После смены с вещами подожди меня.

Доктор Ваня убежал по коридору, а он остался стоять дурак дураком. Нет, он понимал, что ничего плохого ему доктор Ваня не сделает, но было почему-то не по себе. Смена суматош-

ная, тыркаешься много впустую, да ещё они прямо с поезда. Он доработал до конца и устало побрёл в их раздевалку. Там было тесно и шумно. Переодевались, менялись шкафчиками, разбирали сваленные в общей груде чемоданы, сумки и мешки.

– Я в общежитие, – дёрнул его за рукав Алик.

Он молча мотнул в ответ головой.

– Ну, как знаешь, – Алик обиженно надул губы.

Им ещё до выезда сказали, что общежитие будет маленькое, на десять человек, не больше, а остальным придётся устраиваться самостоятельно. И, пока ехали в поезде, они решили, что в общежитие пойдут те, кто хуже знает язык и вообще... второпях уезжал.

– Андрей, – окликнул его Майкл. – С нами?

– А вы куда?

– В квартирное бюро.

– Нет, – он уже убрал свой шкафчик, запер его и теперь разыскивал свой чемодан. – Меня доктор Ваня ждёт.

– Тогда ладно, – милостиво кивнул Эд.

Они что, и здесь... «присматривать» вздумали?! Вот чёртов беляк, напоследок, но нагадил. Он взял чемодан и мешок и вышел. Где же доктор Ваня? А, вон же! Доктор Ваня курил, сидя на перилах служебного крыльца и, увидев его, кивнул.

– Пошли.

– Куда? – рискнул он спросить, когда они уже вышли за ворота. – Куда мы идём, Иван Дормидонтович?

– Не идём, а едем, – улыбнулся доктор Ваня.

И он не стал ни о чём больше спрашивать. Хотя у доктора Вани с собой только большой потрёпанный портфель, но шевельнулась у него сумасшедшая мысль, и он, боясь спугнуть, а Тётя Паша говорит: «сглазить», отбросил её и просто шёл рядом. Доктор Ваня рассказывал о Царьграде, где учился в Университете. На остановке они сели в маленький тряский автобус, и доктор Ваня сказал кондуктору:

– Два до Ивино.

И кондуктор – немолодая женщина с усталым лицом – дала им два бумажных билета-талончика.

– Ивино, – переспросил он. – Это... город?

– Как тебе сказать, Андрей. Вроде Алабино, но, – доктор Ваня улыбнулся, – немного поменьше. Пятнадцать минут отсюда на автобусе и полчаса на электричке до Царьграда.

Доехали и вправду очень быстро. Маленький – он уже понимал это – городок. От площади, на которой остановился автобус, разбегались лучами улицы. Церковь, аптека, магазин, школа – успел он заметить, идя рядом с доктором Ваней. Деревянные резные заборы, белые и сиреневые кисти...

– Иван Дормидонтович, это... – он вдруг забыл, как будет по-русски сирень. – Это lilac?

– Да, – кивнул доктор Ваня. – Это сирень. Вот и пришли.

Доктор Ваня толкнул низкую зелёную калитку и вошёл в маленький, но ухоженный садик. Он шёл следом – не из страха, а потому что дорожка узкая, и, если он своим чемоданом заденет цветы... это же нехорошо будет.

– Эгей! – весело позвал доктор Ваня, поднимаясь на крыльцо веранды. – Есть тут кто? Или уже встретить некому?

– Это кто ж тут такой шумный? – вышла навстречу им из дома маленькая совершенно седая старушка и, ахнув, всплеснула руками. – Господи, Ваня, живой!

– Ещё какой живой! – рассмеялся доктор Ваня, сгибаясь пополам, чтобы она смогла обнять и поцеловать его. – Здравствуйте, Серафима Панкратьевна.

– Господи, Ваня! – она даже слегка отпрянула от него. – Это когда ты меня переименовал? А ну, перестань душить.

– Перестал, тётя Сима, – засмеялся доктор Ваня.

– То-то. Давай я тебя ещё поцелую. Устя, Устюшка, посмотри, кто приехал!

Веранда была маленькой, и он стоял внизу у крыльца и смотрел. Так доктор Ваня привёз его к своей родне?! Но... нет, конечно, хорошо и даже здорово, но жаль, что доктор его не предупредил, и он ничего не купил по дороге, в гости же с гостинцами положено, он знает. А тем временем на веранду вышла другая старуха, такая же худая, но высокая и вся в чёрном, и тоже стала целовать доктора Ваню, приговаривая:

– Ну и слава Богу, ну и молодец.

Расцеловавшись с ней, доктор Ваня обернулся и кивнул ему:

– Поднимайся, Андрей, – и когда он поднялся по ступенькам, – Вот, Андрей Кузьмин, мой крестник, прошу любить и жаловать.

Он смущённо поклонился.

– Здравствуйте.

– Здравствуй-здравствуй, – улыбнулась ему Серафима Панкратьевна.

А та, что в чёрном – потом он узнал, что полным именем её зовут Устиньей Капитоновной – кивнула и строго сказала:

– Вещи здесь оставь. Голодные же оба небось.

– Прямо со смены, – засмеялся доктор Ваня.

– Ну, так за стол, – распорядилась Серафима Панкратьевна. – Сейчас обедать будем. Как, Устюшка, накормим молодцов?

– Конечно, накормим.

Он сообразил, что их же не ждали, а, значит, на них и не готовили, но сказать ничего не смог. А потом они сидели в маленькой столовой и обедали. Он помалкивал и слушал. Оказывается, Серафима Панкратьевна не родственница доктору Ване, вернее, очень дальняя родственница, он даже не понял, но запомнил, что по сводной сестре второго мужа доктор Ваня ей троюродный племянник. И доктор Ваня жил у неё, квартировал, когда учился в университете и в аспирантуре.

– Ну, так как ты устроился, Ванечка?

– Отлично, тётя Сима. В Центральном военном и часы в военно-медицинской дают.

– Не демобилизовался?

– Нет, тётя Сима, – покачал головой доктор Ваня и стал серьёзным. – Работа у меня нужная, шрамы на душах разглаживать.

Серафима Панкратьевна кивнула, а Устинья Капитоновна, как раз убравшая со стола перед чаем, вздохнула:

– Да уж, война души корёжит, а которые и вовсе ломает.

Шрамы на душах? Он задумался над этим: что же это такое, как-то отвлёкся и не сразу заметил, что говорят уже о нём.

– Тётя Сима, ему надо учиться и всерьёз, а в общежитии легко задурить.

– Да уж, – кивнула Устинья Капитоновна, стоя у стола.

– Вот я и подумал, что лучшего места не найти. Как, тётя Сима?

– Конечно, Ваня, – Серафима Панкратьевна налила ему ещё чаю. – Мансарда свободна, – и улыбнулась. – Я была уверена, Ваня, что ты вернёшься, и крестнику твоему всегда и стол, и кров будет, – и ему: – Бери варенье. Это крыжовенное. Ел?

– Нет, – он улыбнулся. – Спасибо. Очень вкусно.

– Ну так ещё клади, и печенья бери, не стесняйся.

Он пил чай с ярко-зелёным вареньем и маленькими золотистыми кругляшами и слушал. А потом... потом он понёс свои вещи наверх, в мансарду. Комната ему сразу понравилась, он

только подумал – тоже сразу – как это доктор Ваня в ней помещался? Или тогда похудее был? Вещи разбирать он не стал, просто поставил на пол чемодан, положил рядом мешок и стоял, оглядываясь по сторонам. Так... так он теперь кто? Квартирант, жилец? Доктор Ваня назвал его своим крестником, да, но... но ведь это тоже родство, значит – он только сейчас подумал об этом – значит, он и доктор Ваня что, родственники? Значит... он не додумал, потому что его позвали вниз.

– Проводи меня до автобуса, Андрей.

– Конечно, Иван Дормидонтович.

И когда они вышли на улицу, он сразу спросил:

– Иван Дормидонтович, кто я им?

Доктор Ваня улыбнулся.

– Умеешь ты вопросы задавать, Андрей. Понимаешь, одному тебе будет слишком трудно, а в общежитии тебе не дадут нормально учиться.

– Нет, Иван Дормидонтович, я не о том. Я... квартирант, да? Я не хочу жить задаром. Сколько я должен платить?

– Сто в месяц осилишь?

Он на секунду задумался, прикидывая, и кивнул.

– Да. Но...

Доктор Ваня улыбнулся.

– Со временем ты всё поймёшь, Андрей.

И тут у него вырвалось:

– Я думал, мы вместе будем жить... – и осёкся, слишком поздно сообразив, как это можно понять.

Но доктор Ваня не обиделся.

– Нет, Андрей. Тебе пора начинать самостоятельную жизнь. Я буду жить в Царьграде, – и улыбнулся. – Ничего, найдём время для философии.

Они ещё постояли на остановке, ожидая автобус. Доктор Ваня помог ему разобраться в расписании, подошёл автобус, доктор Ваня сел и уехал, помахав ему на прощание в окно рукой, а он побрёл обратно. Было уже сумеречно, не вечер, а перед вечером, из-за заборов голоса и смех... Вот так, теперь он будет здесь жить. Ему надо привыкнуть, убедить себя, что это хорошо, что он не хочет другого...

...Андрей выключил воду, аккуратно сдвинул внутренний занавес из прозрачной плёнки и перешагнул из душа на пушистый коврик, снял с крючка такое же мохнатое полотенце и стал вытираться. Сквозь цветастую наружную занавеску просвечивало, и он выключил лампу в душе. Круглый стеклянный шар на стене сразу стал из молочного серым. В цветном полумраке он вытерся, натянул трусы и, широко отдёрнув занавеску, стал убирать комнату. Застелил постель, аккуратно расправив зелёное, как молодая листва, покрывало. Вот так, а спущенный край закрывает задвинутый под кровать чемодан. Так-то у него всегда порядок, книги на этажерке, одежда в шкафу, бельё в комод... всего, правда, по чуть-чуть, но и он же только начал своё обзаведение. Оделся он «по-воскресному». И вовремя.

– Андрюша, – позвал его снизу голос Устины Капитоновны.

– Иду, – откликнулся он, скатываясь по узкой поскрипывающей лестнице. – Доброе утро.

– Доброе утро, – улыбнулась Устинья Капитоновна. – Долго спишь, самовар уж когда готов был.

Говорила она строго, но улыбаясь. И Андрей улыбнулся в ответ.

И Серафима Панкратьевна улыбнулась ему и тоже сказала, что он долго спит.

– Опять, небось, до полуночи читал.

Она не спрашивала, но Андрей с улыбкой кивнул и сел за стол.

– Да, очень интересная книга.

– Ну, и слава богу.

Андрей сообразил, что опять забыл, садясь за стол, перекреститься и у себя с утра не помолился, а ведь ему Устинья Капитоновна говорила... Серафима Панкратьевна заметила и поняла его смущение.

– Ничего, Андрюша.

– Ничего, – эхом подхватила Устинья Капитоновна, ставя на стол блюдо с пирожками. – Главное – жить по-божески, Бог всё видит, а к обедне с нами сходишь, там и замолишь грех.

Андрей молча кивнул: рот был занят горячим и необыкновенно вкусным пирожком.

– Крёстный твой тоже редко в церковь заглядывал, а человек божеский.

Божеский человек... Андрей смутно представлял смысл похвалы, но это похвала, и он снова кивнул, соглашаясь и с похвалой доктору Ване, и с предложением пойти к обедне. В церкви ему было интересно, и хор красивый, и... и не каждое же воскресенье, у него и другие дела есть, дежурства там, поездки в Царьград, ещё что-нибудь... но сегодня, конечно, пойдёт.

– Как всё вкусно, большое спасибо.

– На здоровье, Андрюша. Ещё творожку возьми.

– Спасибо, – Андрей с улыбкой покачал головой. – Я уже сыт, правда.

Его всегда, угощая, не заставляли, и сейчас Серафима Панкратьевна только и сказала:

– Ну, как сам знаешь, Андрюша. Отдохни пока. А как заблаговестят, и пойдём.

– За...? – переспросил он, запнувшись на первом же слог.

– А как зазвонят, – объяснила Устинья Капитоновна, убирая со стола. – Благовест называется, понял?

– Д-да, – не слишком уверенно ответил Андрей.

Столько новых слов... Иногда он терялся в них. Устинья Капитоновна сейчас займётся обедом, а Серафима Кондратьевна... пойдёт в сад?

– Я... я могу помочь?

– Спасибо, Андрюша, отдыхай.

– В воскресенье грех работать, – веско подтвердила Устинья Капитоновна, накрывая стол вышитой скатертью и ставя в центр вазочку с цветами.

– А... а как же, а если дежурство?

– Ну, так это ж людям помощь, Андрюша, здесь греха нет.

Андрей кивнул, соглашаясь. Оглядев убранную столовую, Устинья Капитоновна ушла на кухню. Андрей, ещё раз поблагодарив за завтрак, поднялся к себе, в свою комнату. Да, это действительно его комната. Странно, ведь он – жилец, квартирант, а комната – его. Там, в Спрингфилде, он ни на минуту не забывал, что жильё временное, не его, а здесь... надо будет спросить парней, скажем, Эда или Майкла, как это у них. У Криса-то всё ясно: где Люся, так ему и дом, и Родина.

В углу – Андрей уже знал, что его называют «красным», но всё ещё не понимал почему – висела икона, обрамлённая вышитым полотенцем. Андрей встал перед ней и, старательно крестясь, прочитал заученную ещё с голоса Тёти Паши молитву: «Богородице-дево, радуйся...». Слова он понимал плохо, да и не старался понимать, а делал всё это: ходил в церковь и молился, чтобы доставить удовольствие Серафиме Панкратьевне и Устинье Капитоновне. Ему нетрудно, а им приятно. Чем же заняться? Почитать? Но солнце такое, и тепло... Его неудержимо потянуло в сад. А... а, ну, если работать нельзя, он в беседке с книгой посидит.

Андрей перебрал книги на этажерке. Рейтера... нет, это он читает серьёзно, с выписками, проверяя себя по словарям, покупному и своему самодельному, а в сад... ага, вот это. Он вытащил томик «Занимательно о серьёзном» и пошёл вниз.

Серафима Панкратьевна сидела на веранде в плетёном кресле и перематывала шерстяную пряжу. Андрей остановился, посмотрел и нерешительно предложил:

– Я помогу...

– Спасибо, Андрюша, – Серафима Панкратьевна с улыбкой показала глазами на книгу в его руке. – В библиотеку собрался?

– Нет, я думал в беседке читать, – и уже смелее: – Давайте... давайте я буду... нитки держать.

– Это пасма называется, – кивнула Серафима Панкратьевна. – Ты аккуратненько, чтоб не спутать, сними, ну вот, и на руки себе надень, нет, только на пальцы, чтоб легче сходили.

Под её указания Андрей устроился на стуле напротив Серафимы Панкратьевны, держа на растопыренных пальцах пушистые серо-голубые нити.

– Это пасма, – повторила Серафима Панкратьевна и стала объяснять: – Вот я её в клубок смотаю, вязать буду. Видел, как вяжут?

– Да, – кивнул Андрей. – Тётя Паша, моя... крёстная, она вязала носки, я видел.

– Ну вот, – улыбнулась Серафима Панкратьевна.

Клубок быстро вращался в её руках, увеличиваясь на глазах. Андрей заворуженно следил за ним и, когда нить кончилась, невольно разочарованно вздохнул. Серафима Панкратьевна засмеялась, видя его огорчение.

– Тебе понравилось?

– Да, – кивнул Андрей.

Он не кривил душой, ему в самом деле нравилось вот так сидеть и смотреть, как Серафима Панкратьевна и Устинья Капитоновна что-то делают, хлопочут по хозяйству. Нравилось помогать им. Ещё в первые дни, да, это был третий или четвёртый день, он вернулся из госпиталя и увидел, что Устинья Капитоновна собирается мыть ванну.

– Здравствуйте, я сейчас! – крикнул он, взбегая по лестнице.

Быстро, швыряя одежду на кровать, переоделся в старые армейские брюки и скатился вниз. Решительно, сам удивляясь своему нахальству, отобрал у Устиньи Капитоновны щётку и тряпки, чуть ли не вытолкнул её из ванной и взялся за дело. Нет, он всё-таки не совсем голову потерял и штаны снять не рискнул. И так... они обе даже слегка испугались. А когда он отмыл ванную и уборную, долго ахали и восхищались. И он никак не ожидал, что их похвала настолько его обрадует. Тогда же он и решил: что-что, а мытьё полов и кафеля он знает... по-настоящему. И натирку полов тоже. Вышколили его в питомнике так, что на всю жизнь хватит. Так что это его делом и будет.

– Я пойду в сад, хорошо?

– Конечно, Андрюша.

В саду солнечно и не очень жарко, шумят птицы, пахнет землёй и листвой, а в беседке сиренью. Он уже знает сирень, жасмин, шиповник... Ему рассказали, что сады здесь не для пропитания или дохода, а для красоты. Цветов побольше, овощи – только то, что для себя и на каждый день, ягоды, яблоки, груши с вишнями – тоже по одному, много по два дерева или куста. А беседка похожа на ту, что была в госпитале в Спрингфилде, только поменьше. Андрей сел за стол и раскрыл книгу. Ну-ка, что такое климат? Почитаем.

Из кухонного окна Устинья Капитоновна видела его чёрную, склонённую над книгой голову. Серьёзный какой парен, не в пример своему крёстному. Ваня, конечно, тоже и читал, прямо глотал книги, но и погулять был мастер, а Андрюша, как девица, домосед, скромный, не пьёт, не курит... в самом деле, будто и не парень, а... дитя он ещё. Она вздохнула, возвращаясь к работе. Ваня говорил, что парень – сирота, рабом был, ни дома, ни семьи не знает. А вот душа видно, что не застужена, тёплая душа. Это уж Ваня, конечно, постарался, отогрел. А когда Андрюша про крёстную свою, тётю Пашу, говорит, то аж слёзы на глазах блестят. Мягкий он, ласковый, каково-то ему в жизни потом будет? Нарвётся на какую-нибудь шалаву, прости, Господи, прегрешение невольное...

Американская Федерация

Алабама

Колумбия

Выборы школьного совета провели, не дожидаясь августа – столько дел накопилось, и, к удивлению Ларри, от их класса выбрали его. Хотя... хотя, чему тут удивляться? Он богат, самому себе можно не врать, богаче всех в классе, диплома, правда, и даже аттестата нет, только справка о функциональной грамотности, но, что образованнее многих, тоже ясно. Одно «но» – что он негр, чёрный, бывший раб, но... и опять же – на то и школа такая, новая и общедоступная. На прошлом заседании они только познакомились, да и были не от всех классов, и может потому толком ничего не решили.

Ларри позвонил домой Марку, чтобы тот пообедал без него, он задержится по делам.

– Пап, я лучше тебя подожду.

– Хорошо, – не стал спорить Ларри. – Но не сиди голодным, чего-нибудь поешь.

– Я... возьму орехов, хорошо?

Ларри улыбнулся и, хотя Марк не мог его видеть, кивнул.

– Хорошо. И обязательно выпей молока.

Прощавшись с Марком, Ларри быстро всё убрал и вышел из салона. Маркет-стрит уже затихала. Обычно он уходил на час позже и шёл сразу в Цветной, но сегодня маршрут другой и время не то, и обменяться привычным кивком было не с кем.

Ларри шёл быстро, но без спешки, изредка быстро поглядывая на магазинные витрины. Дом он обустраивал по памяти и каталогам, но фотография – это одно, а в витрине те же шторы совсем по-другому смотрятся.

Заседания школьного совета проходили в конференц-зале, во всяком случае, именно там они собирались в первый раз, и, войдя в школу, Ларри сразу пошёл туда.

– Добрый день, Левине, – приветствовал его румяный седой Шольц от седьмого «а». – Завидная точность.

– Здравствуйте, Шольц, – ответно улыбнулся Ларри.

Прошрое заседание вёл директор и так повернул, что они сразу стали называть друг друга по фамилии, но без мистеров и сэров. И не официально, и без фамильярности.

Собрались быстро. На этот раз были все. Директор занял своё место, представил отсутствовавших в прошлый раз, и приступили к работе. Обсуждали устав, стипендии, поступление пожертвований, маршруты школьных автобусов, которые будут собирать учеников по утрам, а после уроков развозить по домам... Всё шло ровно и деловито.

Ларри чувствовал себя уже совсем уверенно, если бы не сидевшая напротив и чуть наискосок от него женщина. Он всё время ощущал на себе её взгляд. Не враждебный, но очень упорный, изучающий. Будто она пыталась узнать его, вспомнить. Но... но он раньше не видел её, он уверен. Она... Она... внешне белая, но что-то... нет, если и есть какая-то примесь, то очень и очень малая, незначущая, и дело не во внешности, а... нет, что-то... Её взгляд тревожил, но не раздражал, как обычные «белые» взгляды. Под конец заседания Ларри окончательно убедился в своём предположении, что она хочет поговорить с ним и не просто хочет, а ей этот разговор важен и нужен. Ну, что ж, после заседания – пожалуйста. И, когда их глаза в очередной раз встретились, Ларри мягко улыбнулся и кивнул. Она поняла и тоже кивнула.

Наконец всё обсудили, стали вставать и прощаться. Ларри задержался, обсуждая с директором и выбранной казначеем Эллен Эриксон из десятого «а» поступившие целевые пожертвования на стипендии. Решили, что конкретные вопросы станут решать, как только наберётся достаточная для решения сумма.

Она ждала его в коридоре и, как только он вышел из конференц-зала, сама подошла к нему.

– Вы... извините, вы – Левине? Да?

– Да, – кивнул Ларри, – Лоуренс Левине, – и улыбнулся, – к вашим услугам.

– Я – Эстер Чалмерс, – она запнулась.

– Да, – пришёл ей на помощь Ларри. – Первый «А», я не ошибся?

– Нет, – благодарно улыбнулась она. – Но... простите, я понимаю, это глупо, но я хочу вас спросить.

Ларри молча ждал.

– Вы... простите, – и с внезапно прорвавшейся решимостью, – Какое вы имеете отношение к тем Левине? Я знаю, вы – ювелир, ювелир Левине – это... это же не случайно?

– Да, – очень спокойно кивнул Ларри. – Вы правы. Я пятнадцать лет... прожил в доме сэра Маркуса Левине, был его учеником и подмастерьем. А...

– А я, – перебила она его, – я – сестра Дэвида, мужа...

– Мисси Рут?! – вырвалось у Ларри.

– Да, – она горько улыбнулась. – Вы... вы знали её?

– Я видел её только один раз, – извиняющимся тоном сказал Ларри. – Но... но мне рассказывали о ней. И о сэре Дэвиде.

Разговаривая, они незаметно для себя вышли во двор.

– Я была совсем девочкой, родители погибли, – она говорила с привычной скорбью. – И когда Дэвид женился, Рут заменила мне мать. А потом... – она прерывисто вздохнула. – Потом, когда кольцо стало сжиматься... Словом, Дэвид сумел выправить мне документы, и я стала условной, почти цветной, но свободной и в услужении. Это стоило больших денег. Очень больших. Меня он спас. А сам... Вы знаете?

– Да, – кивнул Ларри. – Я знаю. И о сэре Соломоне тоже.

– Там... никто не уцелел?

– Нет, – коротко ответил Ларри и с удивившей его самой решимостью предложил: – Я провожу вас?

– Спасибо, – просто ответила она. – Я живу в Цветном.

Ларри постарался скрыть вздох облегчения.

Они шли рядом, но взять её под руку он всё-таки не рискнул. Она рассказывала ему о брате – дизайнере, талантливом художнике, о Рут, какая у них была дружная хорошая семья, как Дэвид и Рут решили спасти её.

– Это Рут настояла, чтобы я жила отдельно и приходила на день, будто на работу. И не входила в дом, если не видно условного знака. А потом... был погром. И я... меня не нашли. Но я осталась в чём была. На квартире знали, что я, – она улыбнулась с горькой насмешкой, – работаю на жидов, и я побоялась вернуться. Да и все мои вещи были у Дэвида, а их дом разграбили. Я не знаю, что бы со мной случилось, если бы не Эд, Эдвард Чалмерс.

– Ваш муж? – рискнул спросить Ларри.

– Да. Он был тоже... условный, и мы жили в Цветном. Эд считал, что там легче... выжить. Среди своих, – и, искоса посмотрев на Ларри, сказала: – Он погиб. Его вместе с другими цветными мобилизовали на работы, и в бомбёжку... в Атланте.

Они подходили к Цветному кварталу. Ларри вдруг понял, что сейчас они простятся и... и ему будет не хватать её. Хотя они просто шли рядом, она рассказывала о себе, но...

– Я живу на Новой улице, третий дом слева от перекрёстка.

– У вас большая семья? – заинтересованно спросила она.

Интерес этот был обычным женским, но у Ларри вдруг перехватило дыхание.

– Нас двое. Я и сын. Он в третьем «Б».

– А... его мать?

Ларри улыбнулся.

– Прошлым летом я нашёл сына. Я работал в имении, а сюда мы приехали этой весной.

– А...? Ну да, – кивнула она. – Я поняла, простите.

– Что вы? – удивился Ларри. – Вам не за что просить прощения. Я был рабом. После... смерти сэра Маркуса меня продали с торгов, и три года, до самого Освобождения...

На этой стороне Цветного грудились многоквартирные дома-коробки, поделённые на множество клетушек, ни клочка зелени, пыльная мостовая с выщербленным, в ямах и трещинах асфальтом. Но это по меркам Цветного не самый плохой и даже совсем не плохой квартал. У большинства живущих здесь есть работа, пьют по выходным, скандалят по-семейному. Встречные вежливо и даже уважительно здоровались со спутницей Ларри, а его оглядывали с живым, но не враждебным интересом.

У одного из домов – длинного двухэтажного с облупившейся местами штукатуркой, но достаточно крепкого – она остановилась. И сразу на втором этаже с треском распахнулось окно, а звонкий детский голос на всю улицу провозгласил:

– Мама!

Эстер подняла голову и строго погрозила пальцем.

– Не высывайся! Упадёшь!

– Я поймаю, – рассмеялся Ларри, глядя снизу вверх на кудрявую, похожую на Эстер девочку.

Увидев незнакомого, та сразу подалась назад, будто хотела спрятаться.

– Я сейчас поднимусь, – сказала ей Эстер, – не трогай замок, – и повернулась к Ларри. – Большое спасибо, что проводили.

– Да... я... я надеюсь, мы ещё встретимся?

– Конечно, – она помедлила и нерешительно продолжила: – Следующее заседание через месяц.

– Да, но, – Ларри сам на себя удивлялся, но остановиться не мог и не хотел. – Но мы, я и сын, будем счастливы видеть вас у себя. Вы согласны?

– Да, но...

– Я приглашаю вас с дочкой на обед. В воскресенье. Или... – он вдруг вспомнил. – Или в субботу?

Она благодарно улыбнулась ему.

– Спасибо. Давайте, как у всех. В воскресенье.

– Вы оказываете мне большую честь, – склонил голову Ларри. – Я благодарю вас и не смею задерживать. До свидания, миссис Чалмерс.

– До свидания, мистер Левине.

Они обменялись рукопожатием, и Ларри поспешил домой.

Сразу нахлынуло множество мыслей и соображений. Марк наверняка совсем заждался его. В воскресенье... надо будет приготовить хороший обед... а если... Энни научила его, и если купить хорошую рыбу, тогда он сделает настоящую фаршированную... Тогда салат, скажем... если рыба, то куриный салат, или... нет, салат с курицей, а на десерт... пирожные или желе... сегодня четверг, в субботу они сделают большую уборку и всё подготовят, да, десерт надо сделать в субботу, иначе не успеет с рыбой...

После шума и пыли центральных улиц Цветного квартала Новая улица поражала тишиной, зеленью газонов и живых изгородей, блеском отмытых окон. Её уже заселили на десять

домов с каждой стороны от перекрёстка, и шум продолжающейся стройки не беспокоил живущих в начале улицы, да и время уже позднее, стройка затихла до утра.

Марк сидел на ступеньках крыльца. Увидев отца, он вскочил на ноги кинулся навстречу.

– Пап! Ты пришёл! Я газон полил! Сам! Из шланга!

– Вижу, – рассмеялся Ларри, обнимая сына.

Лужи на газоне подтверждали слова Марка.

– Хорошо, Марк, ты поел?

– Да, орехов с молоком и... я себе сэндвич сделал, – и шёпотом: – С ветчиной.

– И не порезался? – лукаво спросил Ларри и рассмеялся. – Ты молодец, сынок.

Так, в обнимку, они и вошли в дом. Ларри сразу поднялся в свою спальню переодеться и спустился вниз уже босиком в джинсах и ковбойке.

– Ну, давай готовить.

– Давай, – согласился Марк и невольно поёжился.

Отец никогда не ругал его, что он много ест, но ветчины он себе отрезал... чересчур. И, когда Ларри открыл новенький холодильник, Марк затаил дыхание. Но отец только улыбнулся.

– Тебе понравилось?

– Пап, я...

– Всё в порядке, Марк, еда нужна для еды.

Марк вздохнул.

– Она такая вкусная.

– Потому я её и купил, – Ларри подмигнул Марку. – Половину ты мне оставил, не так ли?

– Пап...

– Всё, Марк, хватит об этом. Смотри, яичницу по-французски делают так...

Ларри учил Марка так же, как его самого когда-то учила Энни. И Старый Хозяин. И Фредди. И... их было много. Ему всегда везло на хороших людей. Марк будет знать всё, что знает он сам. И много больше. Потому что Марк будет учиться в нормальной школе. И у Марка будет нормальная семья.

– В воскресенье у нас будут гости.

– Дядя Чак?

В голосе Марка особого восторга не было. Чака он, как и все малыши в имении, боялся и не любил. Нет, при отце Чак ему ничего сделать не посмеет, но всё-таки... лучше от него подальше.

– Нет, – успокоил сына Ларри. – К нам придёт миссис Чалмерс с дочерью. Будет праздничный обед. А в пятницу...

– Большая уборка, да? Пап, а в субботу ты пойдёшь в мастерскую?

– Конечно, работа есть работа, – и не дожидаясь вполне логичного вопроса: – Пойдёшь со мной.

Радостный вопль Марка потряс стены. Ларри рассмеялся. Восторг Марка перед мастерской и его работой был таким трогательным. И рука у Марка заметно окрепла: заметно по рисункам. Так что... но не надо загадывать. И будем надеяться, что Чак на этот раз не явится с визитом. Как в тот раз...

...Они только-только закончили возиться с альпийской горкой и теперь сидели на крыльце, любуясь результатом.

– Ну вот, теперь они начнут расти, и через пять лет у нас будет настоящая горка.

– Так долго ждать, пап?

– Красота долго делается и долго радуется. Да и куда нам спешить?

Марк не слишком уверенно кивнул. До сих пор в их доме всё делалось сразу. Привезли и постелили ковры. Привезли и поставили мебель... а тут надо ждать. Зачем?

– Пап, – начал Марк.

И не договорил. Потому что у их калитки остановился высокий широкоплечий негр в джинсах и светлой рубашке, чёрная кожаная куртка небрежно перекинута через плечо.

– Привет.

– Привет, Чак, – он встал и улыбнулся. – Заходи.

– Что, – Чак вошёл, быстрым внимательным взглядом охватив газон и крыльцо, – устроился уже?

– Жить можно, – ответил он и повторил: – Заходи.

Марк молча ходил за ними, пока он показывал Чаку дом. Закончили осмотр, где и начали – в гостиной.

– Выпьешь чего-нибудь?

– Спиртное держишь? – насмешливо удивился Чак. – И попа не боишься?

– Не знал, что ты в церковь ходишь, – ответил он с такой же чуть-чуть насмешливой интонацией и открыл бар. – Так чего тебе?

Чак промолчал, оглядывая бутылки, и он смешал два коктейля по своему вкусу.

– И это умеешь.

Чак не спрашивал, но он кивнул в ответ.

– Да, ты ж домашним был, – усмехнулся, беря стакан, Чак, отхлебнул и тоном знатока: – А неплохо. В самом деле, умеешь. И устроился... не хуже беляков.

– Так и мы ж не хуже.

Он развёл огонь в камине, и они сели у огня в креслах, хотя было ещё тепло. Марк не уходил, и он говорил сдержаннее, чем хотелось. Нет, ссориться с Чаком он не собирался, им нечего делить, Чак тоже работает у сэра Джонатана, но... но вот так и подмывает отщёлкать Чака. Но он привычно сдержался. Незачем и не из-за чего. А что у Чака характер тяжёлый и даже, как говорится, поганый, уже весь Цветной знает.

– Здорово поиздержался?

– Прилично.

– В кредит брал?

– Что-то в кредит, а что-то и за наличные.

Чак понимающе кивнул, отпил и, погоняв во рту, проглотил, повертел стакан.

– Что ж, не боишься долгов?

– Когда заработок стабильный, долги не страшны.

– Не люблю долгов, – отрезает Чак.

Он пожимает плечами, а Чак со злой непонятной усмешкой продолжает:

– Берёшь под один процент, а возвращаешь по совсем другому. И хуже нет, когда ни срока, ни процента не знаешь, – и тряхнув стаканом так, чтобы лёд ударился, зашуршал по стенкам. – Аренда большая?

Он называет, и Чак присвистывает.

– Ну и дерёт мэрия!

– Так цена по товару, – смеётся он.

– Тоже верно.

Чак допивает и встаёт.

– Ладно, бывай.

– До свидания.

Они прощаются, и Чак уходит...

...Ларри не мог понять, зачем Чак говорил по-простому, он же умеет вполне правильно, и вот... сам он так говорил те три года и потом в имении. Но там-то понятно, а от кого прячется Чак? Но это уже проблемы Чака, а не его.

– Пап, ты мне считаешь?

– Сначала всё уберём.

Они навели на кухне порядок и пошли в гостиную. Ларри задёрнул шторы и разжёл огонь в камине – Марку эту операцию он ещё не доверял.

– Неси книгу, сынок.

Марк достал из книжного шкафа большой том.

– Вот, мы не дочитали.

– Хорошо.

Ларри сел в кресло, и Марк удобно устроился рядом на широком подлокотнике, прижавшись подбородком к отцовскому плечу. Ларри открыл книгу. «Илиада» Гомера. Мерные чеканные строки, боги, герои, битвы. Большие, во весь лист иллюстрации.

Ларри читал, пока не почувствовал, что тело Марка сонно обмякает, и тогда мягко без хлопков закрыл книгу.

– Пора спать, сынок.

– Ага-а, – протяжным вздохом согласился Марк. – Пап, а...

– Спать, Марк, – чуть строже повторил Ларри.

Марк снова вздохнул и встал.

– Ладно, пап. Ты зайдешь ко мне.

– Конечно.

Марк убежал наверх, а Ларри остался сидеть у камина, рассеянно перелистывая страницы. Потом встал, поставил книгу в шкаф, оглядел догорающие поленья и пошёл наверх.

В комнате Марка темно и тихо, только сонное детское дыхание. Ларри послушал его, стоя на пороге, и бесшумно отступил, закрыв дверь. Теперь спуститься, проверить закрыты ли входная и кухонная двери, прогорели ли поленья в камине, выключить всюду свет и подняться к себе, в свою спальню. Не слишком ли велик для двоих такой дом? Но ведь их не всегда будет только двое. А, скажем, четверо или даже пятеро. Да, трое детей – это... это разумно. Если всё дальше пойдёт нормально, то так и будет.

Ларри выключил лампу у изголовья и закрыл глаза. Да, пусть так и будет. Странное, пьянящее чувство уверенности...

Это чувство не оставляло Ларри и в последующие дни. Но за полчаса до обеда он уже не был ни в чём уверен. Всё готово, дом блестит, рыба, чтобы не остыла, в духовке, желе в холодильнике, Марк в своём лучшем костюме, и он сам... и всё, как говорится, на уровне. И разумеется, она придёт, но будет ли? Будет ли то, в чём он уже почти убедил себя?

– Пап, – Марк смотрел на него снизу вверх. – Ты... – слова «боишься» он себе не позволил, но сообразил заменить самым подходящим: – Ты нервничаешь, да?

– Да, – кивнул Ларри и улыбнулся. – Это наш первый званый обед, понимаешь?

– Да, – кивнул Марк и ткнулся лбом в руку отца. – Я постараюсь.

– Спасибо, – очень серьёзно сказал Ларри.

Они стояли на крыльце, но увидел гостей первым не Ларри, а Марк.

– Пап, смотри, это они?

Ларри вздрогнул и ответил Марку, когда женщина в строгом тёмно-сером – самый немаркий цвет – костюме, держа за руку такую же темноволосую девочку в розовом платье, уже стояла у их калитки.

– Да, – Ларри с натугой вытолкнул из себя: – Это они, – улыбнулся и повторил уже свободнее: – Это они.

Чистый, новенький и безусловно роскошный, по меркам Цветного, дом, а на крыльце высокий негр в строгом тёмном костюме и рядом с ним мальчик тоже в костюме, только вместо галстука повязан ковбойский шнурок с кисточками. «Это... это... – даже про себя не смогла выговорить Эстер уже понятное и принятое: – Это моя судьба».

– Мам, мы сюда шли?

– Да, Рут. Будь умницей.

– Хорошо, – вздохнула Рут.

По дорожке, выложенной блестящими, будто тоже отмытыми с мылом, плоскими камнями, они подошли к крыльцу.

– Добрый день, миссис Чалмерс.

– Добрый день, мистер Левине, – она протянула руку для пожатия и улыбнулась. – Просто Эстер, хорошо... Лоуренс?

– Да, Эстер.

– А это моя дочь.

Эстер выразительно посмотрела на дочку, и та, закинув голову, чтобы видеть лицо Ларри, представилась:

– Рут Чалмерс.

И даже слегка присела. Марк, не дожидаясь слов или взгляда отца, склонил голову.

– Марк Левине. Очень приятно.

Все вместе вошли в гостиную. Ларри на мгновение растерялся, но Эстер сказала:

– Очень мило. Вы недавно переехали?

И Ларри понял, что надо делать. Надо показать дом. И сделанное, и несделанное, и только задуманное.

Они прошли по всему дому. Ларри ничего не скрывал, но и не хвастался. Да, дом сделан и в нём можно жить, но его можно ещё делать. Строгая, но очень... добротная простота убранства понравилась Эстер. Во всех спальнях пол затянут подобранным под цвет стен ковром, и стены не покрашены, а оклеены обоями, по европейской традиции, комната Марка более... детская, мальчишеская комната, хотя безукоризненно убрана. Две спальни совсем пустые, только ковёр и занавеси, но ванны – у каждой спальни своя – оборудованы полностью.

– Да, – Ларри ответил на её невысказанные слова. – Пустовато, я понимаю. Но дом надо обживать.

Они стояли вдвоём в его спальне. Марк остался у себя показывать Рут свои игрушки.

– Я понимаю, – кивнула Эстер. – Вы правы, Лоуренс. Картины, украшения, памятные вещи... дом обрастает всем этим со временем.

– А для этого в доме должны жить, – Ларри прислушался к детским голосам и улыбнулся. – Пусть играют?

– Да, конечно, – улыбнулась Эстер, оглядывая спальню и невольно, даже не сознавая этого, прикидывая: что и как она изменит, прикупит, переставит, чтобы картинка из журнала или каталога стала живой комнатой.

Они вышли из спальни и, не зовя детей – пусть играют, прошли по небольшому коридору и спустились в гостиную. Ларри подошёл к бару.

– Чего-нибудь выпьете, Эстер?

– Чего-нибудь, – улыбнулась Эстер. – Я не любительница и не знаток спиртного.

– Тогда спиртного не будет, – весело ответил Ларри, подавая ей стакан.

Она взяла и с храброй осторожностью пригубила.

– Оу! Как вкусно!

– Нравится? – обрадовался Ларри.

– Да, – она отпила ещё и засмеялась так по-детски радостно, что и Ларри засмеялся.

– Мама! – прозвучало сверху.

– Я здесь, Рут, – повернулась к лестнице Эстер.

Но Рут и Марк уже сбегали вниз. Ларри вернулся к бару и сделал ещё два коктейля из соков.

– Вот, – Рут протянула матери зажатую в кулачке коробочку. – Посмотри.

Эстер взяла коробочку. Это была головоломка. Под стеклом пейзаж с воротцами и извилистой тропинкой между ямками-дырочками. Эстер покачала головоломку, но шарик у неё провалился на второй же ямке.

– А у Марка он пять дырочек проходит, – тараторила Рут. – А у меня шесть прошёл, и я выиграла, и Марк мне её подарил, вот!

Марк быстро покосился на отца и, увидев его улыбку, успокоился. Ларри кивком показал сыну на стаканы с коктейлями. Марк взял оба и повернулся к Рут.

– Попробуй, Рут, очень вкусно.

Рут доверчиво взяла стакан и отпила. Облизнула губы.

– Как вкусно! Никогда не пила такого. А что это?

Марк снова посмотрел на отца и, улынувшись, пожал плечами.

– Не знаю. Папа умеет так смешивать, что смесь вкуснее, ну, того, из чего смешали.

Рут посмотрела на Ларри.

– Большое спасибо, мистер Левине, очень вкусно.

– Рад слышать, что понравилось, – улыбнулся Ларри.

Допив коктейли, перешли в столовую к уже накрытому столу. Усадив гостей, Ларри предложил им салат. Марк, очень старательно копируя его интонации и движения, ухаживал за Рут.

– А кто вам готовит, Лоуренс? И убирает?

– Мы всё делаем сами, Эстер. Ну, в стирку я отдаю. А с остальным справляемся.

– Вы отлично готовите, Лоуренс.

– Спасибо, Эстер. Меня учила Энни, она была кухаркой у сэра Маркуса.

– О, Рут рассказывала мне о ней.

– Это моя тётя, – шепнула Рут Марку. – Меня в её честь называли.

– А меня в честь сэра Маркуса.

Марк встал помочь отцу сменить тарелки и приборы. А когда Ларри торжественно поднял тяжёлую крышку и облако душистого пара вырвалось наружу, Эстер ахнула.

– Какая прелесть! Что это?

– Это настоящая фаршированная рыба. По всем правилам.

К радости Рут, эта рыба была совсем без костей. И её можно было свободное есть вилкой.

– Мой бог, – покачала головой Эстер, – я столько лет не ела фаршированной рыбы. Вы потрясающе готовите, Лоуренс.

– Я старался, – улыбнулся Ларри. – И потом, мне помогали.

– Кто?

– Марк, конечно.

Ларри подмигнул сыну и очень серьёзно продолжил:

– Пряности в фарш он отмерял.

Рут посмотрела на Марка с уважением, и Марк вскочил со стула.

– Пап, я десерт принесу.

– Дай сначала доест, Марк.

– Нет, пусть несёт, – рассмеялась Эстер. – Тебе помочь, Марк?

– Я сам, – донеслось уже из кухни.

Блюдо с подрагивающими куполами желе Марк доставил до стола вполне благополучно. Рут даже взвизгнула и захлопала в ладоши. Ларри помог Марку поставить блюдо на стол.

– Вот, – перевёл дыхание Марк и посмотрел на отца.

Доставая желе из формочек, он немного перекошил их и теперь... но Ларри кивнул.

– Ты молодец, сынок.

И Марк, успокоившись, сел на своё место.

– Рут, тебе клубничного или апельсинового?

Рут вздохнула. Ей хотелось и того, и другого, но Марк ждёт её слова, а мама явно не разрешит сказать правду. Она ещё раз вздохнула.

– Клубничного.

И Марк положил ей на тарелку розовую подрагивающую башенку.

После обеда вернулись в гостиную, и Ларри снова сделал всем по коктейлю.

– Спасибо, Лоуренс, – Эстер отпила и тоном светской дамы продолжила: – В следующее воскресенье вы обедаете у нас.

– Да! – сразу подхватила Рут. – Марк, ты тоже приходи.

– Благодарю за приглашение, – склонил голову Ларри. – Это большая честь для нас.

И Марк, восхищённо и благодарно посмотрев на отца, повторил его полупоклон.

Прощались они на крыльце. У калитки Рут обернулась и помахала им зажатой в кулачке головоломкой.

Марк и Ларри постояли на крыльце, пока Эстер и Рут не скрылись из виду, и тогда вернулись в дом.

– Будем убирать, пап?

– Да, только переоденемся сначала.

Марк кивнул и побежал наверх. В самом деле, не в праздничном же костюме мыть посуду.

Он старался всё сделать быстро, но, когда переодевшись и повесив костюм в шкаф, спустился, отец уже вовсю хлопотал на кухне.

– Принеси мне из столовой тарелки, Марк.

– Ага, да, пап, сейчас.

Тарелки на столе были уже собраны в стопки, и Марк управился быстро.

– Пап, – он старательно вытирал вымытые отцом тарелки из парадного сервиза. – А они тебе понравились?

– Не нажимай так сильно, Марк, не три, а промокай воду, вот так, правильно. Да, понравились. А тебе?

– Ну... Рут – нормальная девчонка, не плакса. И не зануда. Ну... мы пойдём к ним?

– Конечно. Нас же пригласили, – улыбнулся Ларри. – А Эстер, миссис Чалмерс, тебе понравилась?

– Ну-у, – протянул Марк и, вдруг догадавшись, вскинул на отца глаза. – Ты хочешь на ней жениться, правда?

– Правда, – после недолгого молчания очень серьёзно сказал Ларри и так же серьёзно продолжил: – Но, если ты против... Понимаешь, сынок, я не могу сделать это без твоего согласия.

Марк столь же серьёзно кивнул.

Молча они убрали на место парадный сервиз, навели порядок в столовой и гостиной.

– Пап, ничего, что я подарил Рут «дорожку»?

– Это твои вещи, Марк, и ты вправе ими распоряжаться. А что? Тебе уже жалко?

– Нет, – мотнул головой Марк. – Она хорошая. Ты считаешь мне?

– Как всегда, Марк.

И когда вечером они сели у камина дочитывать «Илиаду», всё было, как всегда. Как обычно.

Неделя была заполнена судорожными попытками как-то приукрасить их убогую квартиру и выкроить деньги на приличный обед. Новое платье Рут сильно подкосило их выверенный до цента бюджет. Нет, Эстер понимала, что ей – скромному клерку из захудалой фирмочки – тягаться с ювелиром с Маркет-стрит... просто смешно. И так... что именно «и так», она не додумывала, отмывая, начищая, перекладывая заново подушки на диване, стирая, крахмалая,

снова и снова пересчитывая деньги... Рут увлечённо занималась головоломкой и словно не замечала материнских стараний и волнений.

И вот квартира отмыта и убрана, Рут в новом платье, она сама... тоже в наилучшем виде, обед готов. Всё готово.

Эстер стояла у окна, разглядывая их тихую в этот час улицу. Они должны прийти с той стороны. Пора бы... или нет, ещё целых тринадцать минут до... до званого воскресного обеда. Ведь это... это должно быть именно так, они были в гостях, а сегодня ответный визит. Всё как у людей, как и положено людям.

– Мама...

– Что, Рут? – ответила Эстер, не оборачиваясь.

– Мам, а когда ты женишься?

– Выйду замуж, – привычно поправила она и, не вдумываясь в дочкины слова, попросила: – Поговорим об этом потом, хорошо?

– Хорошо, – согласилась Рут, из-под её руки выглядывая в окно. – А вон и они идут! И с подарками!

Эстер тоже увидела их, но ничего не сказала: у неё почему-то перехватило горло. Вот Марк дёрнул отца за руку, и тот поднял голову, увидел её. Их глаза встретились. Мужчина улыбнулся, и она ответила ему улыбкой.

Подарками были цветы. Пунцовая роза на длинном стебле для неё и маленький букетик весенних фиалок для Рут. А у неё ни вазы, ни даже вазочки нет, пришлось срочно оборачивать цветной бумагой какие-то бутылку и баночку.

Эстер покраснела до слёз, и Ларри смутился, но потом всё как-то само собой уладилось и утряслось. Показывать квартиру Эстер не хотела, да и что демонстрировать? Старую «удачно» купленную по дешёвке мебель? Нет уж! Но и сразу садиться за стол тоже неприлично. Рут занимала Марка своими куклами, а Эстер и Ларри, сидя на диване рядом, но соблюдая минимальную – из-за размеров дивана – приличную дистанцию, смотрели на детей и говорили. О каких-то школьных делах, о нашумевшей на всю Колумбию истории мошенничества и краха какой-то фирмы, о том, что осенью будут выборы в мэрию и в Федеральную Палату, о чём-то ещё... Потом они оба никак не могли вспомнить ни предмета, ни результата разговора.

Наконец Эстер, разгладив на коленях юбку, сказала:

– Ну, пора к столу, не так ли?

Ларри легко встал и в полупоклоне подал ей руку. Будто им предстояло пройти через анфиладу, а не сделать два маленьких шага от дивана к уже накрытому столу.

– Дети, – неожиданно для самой себя позвала Эстер, – Марк, Рути, к столу.

И Ларри, и Марк тоже отнеслись к этому так, будто... будто так и надо.

Расселись за столом, и Эстер разложила по тарелкам селёдочный форшмак. И все дружно приступили к еде.

– Очень вкусно, Эстер. У Энни так не получалось.

– А у вас, Лоуренс?

– У меня тем более, – рассмеялся Ларри.

После форшмака Эстер поставила на стол блюдо с мясом под кисло-сладким соусом и предложила Ларри, как старшему мужчине, разрезать и разложить его. Ларри с благодарным кивком взял нож и большую двузубую вилку.

Рут старательно орудовала ножом и вилкой, про себя негодуя, что мама забыла заранее нарезать мясо на маленькие кусочки, чтобы раз – и в рот, а теперь... Но всё обошлось благополучно: без пятен на скатерти и платье.

– Рути, помоги мне.

Двоём они убрали на кухню столовую посуду и накрыли стол для кофе, соков и печенья.

Золотистые кругляши в тёмных крапинках корицы таяли во рту. Марк мужественно держался, стараясь не тянуться к блюду слишком часто.

– Вы великолепно готовите, Эстер.

– Отвечу вашим же: я старалась.

Ещё какие-то незначащие разговоры и... и пора вставать из-за стола. Но они медлили.

– Эстер... спасибо за чудесный обед, и... и, если вы не против, я хотел бы просить вас, Эстер, о встрече... на неделе.

– Хорошо, – сразу кивнула она. – В среду я заканчиваю в четыре.

– Да, – обрадованно подхватил Ларри. – В полпятого в «Чёрном лебеде», хорошо?

«Чёрный лебедь» считался если не лучшим, то самым приличным заведением в Цветном, и показаться там, да ещё днём было вполне допустимым. И Эстер кивнула.

– Хорошо, в полпятого в «Чёрном лебеде».

А затем неизбежное прощание. Рут протягивает Марку маленького фарфорового медвежонка.

– Вот, возьми себе, – и вздыхает.

– Спасибо, Рути.

Марк бережно ставит медвежонка на ладонь, гладит по голове указательным пальцем и восхищённо повторяет:

– Спасибо, Рути, большое спасибо.

И всё, надо расставаться. И, как Ларри с Марком провожали их, стоя на крыльце, так Эстер с Рут теперь стояли у окна, глядя, как Ларри и Марк скрываются за углом.

– Мам, – Рут дёрнула рукав кофточки Эстер. – Ну, мама же!

– Что, Рути? – наконец оторвалась от окна и своих мыслей Эстер. – Что тебе?

– Ну, так, когда вы поженитесь?

– Что?! – изумилась Эстер.

– А чего тянуть? – пожала плечами Рут. – Всё же ясно-понятно. Ну, мам?

Эстер заставила себя улыбнуться.

– Рути, что тебе ясно? Ничего же не было.

– Ну так сделай, чтобы было. Вот девочки говорили, что мужик пока не переспит...

– Рут, – Эстер пыталась говорить строго и с каждым словом у неё получалось всё лучше. – Это взрослые дела, и не лезь в них. И мало ли кто что говорит. Незачем повторять всякие глупости.

Рут обиженно надула губы, но промолчала. А то мама заругается и не пустит на улицу к другим девочкам, а ей столько нужно им рассказать.

Когда они уже подходили к дому, Марк убеждённо сказал:

– Пап, я думаю, тебе не стоит упускать этот шанс.

– Спасибо, сынок, – так же серьёзно ответил Ларри и вздохнул. – Если она согласится.

Марк снизу вверх посмотрел на отца.

– Пап, она согласится, – и так как Ларри внимательно смотрел на него, объяснил: – Она же добрая.

Ларри улыбнулся и потрепал сына по голове. Что ж, раз Марк согласен... нет, он не хитрил, когда говорил, что без согласия сына не пойдёт на такое. А что ему нужно жениться, что ребёнку нужна мать, а дому – хозяйка, и вообще... нужна нормальная семья, да об этом ему говорили многие. И даже отец Артур. А священника в Цветном квартале уважали. Не было ещё случая, чтобы он кому-то во вред посоветовал. Так что... так что надо завершить задуманное.

Дома они, как всегда, сразу переоделись, и Марк стал устраивать подаренного ему Рут медвежонка. И дальше вечер покатился как обычно.

Работа есть работа. И что бы ни происходило, заказы должны быть готовы в срок. И... и должен быть порядок. Во всём. Ларри выкроил время, нашёл материал, ещё в первое рукопожатие, ощутив в своей ладони её пальцы, определил размер. И вот оно – узкое золотое колечко с фигурным завитком, окружившим два маленьких безукоризненных бриллианта. Оно изящно, элегантно и должно понравиться. И всё хорошо, всё правильно, но... но как он его запишет? В расходную книгу... золота по весу, камни первого класса, индекс, размер в каратах... это-то просто и понятно, но как ему заполнить графу, куда записывается имя заказчика или продажный номер? Ларри помедлил над раскрытой книгой и решительно вписал: «для миссис Чалмерс». Вот так. А теперь книга выдачи. Номер, стоимость материала, работы, футляра, проба, налог, общая стоимость. «Внесено наличными». Он достал из кармана бумажник, отсчитал нужную сумму и выписал счёт. Вот так. Деньги в кассу, счёт себе, корешок в подшивку. К сожалению... Ларри понимал, что это можно и наверняка нужно было устроить как-то по-другому, но он не знает – как. И спросить некого. Фредди будет в Колумбии только в конце месяца, а ни к кому другому он с таким вопросом обратиться не сможет. Но... что сделано, то сделано. И надо действовать дальше.

Ларри спрятал коробочку с кольцом в карман и стал наводить порядок. Как бы ему не опоздать. Это женщина может... задержаться, а мужчина приходит вовремя. Тем более в «Чёрный лебедь». Заведение, конечно, приличное, но это всё же ресторан, и одинокая женщина за столиком в ожидании... могут понять неправильно. Нет, этого допускать нельзя.

Закрыв дверь, он по привычному маршруту пошёл в Цветной. Подумал было купить цветы, но тут же отказался от этой идеи: он не знает, что и как положено делать в такой ситуации, и лучше быть... проще, пожалуй. Лучше совсем не сделать, чем сделать не то. Здесь ошибка непоправима.

В «Чёрном лебеде» он раньше не бывал, но встретили его если не как старого знакомого, то как желанного гостя. Ни о чём не спрашивая, проводили к столику, откуда хорошо просматривалась входная дверь, подали чистой холодной воды в запотевшем высоком стакане с выгравированным лебедем.

Ларри сидел, неотрывно глядя на дверь, и, вздрогнув, встал, когда она неожиданно вошла. В том же тёмно-сером костюме, но уже не в розовой, а в светло-салатовой блузке. Обвела взглядом зал, увидела его, улыбнулась и пошла к нему.

– Здравствуйте, Лоуренс.

– Здравствуйте, Эстер.

Он пожал ей руку, отодвинул стул, помогая сесть, и сел после неё. И почти тут же подошёл официант. Эстер вопросительно посмотрела на Ларри.

– Всё, что хотите, Эстер, – храбро сказал Ларри.

– Я доверяю вашему выбору, – улыбнулась она.

– Ну, тогда...

Ларри сделал заказ и тут же забыл о нём. Может, и нельзя так торопиться, надо бы подождать, но он не хочет и не может ждать. Надо решать. Здесь. Сейчас. Немедленно.

– Эстер.

– Да, – она оторвалась от своего стакана с водой и вопросительно подняла на него глаза.

– Я хочу... хочу вас спросить.

– Пожалуйста, Лоуренс.

– Вот.

Он достал из кармана маленькую коробочку из красного бархата и протянул ей. Эстер удивлённо взяла её, разглядывая на крышке вензель из двух переплетённых «L».

– Что это, Лоуренс?

Он молчал, и она догадливо улыбнулась.

– Это и есть ваш вопрос, да?

Ларри молча – у него вокруг перехватило горло – кивнул. Эстер открыла коробочку и тихо ахнула: так сверкнули и заиграли бриллиантики. Она осторожно достала кольцо и долго рассматривала его. И когда Ларри уже начал беспокоиться, Эстер подняла на него строгие, влажно блестящие глаза.

– Я отвечаю на ваш вопрос, Лоуренс. Вот мой ответ, – и решительно надела кольцо.

Ларри благодарно склонил голову.

Им принесли салат и что-то ещё. Они ели, не замечая вкуса и даже не совсем понимая, что именно едят. Оба сразу с каким-то азартом бросились в обсуждение житейских вопросов. Свадьба, переезд, Эстер надо уволиться, но две недели лучше отработать, иначе слишком большая неустойка, пустяки, стоит ли, но неустойка большая, но разве она не на годовом контракте, нет, если она завтра же скажет, что уходит, свадьба в субботу, да, комнату Руты он сделает, в воскресенье, нет, в пятницу уже всё будет готово, это же лишние деньги, пустяки, они уже в субботу начнут новую жизнь...

После салата они ещё чего-то съели, выпили ещё по стакану чего-то сладкого, Ларри механически, не обратив внимания на сумму, расплатился, и они вышли на улицу.

– А теперь... Ларри?

– К священнику, Эсти.

Совершенно естественно и незаметно для себя они перешли на уменьшительные имена. И так же естественно Ларри взял Эстер под руку.

– Хорошо, Ларри, но такая спешка...

– Какая спешка? Четверг, пятница – целых два дня, Эсти, я же с ума сойду от ожидания.

Эстер рассмеялась. А Ларри, сам себя не узнавая, то сыпал шутками, то напористо обсуждал проблемы переезда. И с отцом Артуром, которого они нашли в церковном саду, он говорил не просто решительно, а с весёлой уверенностью в успехе.

Отец Артур выслушал их и кивнул.

– Хорошо, дети мои.

Обговорили всякие необходимые мелочи и детали. Эстер сразу сказала, что часть своих вещей передаст в фонд пожертвований. Ведь она уже в воскресенье переедет к Ларри.

– Спасибо, дочь моя.

Попрощались и ушли.

– Уже поздно, Ларри, Рут одна дома.

– Я провожу тебя, Эсти.

– А Марк?

Ларри улыбнулся.

– Он уже большой.

Но Эстер настояла.

– Нет, Ларри, я не хочу, чтобы из-за меня Марк оказался ущемлённым.

Ларри вздохнул, но спорить не стал. Таким ласковым и в то же время строгим был тон Эстер. И ведь она в самом деле права. К тому же ему надо столько успеть.

Они попрощались и разошлись.

Ещё два дня, целых два дня ожидания и всего два дня на подготовку. Но чувство уверенности уже не покидало его.

Два дня хлопот, суеты, а ещё же надо работать, работа – главное всего, но у него всё получалось в эти дни.

Комнату Рут сделали рядом со спальней Марка.

– Я думаю, пап, ей понравится, – сказал Марк, стоя посреди и оглядываясь.

Грузчики только-только ушли, в комнате пахло лаком и ещё тем особым запахом новой мебели.

– Хорошо бы, – хмыкнул Ларри.

Хотя... выбор по каталогу на этот раз он полностью доверил Марку. И получилось, кажется, совсем неплохо. Весёлая детская комната. Да, Марк уже начинает чувствовать цвет. А в спальне ничего менять не стали. Спальня теперь супружеская, пусть Эстер сделает её по своему вкусу. На завтра всё вроде продумано. Праздничный обед он заказал в том же «Чёрном лебеде», они пойдут туда прямо из церкви. И уже после обеда домой. А в воскресенье с утра они с Марком помогут перенести самые необходимые вещи. По правилам, им с Эсти нельзя видиться последние сутки, он знает, но... но это же только обычай, если и нарушат, то не страшно.

– Пап, – Марк взял его за руку, – ты не нервничай, всё будет хорошо.

– Спасибо, сынок, – потрепал его по кудряшкам Ларри. – Я очень на это надеюсь.

Марк улыбнулся.

– Пап, а в своей спальне ты ничего менять не будешь? Почему?

– Пусть это сделает она сама. Ей будет приятно.

– А! Так поэтому для Рут картинок не купили, да? – догадался Марк.

– Да, – кивнул Ларри. – Свою комнату ты же сам делал. Но если хочешь... Нарисуй ей что-нибудь. В подарок.

– Ага! – сразу согласился Марк.

И Ларри не поправил его, чтобы говорил правильно.

Эстер перебирала вещи, свои и Рут, аккуратно раскладывая их на три стопки. Что нужно уже завтра отнести на новую квартиру, нет, в новый, но свой дом, что полежит здесь ещё два-три дня, а от чего можно и надо избавиться. Что-то, что получше, отдать в церковь как пожертвование, а остальное... просто вынести и положить на видное место, чтобы разобрали.

– Рути, ты все игрушки берёшь?

Рут вздохнула.

– Мам, а мне тоже нужно... раздарить? Это обязательно?

– Решай сама, – улыбнулась Эстер.

Рут ещё раз вздохнула и стала разбирать свои сокровища: фантики, камушки, цветные стёклышки и фарфоровые черепки.

– Куколок я всех возьму, – приговаривала шёпотом Рут, – и этот камушек, он счастливый, я им всегда выигрываю.

Эстер достала сумку и стала укладывать отобранное для завтрашнего... переезда. Ну что... в конторе она всё уладила ещё вчера...

...Сигал удивлённо посмотрел на неё, когда она вошла в его кабинет.

– В чём дело, Чалмерс?

– Я пришла сказать вам, мистер Сигал, – начала она заготовленную и продуманную речь, – что с понедельника не смогу более работать на вас.

– Вот как? – он с насмешливой недоброжелательностью оглядел её. – И где же вам будут платить больше? Или... вы меняете профессию?

Она улыбнулась: мужчины ревнивы, а кого и к кому ревновать – им уже неважно. Босс может увольнять, но не допускает самовольного ухода. Но сейчас она его успокоит.

– Ни то, ни другое, мистер Сигал. Я выхожу замуж, – и, шевельнув рукой, показала, как бы ненароком, обручальное кольцо.

– Мм? – он окинул её уже совсем другим взглядом, присмотревшись к искре бриллианта в кольце. – Что ж, тогда понятно. Ладно, Чалмерс, – Сигал задумчиво кивнул своим мыслям и принял решение. – Ладно. И когда свадьба?

– В субботу, сэр.

– Хорошо. В пятницу расчёт, сдадите дела и всё. Идите, Чалмерс, – и уже ей в спину: – Желаю счастья.

– Спасибо, мистер Сигал, – ответила она, выходя.

И, вернувшись к своему столу, занялась делом. Надо всё разобрать, подвести итоги, чтобы тот или та, кто сядет за её стол в понедельник – интересно, а где Сигал найдёт бухгалтера, согласного на зарплату рядового клерка? У неё тогда все другие варианты были ещё хуже, но сейчас... но это проблемы Сигала...

...Что ж, она всё сделала, как задумала. Навела порядок, сдала все бумаги доверенному лицу Сигала, попрощалась с соседками по комнате, получила расчёт. В конце концов ей было совсем не плохо, платили, правда, меньше, чем остальным, но только до Капитуляции, а потом столько же, и расплатился Сигал с ней честно, и даже – Эстер улыбнулась – не только не требовал неустойки, но даже выдал премию в размере дневного заработка. Неужели это вид кольца так подействовал? Видимо, как человек опытный, решил не ссориться с дарящим столь ценные вещи. Поистине, бриллианты – лучшие друзья! Ну вот, это она сделала, и с квартирой уладилось. Ещё неделю квартира за ней. Она всё спокойно сделает, всем распорядится.

– Рут, ты готова?

– Да, – вздохнула Рут. – Я погуляю пока, ладно? Попрощаюсь.

– Конечно, Рути, – улыбнулась Эстер. – Только далеко не уходи.

И когда Рут убежала, медленно огляделась. Ну вот, сегодня их последняя ночь в этом доме. Нет, им было здесь неплохо, даже хорошо. Эд... но Эд мёртв уже два года. Ей не в чем себя упрекнуть, она всегда была верна Эду и благодарна. Да, Эд спас её, нищую голодную девчонку, затравленного зверька. «Поделим нужду на двоих, и каждому достанется поменьше». Эд старался шутить, брался за любую работу, чтобы она училась, а как радовался рождению Рут. И на переезд в Колумбию Эд настоял ради неё и дочери. Сам бы он везде прокормился, а они... И в Колумбии...

Эстер вздохнула. Но... но жизнь продолжалась. Эда забрали на работы, мобилизовали на защиту Империи, Рут только-только год исполнился. Эд даже ухитрился что-то им присылать, ей, как жене мобилизованного удалось устроиться на приличную работу. Да, трудно, да, война, Колумбию хоть и не бомбили, но тоже хватало всякого, но русские побеждали и цветным, а, значит, и ей становилось чуть легче. И страшный конверт. Эдвард Чалмерс, условный, двадцати восьми лет, мобилизованный на работы, погиб за Империю. И ни как, ни что, ни могилы... а через месяц Капитуляция. Всего месяца не хватило...

Эстер встряхнула головой. Всё, уже отболело. Завтра у неё такой день, а она... Ещё бы плакать вздумала. А Ларри... Лоуренс Левине... да, он – негр, да, она окончательно теряет расу, теряет шанс выбраться когда-нибудь из Цветного, теряет... вот и все потери, а всё остальное – уже приобретения. Ларри богат. Разумеется, она согласилась не поэтому. Ларри добрый, о нём все говорят очень хорошо, он будет хорошим отцом для Рут. А деньги... нет-нет, ей нравится сам Ларри, и, если бы он был беден, она бы всё равно согласилась. Нет, самое главное то, что он – Левине. Он... свой.

Она быстро закончила возню с вещами, подошла к окну позвать Рут домой. И ахнула. Ларри?! Стоит под окном и смотрит на неё, закинув голову, а рядом Марк и Рут. Ну... ну что же это такое?! Сразу и смеясь, и хмурясь, Эстер высунулась в окно и крикнула:

– Поднимайтесь!

И три радостные улыбки в ответ.

До сих пор она видела Ларри только в строгом чёрном костюме и белой рубашке с галстуком, а сегодня он в джинсах и ковбойке, как ходят почти все мужчины в Цветном, у кого постоянный заработок.

– И чего нести? – Марк старательно изображал грузчика, заставляя Рут хохотать до взвизгов.

Рассмеялась и Эстер.

– Мой бог, Ларри, мы же не должны видаться до свадьбы.

– Эсти, – Ларри осторожно взял её за руки, – я много чего был не должен, я не могу дожидаться, я два дня тебя не видел, и ещё... должна же Рут увидеть свою комнату. Если ей что-то не понравится, успеем переделать.

– Ларри...

– И тебе же завтра с утра надо идти за платьем, – добил остатки её сопротивления Ларри. – Ну же, Эсти.

– Мы готовы, – вмешалась Рут.

Эстер и Ларри обернулись к ним. Рут прижимала к груди своего старого вытертого медвежонка, А Марк держал коробку с остальными игрушками и книжками.

Эстер рассмеялась и кивнула.

Ларри быстро перепаковал всё собранное в одну коробку, и они пошли. Через весь Цветной.

Вечер пятницы – предпраздничный. Всем, кто не на подёнке, а имеет постоянную работу, выдали зарплату, и завтра отдых, целых два дня, а кто будет работать, так те получают двойную плату. Так что, всё сегодня хорошо, а завтра будет ещё лучше! И Ларри, и Эстер многие знали, окликали, здоровались и, лукаво подмигивая, желали счастья.

– Откуда они все узнали? – тихо спросил Ларри, попрощавшись с очередным знакомым. – Я никому ничего не говорил, правда.

– Я тоже, – улыбнулась Эстер. – Но всё равно все знают. И потом, Ларри, я сказала, что съезжаю с квартиры, заказала платье у Колетт, мы были у священника... люди не слепые, Ларри, и сложить два и два труда не составит.

Ларри кивнул.

– Да, Эсти. И... и я не сказал тебе главного. Завтра с утра, а в церковь мы идём в полдень, завтра с утра я буду работать.

– Конечно, – Эстер на ходу погладила его по руке. – Я понимаю, работа прежде всего, и всё равно мы должны встретиться только в церкви.

Ларри обрадованно перевёл дыхание. Они уже миновали угловой магазинчик и шли по Новой улице. А вот и их дом. Эстер шла за Ларри через газон к крыльцу с тем странным чувством, с каким когда-то, давным-давно, поднималась по тёмной крутой лестнице за Эдвардом в их колумбийскую квартиру.

На крыльце Ларри поставил коробку на пол и достал ключи.

Дом был пуст и чист. Значит, та чистота, что поразила её в первый раз, привычна. Что ж, она это запомнит.

Они поднялись на второй этаж и сразу зашли в комнату Рут.

Золотистая светлая комната потрясла Рут.

– Это... это моё? Это мне? – наконец выдохнула она.

– Да, – кивнул Ларри.

Эстер мягко потянула его за локоть.

– Пойдём, пусть сами.

Ларри кивнул и отступил к двери. Они тихо оставили детей вдвоём и перешли уже в их спальню. Ларри поставил на пол коробку с вещами, которую так и держал в руках, и неуверенно предложил.

– Я пойду сварю кофе, хорошо?

– А я разберу вещи, – подхватила Эстер.

Но сказав это, оба остались стоять рядом, будто ждали ещё чего-то, ещё чьих-то слов.

Ларри сглотнул.

– Я... я не стал ничего менять. Пока... я думал... ты сделаешь по-своему.

– Спасибо. А... а что бы ты хотел?

– Я не думал об этом, – тихо ответил Ларри.

Эстер задумчиво кивнула.

– Я думаю... занавеси и обои оставим, мне нравится этот цвет, – Ларри просиял, и Эстер продолжала уже увереннее. – Всё очень мило, Ларри, я думаю... Ты любишь цветы?

– Да, – радостно кивнул Ларри. – И... и ты видела мою... нашу альпийскую горку?

– Да, очень красиво. Знаешь, давай вот здесь поставим лиану. Она вырастет и оплетёт окно.

Они обсудили спальню, и Эстер ахнула.

– Оу, уже темнеет!

– Да, – кивнул Ларри и заторопился: – Я сделаю яичницу. Ты... ты как любишь? Омлет или глазунью?

– А глазунья – это что? – прозвенел тоненький голосок.

На пороге спальни стояла Рут, а за ней Марк.

– Вот и познакомьтесь, – рассмеялся Ларри.

Ему снова всё стало легко и просто. Он кивнул Эстер.

– Когда закончишь, спускайся, Эсти, – и детям: – Пошли вниз, поможете мне.

Когда они ушли, Эстер огляделась. Уже не рассматривая, а вглядываясь. Открыла шкаф и ахнула. Рядом с двумя костюмами и ветровкой с десятком пустых, явно предназначенных для дамских нарядов плечиков. У неё и нет стольких платьев. А за другой створкой? Стопка белых рубашек, стопка ковбоек, а остальные полки пусты и ждут её. И отдел для обуви. Парадная лаковая пара, пара простых чёрных ботинок и всё.

Она быстро разложила и развесила свои вещи, но шкаф и комод полнее от этого не стали. Взяла вещи Рут и пошла в её комнату.

Куклы уже рассажены, на столе рассыпана мозаика, на кровати валяется кверху лапами медвежонок. Всё ясно: Рут дорвалась! Надо будет ей объяснить, что, хотя комната и её, но должен быть порядок. И именно поэтому. Она положила под подушку на кровати лучшую пижамку Рут, поставила домашние шлёпанцы, но они так жалко смотрелись на новом ковре, что она задвинула их под кровать и напоследок посадила медвежонок правильно. Платьице и кофточку в шкаф, две пары трусиков в комод. Теперь ванная... там порядок. Эстер удовлетворённо оглядела результаты своих трудов и пошла вниз.

Они ели потрескивающую яичницу, пили холодное и тоже необыкновенно вкусное молоко.

И Ларри решительно сказал, что уже темно, он проводит Эстер и Рут домой, а Марк подождёт его.

– И тебе не страшно? Ну, одному? – Рут с уважением посмотрела на Марка.

Сама она боялась темноты, вернее, одной в тёмной комнате. Марку тоже бывало не по себе, когда отец задерживался, и он оказывался один в сумеречном и пустом доме, но сейчас он гордо вскинул голову.

– Пустяки, Рут, – и неожиданно выпалил затаённое: – Один же вечер.

– Да, – кивнул Ларри и улыбнулся. – Завтра уже всё будет по-другому, – и, поглядев на Марка, решил: – Одевайся, Марк, пойдём все вместе.

Марк стремглав бросился наверх в свою комнату за ветровкой.

Эстер рассмеялась:

– Рути, а ты? В одном платье прохладно.

Рут растерянно посмотрела на мать. И Эстер снова рассмеялась, поняв, что Рут попросту забыла о принесённых вещах.

– Ну, идём, покажу, – и обернулась к Ларри: – А ты? Принести тебе?

– Да, – улыбнулся Ларри.

И, стоя внизу, с наслаждением слушал смех, голоса и топот наверху. Его дом ожил! Наконец все трое спустились. Марк в ветровке, Рут в вязаной кофточке и Эстер тоже в вязаном сером жакете. Эстер протянула Ларри его ветровку.

– Спасибо, – Ларри быстро оделся, оглядел... свою семью, да, именно так. – Пошли?

– Пошли, – кивнула Эстер.

Когда они все вместе вышли на крыльцо, Ларри, идя последним, выключил свет, захлопнул и запер дверь.

Вечер пятницы не сравним по размаху гульбы с субботним, но всё равно шуму, толкотни и пьяных хватает и даже с избытком. Но до дома Эстер они добрались вполне благополучно. Подниматься наверх Ларри не стал, простившись с Эстер у подъезда. Теперь они увидятся только в церкви. Подождав, пока Эстер и Рут покажутся в окне и помашут им, Ларри и Марк пошли домой.

Субботнее утро было солнечным и тихим. Эстер проснулась рано и, лёжа в постели, смотрела в потолок, привычно размечая по событиям предстоящий день. Сейчас она встанет, приготовит завтрак, разбудит Рут и... и после завтрака пойдёт за платьем. Вернётся домой. Переоденется, переоденет Рут, нет, выкупает и переоденет Рут, примет душ, оденется, и они пойдут в церковь. Встретится там с Ларри. Отец Артур обвенчает их в гулкой пустой церкви, они же никого не приглашали, разве только случайно кто-нибудь заглянет, зевака, которому некуда деть себя субботним днём. Из церкви они пойдут в «Чёрный лебедь» на праздничный обед. И потом домой. На Новую улицу. В свой дом.

Эстер сладко вздохнула и потянулась под одеялом. Как всё быстро, как стремительно всё совершилось. Будто с горки сбежала. Ну... ну всё, пора вставать. Хоть и хочется ещё полежать, понежиться и помечтать, но пора. Она откинула одеяло и встала. В одной рубашке босиком подошла к окну и отдернула штору. И комнату залил утренний золотистый свет.

– Мам, – сонно позвала Рут, – уже утро?

– Да, – ответила, не оборачиваясь, Эстер. – Если хочешь, вставай.

Рут вздохнула и, зарываясь в подушку, ответила:

– Я ещё поваляюсь.

Обычно Эстер ей это не разрешала, но сегодня, в такой день...

– Хорошо.

Удивлённая её согласием, Рут села в постели.

– А почему?

Эстер наконец оторвалась от окна и рассмеялась.

– Потому что потому.

И вполне удовлетворённая ответом, Рут опять нырнула под одеяло. Но лежать ей быстро расхотелось, она вылезла из кровати и в пижамке зашлёпала на кухню.

– Мам, а чего...?

– А чего ты неумытая и неодетая? – не дала ей договорить Эстер.

И Рут облегчённо вздохнула: мама была обычная, как всегда.

После завтрака Эстер собиралась за платьем, но Рут заявила, что пойдёт с ней. Все её куклы и игрушки уже там, здесь ей играть не во что. Эстер пришлось согласиться, что сидеть одной дома дочке скучно, а оставить её играть на улице – так потом отмывать замучаешься, а время сегодня дороже денег. И они пошли вместе.

Колетт Перри утверждала, что она француженка, по крайней мере наполовину, и с ней никто не спорил, хотя она больше походила на трёхкровку. Но шила она хорошо, ловко делая из дешёвой материи и блёсток сногшибательные туалеты. А уж из чего-то приличного она просто чудеса творила.

Платье было не белым и не серым, а нежно-жемчужным, переливчатым. Нижняя юбка из той же ткани, длинная с оборкой до пола, делала его свадебным, а без неё – элегантное платье для визитов, и юбку можно носить отдельно, как просто нарядную.

– Спасибо, Колетт, – Эстер медленно оглядывала себя в большом трёхстворчатом зеркале.

– Да, мой бог, Эстер, – Колетт по-свойски подмигнула ей в зеркале, – такой шанс раз в жизни выпадает, я же понимаю. Как покажешься в первый раз, так потом и пойдёт, уж поверьте, мы, француженки, в этом понимаем. Говорят, что мужчине надо удивлять, ну, чтоб не остыл, вы понимаете, а я скажу, что мужчины – толстокожи, как слоны. Его надо удивить один раз, но так, чтобы хватило надолго, чтоб как обалдел, так и не очухался. А каждый раз новое выдумывать, так обязательно где-нибудь, да дашь промашку.

Эстер слушала её болтовню и улыбалась своему отражению, узнавая и не узнавая себя.

– Мам, ты так и пойдёшь? – подала голос Рут.

– Не сейчас, – ответила Эстер.

И вздохнула: так не хотелось снимать эту роскошь. Но Колетт уже хлопотала с коробками: для платья, для юбки, для цветов.

– Мой бог! – ахнула Эстер. – Как я донесу?!

– Мам, я цветы возьму, – предложила Рут.

– Хорошо, – кивнула Эстер, застёгивая своё «будничное, но приличное» платье.

– Да не бери в голову! – Колетт оглядела коробки и позвала: – Жанно! Ты где, бездельник? – и, когда в примерочную вошёл смуглый голубоглазый подросток, распорядилась: – Отнесёшь заказ мадам.

Эстер взяла свою сумочку и достала деньги. Она их при готовила ещё дома, дважды пересчитала, обернула бумажной полоской наподобие банковской, но всё никак не могла поверить, что отдаст, ведь... ведь это почти, да что там, больше её месячных трат вместе с квартирой и электричеством. И... и деньги не её, их дал Ларри. Ещё в ресторане, когда они обсуждали предстоящую свадьбу, он достал из бумажника, дал ей, не пересчитывая, а сколько достала рука, и очень просто сказал:

– Вот. Купи всё, что нужно, – и улыбнулся: – И всё, что хочешь.

И она пошла к Колетт, и заказала шикарный фасон из дорогой материи, и с надбавкой за срочность.

Эстер протянула Колетт деньги. Ты взяла их, быстро, не разворачивая обёртки, пересчитала и сунула то ли за пазуху, то ли во внутренний карман.

– Ну же, Жанно, поторапливайся.

Жанно легко и ловко взял обе коробки, покосился на Рут, бережно прижимавшую к груди коробку с цветами, и буркнул:

– Пошли, что ли.

– Ты что это себе позволяешь, поросёнок?! – шлёпнула его по затылку Колетт. – Ступай и будь вежлив, тогда и тебе перепадёт. Грубияну чаевых не видать! Ни конфет, ни мороженого не будет.

Жанно ухмыльнулся: умеет мать так повернуть, чтоб и ему перепало. Теперь-то уж точно не забудут. А с таким заказом меньше кредитки не отвалят.

Они шли по улице целой процессией. А возле их дома топтался негритьёнок лет восьми с коробкой из цветочного магазина.

– Во, ваш букет, мэм, – выдохнул он, преданно распахивая до предела глаза.

Эстер рассмеялась и кивнула.

– Молодец, отнесёшь наверх – получишь на конфету.

Негритёнок расплылся в блаженной улыбке, но тут же настороженно покосился на Жанно: как бы тот не отнял чаевых. Эстер перехватила и поняла этот взгляд. И, когда они поднялись и вошли в квартиру, сразу забрала букет, дала монетку и отпустила малыша.

– А теперь ты, – она улыбнулась Жанно. – Положи их вот сюда, на диван. Спасибо, держи.

Увидев целых две кредитки, Жанно радостно покраснел и, шаркнув ногой, склонил в полупоклоне – как мать учила – голову.

– Рад был услужить, мадам, заходите ещё, мадам.

И не вылетел, как та мелюзга голопузая, а степенно вышел, с вежливой бесшумностью прикрыв за собой дверь.

Ну вот, Эстер посмотрела на свои часы, дешёвые, но надёжные мужские часы на потёртом кожаном ремешке. Их оставил ей Эд, уезжая на работы.

– Всё равно отберут, – сказал он на прощание. – А ты, если припрёт, продашь. Всё деньги.

Она не продала, сохранила. Ладно. Эстер тряхнула головой. Вымыть и причесать Рут, вымыться самой, переодеть Рут и переодеться, и... и будет пора идти. И как она в таком платье пойдёт через весь Цветной к церкви? Но Ларри обещал, что проблем не будет. Ладно, посмотрим.

– Рут, пора мыться.

– Уже?!

– Да, уже. Давай, девочка, не упрямься.

В принципе, Рут была послушной, только иногда, как бы играя, капризничала. Но сегодня не тот день.

Вымыв Рут, Эстер велела ей сидеть и сушить волосы и стала мыться сама. У неё оставалось ещё немного дорогого душистого мыла, и она решительно извела весь кусок.

Когда она, вымывшись и на ходу вытирая голову, вышла из ванной, Рут сидела у открытого окна, гримасничая и с кем-то болтая.

– Так, – спокойно сказала Эстер.

– Ой, мама! – сразу обернулась Рут. – А я тут...

– Я вижу, – кивнула Эстер, обматывая полотенце как чалму вокруг головы. – Давай расчёсываться.

– Я ещё не высохла!

– Тем более.

Рут вздохнула и пересела на валик-подлокотник дивана, где её обычно расчёсывали. Эстер разобрала, расчесала ещё влажные спутанные кудряшки, заплела в две косы.

– Мам, а у меня коса выросла?

– Да, на четверть дюйма.

Обычный вопрос и столь же обычный ответ, означающий конец расчёсывания.

– А теперь одевайся.

В розовом новом платье, нарядных белых туфельках и белых гольфах Рут была чудо как хороша, и Эстер немного полюбовалась ею, притворяясь, что расправляет оборки на подоле и рукавах-фонариках.

– Ну вот, а теперь посиди, пока я буду одеваться.

– Ладно, – согласилась Рут, усаживаясь на край стула и расправляя вокруг себя пышную юбочку.

Эстер стала одеваться. Ей пришлось купить себе новые лифчик и трусики, пару тонких чулок-паутинок: нельзя же под такое платье надевать абы что, «приличное» старьё, хорошо, её нарядные, ещё Эд покупал, белые туфли по-прежнему хороши, правда, она и надевала их... да, сегодня в третий, нет, в пятый раз, и так... да, это с ума сойти, сколько она потратила, но – Эстер лицемерно вздохнула – но это же не просто так, она должна быть на уровне, держать марку. Сколько у неё осталось от денег, полученных на работе и тех, что дал Ларри, она стара-

лась не думать. У неё свадьба, она – невеста и должна быть счастлива, а счастье не в деньгах, говорил Дэвид, счастье – не думать о них. Она и не думает. Хотя бы сегодня.

Эстер причесалась, цветы она приколет, когда оденется, надела юбку, платье, застегнула молнию на спине и стала прикалывать цветы. Фату она решила не делать, и Колетт с ней согласилась: в самом деле, ну, какой символ невинности у вдовы, и тратить материю на то, что потом никак не сможешь использовать, просто глупо, а вот сумочка-ридикюль из обрезков – это совсем другое дело.

О том, как она в такой юбке пойдёт, вернее, во что эта юбка превратится, пока она по пыли и грязи дойдёт до церкви, Эстер тоже не думала. И потом, вчера, когда зашла об этом речь, Ларри попросил её не волноваться. Она и не волнуется. Хотя с него станется явиться сюда и донести её до церкви на руках. И силы, и безрассудства у него на это хватит. Эстер засмеялась, представив себе эту картину.

Ну вот, она готова. Эстер достала из шкатулки на комодке свои серёжки, простенькие позолоченные колечки, вдела их в уши, из коробочки с вензелем кольцо. Им сегодня их обвенчают. Ну...

На улице вдруг раздался такой детский визг, что Рут сорвалась с места и кинулась к окну. Выглянула и тоже завизжала с таким восторгом, что Эстер подбежала к ней и замерла.

Под окном стоял украшенный цветами экипаж, и даже у лошади между ушами был пристроен маленький букетик. И Доббин, сидя на козлах, поднял голову и широко улыбнулся.

– Так что мы уже туточки, милости просим, вмиг домчу.

Так... так вот что сделал Ларри! Нанял Доббина, что обычно возит белых гуляк по центру Колумбии, всяких богатых психов, которым такси надоело, и... и сегодня же суббота, самая работа у Доббина, сколько же ему Ларри заплатил? Мой бог, с ума сойти!

– Иду! – крикнула Эстер, быстро закрывая окно. – Рути, собирайся. Быстренько.

– А я готова!

Рут уже стояла у двери в обнимку с букетом. Эстер быстро сунула в сумочку кошелек с остатком денег, пудреницу, носовой платочек, поглядела в зеркало – хорошо ли приколоты цветы.

– Всё, Рути, идём.

Два привычных поворота ключа, ключ в сумочку, и она, непривычно придерживая длинную юбку, спускается по лестнице. Рут уже обогнала её и вылетела на улицу.

О мой бог, да вся их улица уже собралась вокруг. Её поздравляют, желают счастья, Рути уже восседает на переднем сиденье, крутится как юла. Доббин помог Эстер забраться в коляску, подождал, пока она заберёт у Рут свой букет и возьмётся свободной рукой за поручень, молодецки вскочил на козлы и звонко щёлкнул кнутом.

– О-ёй, Малышка, вперёд! Дорогу самой красивой невесте, дайте дорогу, а то жениху уже невтерпёж! – его чёрное лицо лоснилось и блестело.

Тёмно-гнедая вычищенная до блеска Малышка, потряхивая головой, быстро перебирала ногами, а Эстер казалось, что она, и коляска, и Рут, и Доббин медленно, как это бывает во сне, плывут над землёй.

Ларри ждал их у входа в церковь. В чёрном костюме от Лукаса, лаковых ботинках, и смущавшими его своей непривычностью белым мохнатым цветком в петлице и белым галстуком-бабочкой. Сам он предпочёл бы свой обычный сдержанно тёмный галстук, но раз так положено... бабочка у него получилась только с третьего захода, и он очень боялся, что опоздает, нехорошо заставлять невесту ждать, да и у отца Артура масса дел в субботу.

Но он успел. И только поздоровался с отцом Артуром, отдал ему своё кольцо – самое простое, сделал, получив согласие Эстер, и, разумеется, аналогично оформил по книгам и сче-

там – и ещё раз напомнил Марку, что тот должен вести себя достойно событию, как послышался шум множества голосов, перестук копыт и весёлый клич Доббина.

– О-ёй, Малышка!

Откуда-то у церкви собралась целая толпа. Знакомые, полужнакомые и вовсе не знакомые, но все весёлые и доброжелательные. И подъехавшую Эстер встретили такими шумными приветствиями, что Малышка испуганно застригла ушами, и Доббин, быстренько спрыгнув на землю, взял её под уздцы, а то ещё понесёт, не дай бог...

Ларри помог Эстер выйти из коляски и повёл в церковь. Марк, подражая отцу, подал руку Рут. А следом, толпясь и почтительно затихая в дверях, повалили все остальные. А когда расселись, все места на скамьях оказались заняты, и опоздавшие вставали вдоль стен и в дверях. Ларри и Эстер такое многолюдство смущало, но отец Артур уже начал службу, и им стало ни до чего.

Отец Артур сказал прочувственную, вызвавшую вздохи, а у многих женщин и слёзы, речь и начал обряд. Вопросы о согласии и препятствиях, клятва, обмен кольцами и наконец:

– Муж и жена, поцелуйте друг друга.

Ларри и Эстер послушно поцеловались, вернее соприкоснулись лицами. И церковь зашумела поздравлениями и пожеланиями, кто-то даже в ладоши захлопал.

– А теперь, – звонко закричала Мона Слайдер, она не утерпела и тоже прибежала в церковь, – теперь букет, Эсти! Кидай букет!

Многие не знали этого обычая и недоумевающе смотрели на Мону. Разрумянившаяся, с заметно уже выпирающим животом, она стала объяснять:

– Невеста кидает букет, а кто поймает, та уже в этом году замуж выйдет.

Эстер, смеясь, кивнула, и отец Артур, улыбаясь, согласился. Мона решительно развернула Эстер за плечи спиной к скамьям.

– Вот, вверх и за спину, не глядя кидай.

За спиной Эстер шла ожесточённая борьба за место впереди. Хорошо, что отец Артур ещё не ушёл, а то языки у девушек из Цветного... не дай бог попасться, такое о себе услышишь!

Сильно размахнувшись, Эстер подбросила букет и быстро обернулась посмотреть, кому посчастливилось. Но букет ещё чуть ли не в воздухе поймали и растеребили, и теперь боролись, почти воевали хоть за цветочек, хоть за листик. Смеялся и отец Артур: такими по-детски невинными были эти шум и борьба.

И снова поздравления. Колетт поцеловала Эстер в щёку и пожала руку Ларри, с удовольствием выслушав благодарность за такое восхитительное платье.

А когда наконец вышли из церкви, их встретил... Доббин и пригласил в коляску.

– Это уже от меня. В подарок, – важно сказал он, усаживаясь на козлы.

Взвизгнув от восторга, Марк и Рут полезли в коляску. Ларри посадил Эстер и сел сам.

И хоть от церкви до ресторана рукой подать, и Ларри, и Эстер потом казалось, что ехали они долго.

В «Чёрном лебеде» их встретили у входа и проводили к заказанному уже накрытому столу.

Они никого не приглашали, но к их столу то и дело подходили знакомые, полужнакомые и совсем не знакомые люди, и Ларри с Эстер вставали, принимая поздравления. Из-за этого обед длился очень долго. К десерту Рут и Марк уже устали вести себя хорошо, и Эстер пришлось строго посмотреть на них. Но обед уже заканчивался. Эстер улыбнулась Ларри, взяла сумочку и встала.

– Мы сейчас. Рути, пойдём.

Рут поглядела на мать и полезла из-за стола, держа наотлёт испачканные шоколадным кремом руки, чтобы не задеть платье. Воспользовавшись тем, что отец смотрит им вслед, Марк быстро облизал пальцы и уже тогда вытер их салфеткой.

В дамской комнате Эстер умыла Рут и сняла длинную юбку. Ну вот, теперь всё в порядке. Служительница помогла ей уложить юбку в большой бумажный пакет.

– Мама, а теперь домой? – спросила Рут.

– Да, – кивнула Эстер, расплачиваясь со служительницей.

Возвращаться в зал, ставший уже шумным и дымным – всё-таки субботний вечер – ей не хотелось, но, когда они вышли из дамской комнаты в вестибюль, Ларри и Марк уже стояли здесь и ждали их.

Субботний вечер – самое лучшее время. Бары, салуны, кафе, дансинги – всё переполнено, всюду музыка, огни, весёлые и, хотя бы на один вечер, но богатые люди, женщины обворожительны, а мужчины щедры. Они шли сквозь этот гул и пёстрый свет, и Рут держалась за руку Ларри, а Марк взял за руку Эстер, и получилось это само собой. Они все вместе, одна семья.

Стоя у стойки бара, Чак в открытую дверь видел, как Ларри со своей... жёнушкой прошёл мимо. Смешно, но совсем мужик обалдел, нашёл в кого втрескаться, она же не на него, на деньги его нацелилась. Любому недоумку ясно, что на хрена ей, условно-недоказанной, негр черномазый, могла и получше подцепить. Ну, так не зря говорят, что она то ли у жидов служила, то ли чуть ли не сама жидовка. Хотя вряд ли, жидов всех кончили, ещё Старый Хозяин на это своего ублюдка, старшенького, который в СБ заправлял, ставил. Жида – они богатые, а Старый Хозяин не терпел, чтобы чужое богатство к нему не перешло. Ну, так значит, служила, там и набралась жидовского духа, влип Ларри, выдоит она его, а дурак втрескался по уши и ни хрена не соображает, аж лоснится от счастья. Нет, одному куда лучше. Чак допил свой стакан, не глядя бросил на стойку кредитку и пошёл к выходу. Ладно, пройдётся сейчас по барам, найдёт себе на ночь, баба – не проблема, когда деньги есть. А хомут себе на шею вешать... это для дураков. Вроде Ларри.

Когда Ларри с Эстер и детьми подходили к своему дому, стало уже совсем темно. И дом был тёмн и пуст. Ларри достал из кармана ключи и открыл дверь. В холле Эстер посмотрела на Рут и рассмеялась:

– Мой бог, Рути, ты же уже спишь.

Рут только вздохнула в ответ.

– Рут, Марк, – Эстер порывисто бросила свою сумочку на столик, – быстро наверх, спать, – и, видя, что у Марка тоже закрываются глаза, охватила их обоих за плечи и повела наверх, что-то быстро и ласково приговаривая на ходу.

Ларри тоже устал, но он положил рядом с сумочкой Эстер её пакет и заставил себя пройти в гостиную к камину и разжечь огонь, потом достал из бара и поставил на столик бутылку шампанского и два бокала, и уже на последнем усилии подошёл к окну, задернул шторы, вернулся к камину и сел в кресло. Эсти уложит детей и спустится. Он подождёт её здесь. Она придёт.

Уложив и поцеловав Рут, Эстер выключила в её комнате свет и зашла в комнату Марка. Тот уже разделся и лёг, но не спал. Эстер подошла к кровати и наклонилась над ним.

– Спи, Марк, уже поздно.

– Да, – он упрямо таращил слипающиеся глаза. – Я только спрошу...

– Ну, конечно, – она бережно подоткнула ему одеяло: судя по голым плечам, он спит без пижамы. – Вот так, а то ещё продует. Так, что ты хочешь узнать, Марк?

– Я уже могу звать тебя мамой?

– Ну, конечно, сынок, – Эстер осторожно коснулась губами его лба. – Спи, сынок. Оставить тебе свет?

– Нет... мама. Я... сплю.

Марк повернулся набок, свернулся клубком. Эстер плотнее укутала его, ещё раз поцеловала и вышла, погасив свет. А где Ларри? В спальне? Нет, там темно. Тогда... вниз? Эстер

прошла к лестнице и стала спускаться. На полу холла лёгкий отсвет из... гостиной? Какой большой дом, как бы не заблудиться – улыбнулась она.

Ларри всё-таки даже не задремал, а заснул. И разбудили его лёгкое прикосновение к плечу и голос:

– Устал, милый?

Ларри вздохнул и открыл глаза.

– О, Эсти, прости.

– Нет, что ты, всё в порядке, – Эстер села в кресло напротив. – Дети спят.

– Да, спасибо, – Ларри потряс головой и сел прямо.

– Это тебе спасибо, Ларри, – улыбнулась Эстер. – Всё было так чудесно.

– Ты... – Ларри сглотнул, – ты очень красивая, Эсти.

Решимость и уверенность в успехе, поддерживавшие его все эти сумасшедшие дни, вдруг исчезли. Он совсем не знал, что говорить и делать, как оттянуть страшный момент их прихода в спальню, наступления первой брачной ночи, его первой ночи с женщиной.

– Эсти, я не стал заказывать шампанского в ресторане из-за детей, – начал он зачем-то объяснять. – Я думал... лучше здесь.

– Да, – кивнула Эстер. – Да, конечно, – и потянулась к бутылке. – Конечно, давай выпьем. Я открою...

– Нет, – Ларри оттолкнулся от кресла и встал. – Это должен сделать я.

Он достаточно быстро справился с пробкой и налил в бокалы золотистый, сразу вспухающий чуть шелестящей пеной напиток, поставил бутылку и взял бокал. Эстер взяла свой и тоже встала.

– За наше счастье, Ларри, – весело сказала она, видя, что он молчит. – За счастье наших детей.

– Да, – кивнул Ларри. – Да, спасибо, Эсти, за счастье.

Ларри пил шампанское третий раз в жизни – в первый раз в именин на Рождество, во второй на приёме в день открытия салона – и знал его коварство. Сначала ничего, вроде обычной несладкой шипучки, а потом горячая волна по телу, и ты уже пьяный. Но... но он и хочет сейчас быть пьяным, ведь трезвым он не скажет ей того, что надо, что обязан сказать, побоится, а пьяный – всегда храбрец. Всё это мелькнуло в его сознании, когда он касался губами края бокала и делал первый глоток. Второго он так и не сделал. Потому что Эстер сказала:

– И поцелуемся. Ты ещё ни разу не целовал меня.

Он послушно шагнул к ней, наклонился, потому что макушка Эстер доходила ему точно до подбородка. Эстер сама обхватила его левой рукой за шею, держа бокал в правой, и запрокинула голову, подставляя ему свои губы.

А вот целоваться Ларри не умел и потому просто прижался своими губами к губам Эстер. Странно, но ничего такого особенного, что не слишком внятно описывалось в книгах, он не ощутил. Это было приятно, но... нет, наверное, он уже пьянеет, вот и не ощущает.

Оторвавшись от его губ, Эстер глотнула из своего бокала. Шампанское уже приятно кружило голову. Тогда, один-единственный раз, Эд тоже принёс шампанское, они выпили и пошли в спальню, сделав целых три шага от стола к кровати, а Ларри... в чём дело? Она ему не нравится? Но... но она знает, что это не так, что...

Ларри чувствовал её растерянность и понимал: это он что-то сделал не так, неправильно. Но... но... мой бог, как же всё это... глупо. Нет, он должен сказать, сказать всё, всю правду. И если Эстер рассердится, нет, обидится и уйдёт... ну, что ж, значит... значит, не судьба.

– Что с тобой, Ларри? – тихо спросила Эстер.

– Эсти, – Ларри судорожно вздохнул. – Я... я не знаю, что делать.

– А что, Ларри? В чём проблема?

– Эсти, я... я не знаю, ничего не знаю, – и обречённо: – Я в первый раз... ну, – она молча смотрела на него. – Ну, я никогда не был... с женщиной.

И, к его изумлению, после секундной безумно долгой паузы Эстер рассмеялась. Не обиделась, не удивилась, а рассмеялась.

– Ох, Ларри, а я уже невесть что подумала. Ларри, это всё неважно.

– Да? – недоверчиво переспросил он. – А что важно?

– Что мы любим друг друга, что мы муж и жена. Ведь так?

– Да, – обрадовался он. – Да, всё так.

– А тогда, – она заговорщицки улыбнулась ему, – пошли?

– Пошли!

Ларри залпом допил свой бокал и поставил его на стол.

Дрова в камине уже догорали, но Ларри всё-таки разбил их, размял кочергой, чтобы они тихо дотлели. В гостиной сразу стало сумрачно, почти темно, только платье Эстер различимо. Ларри взял её за руку и уверенно, снова чувствуя правильность совершаемого, повёл в холл, вверх по лестнице и по коридору в их спальню. И только там включил свет. И опять растерялся. А теперь что?

– Эсти...

– Всё в порядке, Ларри. Так, – Эстер решительно огляделась. – Ты иди, мойся, а я пока переоденусь.

Ларри послушно пошёл в ванную.

Какое счастье – наконец разуться и снять галстук! Ларри разделся и тут сообразил, что ему некуда повесить костюм. Он осторожно выплянул. Эстер не видно, скорее всего ушла вниз за пакетом с юбкой – сообразил Ларри. Он быстро, пока её нет – а то он уже голышом – повесил костюм в шкаф, поставил на место лаковые ботинки, бросил бабочку на комод и юркнул в ванную, когда дверь спальни уже стала открываться.

Войдя в спальню, Эстер достала из пакета и расправила юбку. Да, потом она будет носить её с кофточкой. Открыв шкаф, она увидела костюм Ларри и улыбнулась. Ну да, правильно, вон слышно, как в ванной шумит вода. Она быстро разделась, повесила платье и юбку в шкаф, поставила вниз туфли, цветы... пока на комод, рядом с бабочкой Ларри. Чулки, бельё... всё стирать. Прямо на голое тело накинула халат и стала доставать из комода ночную рубашку. За её спиной приоткрылась дверь ванной.

– Ты ложись, я сейчас, – сказала, не оборачиваясь, Эстер.

Прижимая к груди под халатом свою лучшую рубашку, она прошла мимо кровати в ванную.

Ларри лежал и слушал, как журчит в ванной вода. Да, конечно, Эстер устала, а он со своими глупостями, всё тело ломит, как будто он опять весь день на дворовых работах отпахал, а он не пьяный совсем, хмель уже кончился. Ларри тоскливо вздохнул. Всё совсем не так, как он когда-то читал, и не так, как трепали по ночам в рабском бараке. Так уж у него жизнь сложилась, Эсти поймёт, должна понять.

Эстер обмылась под душем, вытерлась, надела рубашку и оглядела себя в большом настенном зеркале. Что ж, вполне и даже очень. Надела халат. Ещё раз оглядела себя, и, храбро улыбнувшись, вошла в спальню, выключив по дороге свет в ванной.

Ларри ждал её, лёжа в постели, укрытый по грудь одеялом. Могучие руки лежат вдоль тела. Без пижамы, как и Марк – мимолётно подумала Эстер.

– Я погашу свет? – предложила Эстер, решив, что в темноте им будет удобнее.

– Как хочешь, Эсти, – готовно согласился Ларри.

Эстер выключила свет, сбросила халат в изножье кровати и легла. Нашарила ладонь Ларри и сжала её.

– Ну же, Ларри.

– Да, Эсти, – он порывисто повернулся к ней. – а, я...

Они были совсем рядом, и он обнял её, уже смелее поцеловал в губы. Руки Эстер обвились вокруг его шеи. Ларри, уже плохо соображая, не понимая, что с ним происходит, и не желая это понимать, прижимал к себе Эстер, наваливался на неё.

– Сейчас, Ларри... Вот так...

Высвободив руку, Эстер потянула вверх рубашку. И Ларри понял, не понимая, что ему надо раздеть Эстер. Комкая, сминая ткань, он тянул, толкал её вверх, пока их тела не соприкоснулись, и он не ощутил своей кожей кожу Эстер. Она тихо засмеялась, и он – уже смелее – ткнулся в неё.

Согнув и разведя ноги, чуть-чуть подправив руками, Эстер помогла ему войти. От страшного неиспытанного раньше напряжения Ларри зажмурился. Он ничего не видел и не создавал, как в беспамятстве. Это не он, а кто-то другой, словно прятавшийся все эти годы где-то внутри него, а сейчас властно завладевший его телом.

И вдруг всё кончилось. Ларри удивлённо вздохнул, как всхлипнул, и откинулся, упав на спину. Рядом так же тяжело, постепенно успокаиваясь, дышала Эстер. Ларри сглотнул, переводя дыхание, и тихонько позвал:

– Эсти...

– Да, Ларри, – выдохнула Эстер и потянулась. – Как хорошо.

– Да, – согласился Ларри. – Хорошо.

Ему захотелось спросить, что это такое было, но он постеснялся. И по-настоящему не было сил ни говорить, ни шевелиться. Смутно он ощущал, что с ним что-то случилось, он изменился, стал другим. И... и это хорошо, он не понимает, но уверен в правильности совершившегося, и ощущение лёгкости, опустошённости даже приятно. Губы Эстер касаются его щеки.

– Спи, милый, спасибо.

Ларри хотел ответить, что это он благодарен ей, но он уже спал и только бесшумно шевельнул губами в ответ. Эстер осторожно, чтобы не разбудить его, оправила рубашку и натянула на плечи одеяло. Ну вот. Вот теперь они – муж и жена. У неё семья, дом, как бы Рут, проснувшись, не испугалась темноты, надо было оставить ей свет, да, купить ночнички, во все спальни, Марку нужна пижамка, и халата она не видела, и Ларри тоже... Мой Бог, какие траты впереди, а они так шиканули... шикарная была свадьба. Эстер улыбнулась, не открывая глаз.

На рассвете Рут проснулась и села в кровати, удивлённо оглядываясь по сторонам. Это... это же совсем другая комната! А где мама?

– Я сейчас испугаюсь, – предупредила она неизвестно кого и вылезла из кровати.

Тапочки у кровати были её, старые, уютные с вышитыми кошачьими мордочками. А вон её куклы. И медвежонок. А! Так, значит, они вправду переехали. И Марк, и тот, большой... Наверное, ей можно звать его папой, значит, они ей не снились. А где они все?

Сумрак в комнате совсем не страшный, за окном пели птицы, но Рут на всякий случай взяла с собой медвежонок и уже тогда вышла из комнаты.

В коридоре было темно, и Рут позвала:

– Мама... Марк... Где вы все? – и, помедлив: – Папа...

Ей ответила тишина. Она осторожно толкнула дверь рядом, и та открылась.

Эта комната была очень похожа на её, только кукол нет, а на кровати спал совсем чёрный мальчишка. Это же Марк! Рут подошла к кровати и подёрнула его за плечо.

– Марк!

– А?! – Марк рывком сел на кровати. – Кто здесь?

– Это я, – засмеялась Рут. – Ты забыл меня?

– Рути? – улыбнулся Марк. – Как здорово! А где...?

– Не знаю, – поняла его вопрос Рут. – Спят, наверное. Пойдём их искать?

– А зачем?

Марк вылез из-под одеяла и пошлёпал к комоду за трусиками. Что мальчик не должен ходить голым при девочке, как их учили в пансионе, он вспомнил, уже натянув их. Щекам даже жарко стало от прихлынувшей к ним крови. Но, кажется, Рут не обиделась и даже не заметила его оплошности, сидя на кровати и разглядывая картинки на стене.

Марк отдернул шторы, и в комнате сразу стало светлее.

– А зачем? – повторил Марк. – Пусть спят. Сегодня воскресенье, выходной.

– Да, – кивнула Рут. – И у них это, первая брачная ночь. Я слышала, что тогда нельзя мешать.

– Да, – согласился Марк, – я тоже слышал. Давай лучше пойдём вниз. Я знаю, где молоко и орехи. Поедим.

– Давай, – охотно прыгнула с кровати Рут, оставив там медвежонка.

Мама строго-настрого уже давно запретила ей шарить по буфету и брать без спроса что-либо, но Марк же старше, она не сама по себе, а с ним.

– А не заругают? – решила она всё-таки уточнить, когда они уже входили в кухню.

– Папка говорит, что еду покупают для еды, – гордо ответил Марк, залезая в холодильник. – Кружки вон в том шкафу, Рути.

Чтобы дотянуться до дверцы, Рут пришлось залезть на стул. Кружек было четыре, все белые с яркими, но разными картинками.

– Марк, твоя какая?

– С котёнком, а с лошадкой папкина.

– Тогда моя с птичкой.

Они сели за стол, и Марк разлил по кружкам молоко, а орехи высыпал из пакета прямо на стол.

– Вкуснота!

– Ещё бы!

Рут блаженствовала, болтая ногами. Завтракать неумытой, в пижамке, и вот так: орехами и молоком – нет, на старой квартире мама бы сразу проснулась и ничего бы этого не разрешила. Хорошо, что дом такой большой, и мама на другом этаже и, значит, их не слышит.

Эстер потянулась, просыпаясь. Как хорошо! Сквозь веки пробивался свет, и она нехотя открыла глаза. Да, уже утро. Она ещё раз потянулась и села. Сегодня воскресенье, можно спать сколько хочешь. Церковь... ну, им – она невольно хихикнула – сделают поблажку, все же всё понимают. Рядом тихо спокойно дышал Ларри. Эстер посмотрела на него, на улыбающиеся во сне большие широкие губы, осторожно поправила одеяло, укрывая могучую грудь, и встала. Надо посмотреть, как там Рут? И Марк? Даже странно: обычно в воскресенье Рут вскакивает ни свет ни заря, а сегодня...

Эстер накинула халат, нащарила, не глядя, ступнями тапочки и вышла из спальни.

Двери спален Рут и Марка открыты, а снизу... снизу доносятся детские голоса и смех. Ага, значит, они на кухне.

Эстер тихо и медленно – не от желания застать детей врасплох, а просто потому, что лень быстро двигаться – спустилась по лестнице и вошла в кухню.

Там царило веселье. На столе банки с анчоусами, пикулями и джемами, а Марк и Рут экспериментировали, пробуя всё вперемешку, засовывая друг другу прямо в рот самые лакомые кусочки. Пижамку Рут уже украшали пятна от соусов и джемов. На Марке – как сразу догадалась Эстер – пятен было просто незаметно, он сидел в одних трусах.

Стоя в дверях, Эстер молча смотрела на них. Она знала, что надо рассердиться, но не могла.

Первой её заметила Рут.

– Ой, мама! А мы тут...

– Вижу, что вы тут, – улыбнулась Эстер. – Неумытые, неодетые.

– Мам, а так вкуснее, – храбро возразила Рут.

Мама улыбается, значит, не сердится, а что они испачкались, так это пустяки, и не последнее съели в холодильнике ещё много всего. Она всё это сразу и высказала. Марк только кивал и поддакивал.

– Нет, – наконец отсмеялась Эстер. – Идите оба наверх, умойтесь и переоденьтесь. Марк, у тебя даже на трусах джем.

– Мам, а ты?

– А я сварю папе кофе.

– Он уже встал?! – соскочил со стула Марк.

– Нет, он спит, – крикнула им вслед Эстер. – Не будите его.

Ларри не спал, он был в той сладкой памятной с госпиталя дремоте, когда вроде всё слышишь, но тебя это как бы не касается. Всё, что было ночью, казалось теперь странным, даже неправдоподобным, но это было, и было с ним. И было... хорошо. Он многое слышал об... этом: трепотню в рабских бараках, болтовню на кухне в имении. Всё так и не так. И читал тоже об этом. В книгах всё было по-другому, но об этом же. И вот... это случилось с ним. Да, так получилось, что Эстер стала его первой женщиной, и он рад этому. Рад, что всё было именно так. По-человечески, а не по-рабски. В его доме, в спальне, после венчания в церкви, а не украдкой и второпях, как будто заглатываешь ворованное. И не по хозяйскому приказу, что совсем уж погано. И как же ему хорошо, именно поэтому хорошо.

– Ларри.

Он медленно открыл глаза и улыбнулся. Перед ним стояла Эстер. В розовом халате, волосы рассыпаны по плечам...

– Принести кофе сюда, или ты спустишься вниз?

Ларри медленно покачал головой.

– Ты не хочешь кофе? – удивилась Эстер.

Ларри улыбнулся ей, так же медленно, словно ещё во сне.

– А... дети... где?

– Дети? – Эстер улыбнулась и села на край кровати. – Представляешь, они потихоньку встали и такой разгром в кухне устроили, перемазались все, я их мыться отправила. Ладно, – она наклонилась и поцеловала его, – лежи, я сейчас принесу кофе.

Ларри хотел было обнять её, но Эстер легко встала и убежала, а в приоткрытую дверь всунулась голова Марка.

– Пап, ты спишь?

– Уже нет, – улыбнулся Ларри.

Марк – уже в джинсах и ковбойке, но босиком – вбежал в спальню. За ним вошла Рут в цветастом, но явно «будничном» платье. Марк с размаху сел на кровать, а Рут остановилась рядом. И Ларри с неожиданной для самого себя решимостью раскинул руки и обнял их, сразу обоих, и прижал к себе, поцеловал и отпустил.

– Ну вот, – Эстер вошла в спальню с подносом в руках. – А теперь идите, поиграйте во дворе.

– На улице? – уточнила Рут.

– Нет, во дворе, на улицу не ходите. Марк, обуться не забудь. Ларри, вот кофе.

Рут дёрнула Марка за руку.

– Пошли, – и шепнула: – А то ещё мама передумает.

Эстер поставила поднос на кровать и смотрела, как он ест. Кофе, хлеб с маслом... Ларри с наслаждением отпил.

– Мм-м, как вкусно. Эсти, – вдруг вспомнил он. – Эсти, ведь это я должен был подать тебе кофе.

– Я просто раньше проснулась, – рассмеялась Эстер. – Но ты не огорчайся, в другой раз это сделаешь ты.

– Да, – кивнул Ларри, – обязательно. Эсти...

– Да, Ларри.

– Эсти, ночью... – он запнулся, не зная, как сказать об этом.

Но Эстер его поняла.

– Ночью всё было восхитительно.

– Тогда, – Ларри поставил кружку на поднос. – Тогда, Эсти, почему бы нам... не повторить? Ну, это. Ну, раз тебе понравилось.

– А тебе нет? – спросила Эстер, переставляя поднос на тумбочку.

– Очень понравилось, – Ларри сам удивлялся, откуда у него что берётся, но остановиться не мог и не хотел. – Но я не распробовал.

– Ах ты, лакомка, – рассмеялась Эстер, целуя его и одновременно ловко уворачиваясь от его рук. – Я только дверь закрою, а то дети...

Сидя в кровати, Ларри смотрел, как Эстер прошла к двери, повернула задвижку, но... но повернула к окну. Зачем?

Дёрнув за шнур, Эстер раздвинула шторы, и спальню залил утренний весёлый свет.

– А это зачем? – спросил Ларри.

– А разве ты не хочешь меня видеть? – ответила вопросом Эстер.

Она медленно шла от окна к нему, развязывая на ходу пояс халата.

– Хочу, – кивнул Ларри.

Он решительно откинул одеяло и встал ей навстречу.

– А ты? Ты хочешь видеть меня?

– Конечно, Ларри.

Они обнялись. И Ларри уже смело, уверенный в своей правоте, столкнул халат с плеч Эстер. Тот упал на пол к их ногам. Эстер обняла Ларри за шею, потянулась вверх к его губам, и Ларри наклонился: иначе ей не достать, он слишком высок. Их губы встретились. Поцелуй в книгах – как хорошо помнил Ларри – не описывался, просто «слились в страстном поцелуе», но Ларри уже не боялся сделать что-то не так. И рубашку с Эстер он снял, не запутавшись и ничего не порвав.

Губы Эстер прижимались к его шее, груди, плечам. Она целовала его, бесстрашно подставляя своё тело его губам и рукам. Так, целуясь, они опустились на кровать. И Эстер уже не пришлось помогать ему.

Он сам не ждал, что будет так... просто. Да, его снова сотрясала дрожь напряжения всего тела, но это напряжение ощущалось даже приятным. Тело Эстер было податливым, он это вдруг как-то сразу ощутил и понял, что она не сопротивляется, что ей тоже приятно. И делает он всё правильно, как должно.

Эстер вдруг тихо застонала, но не от боли – это он тоже сразу понял, у него самого клоко-тал в горле и рвался наружу крик. Напряжение стало невыносимым, снова как ночью он зажмурился... и вдруг... вдруг странное ощущение вырвавшейся наружу силы, и сразу лёгкость и пустота внутри, и сладкое обессиленное оцепенение.

Ларри хрипло выдохнул и, распластавшись, соскользнул с Эстер, лёг рядом. Все мышцы дрожали, дёргались мелкой затихающей дрожью. Ларри вздохнул и открыл глаза. И увидел влажно блестящее лицо Эстер, её глаза.

– Эсти... – всхлипнул он. – Спасибо тебе, Эсти.

Она протянула руку и погладила его по лицу.

– За что, Ларри?

– Что это ты, что ты есть.

Преодолевая усталость, он повернулся набок и осторожно положил руку на её плечо.

– Ты... ты необыкновенная, Эстер, ты самая лучшая, самая красивая.

Он говорил медленно, и Эстер чувствовала, что он не вспоминает, не повторяет чьё-то, а это его, его собственные слова, он в самом деле так думает.

Осторожно-осторожно Ларри дотронулся до лица Эстер, провёл кончиками пальцев по её щеке.

– Какая ты красивая, Эсти, – повторил он.

– И ты красивый, – улыбнулась Эстер.

– Да? – удивился Ларри и совсем по-детски: – Мне этого никто не говорил.

– Ну что ты, – Эстер восхищённо погладила его по плечам и груди. – Ты очень красив. Я люблю тебя, Ларри.

Ларри лежал и слушал, как она объясняла ему, какой он хороший, умный, красивый, сильный, добрый... и по-детски удивлённое выражение не сходило с его лица. Нет, что он сильный, он слышал после русского госпиталя, что он умный, ему как-то сказал ещё Старый Хозяин, а всё остальное... да и эти, уже слышанные слова об уме и силе у Эстер звучали, ну, совсем по-другому. И от них как-то даже щекотало внутри.

Эстер рассмеялась, глядя на него, и он тоже рассмеялся. Оцепенение и опустошённость прошли, хотелось двигаться и говорить.

– Эсти, ты же голодная, я-то ел, а ты... – он легко вскочил с кровати и встал над ней, огромный, ослепительно чёрный, блестя зубами и белками глаз. – Я сейчас пойду, приготовлю завтрак.

– Ты сейчас приведёшь себя в порядок, – Эстер сладко потянулась и встала. – И я тоже. А готовить надо уже ленч.

Ларри рассмеялся этому, как шутке, но, поглядев на часы, понял, что жена – да, правильно, именно жена – права.

Пока он мылся и брился в ванной, Эстер убрала постель и открыла окно, чтобы проветрить спальню, убрала в ящик комода его галстук-бабочку и свои цветы, что со вчерашнего дня так и валялись наверху. Да, надо отнести ему в ванную бельё... но Ларри уже вышел из ванной в обмотанном вокруг бёдер полотенце.

– Я сейчас, – Эстер взяла свои вещи и ушла в ванную.

Она старалась управиться как можно быстрее, но, когда вышла, Ларри уже не было, а его полотенце лежало на стуле. Эстер убрала полотенце на сушку в ванной, оглядела ещё раз спальню и побежала вниз.

Тетрадь шестьдесят девятая

122 год

Май

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

Козу называли Баськой. Знаменитой на всё Загорье Буське, что оренских кровей, она приходилась младшей роднёй. Баська была дымчато-серой с мягкой бородкой и пронзительно-жёлтыми глазами. В стадо её, как и положено, пустили с третьего дня, как на дворе пообвыкла, и теперь бабка торжественно наливала им по вечерам по стакану густого пахучего молока. Баська как раз отмеряла в дойку по два стакана и стояла спокойно, да и Ларька был тут как тут, подкармливая её листиками и корочками, за что получал право первого глотка.

Первая майская зелень жёстко топорщилась на грядках, разворачивались листки и тянулись вверх стебли. Артём с утра до вечера копался бы в огороде, но работа, школа, уроки... правда, ни Санька, ни Лилька от работы особо не увиливали. На себя ж пашешь, не на хозяина.

Нет, Артём был вполне доволен жизнью. И с деньгами дед здорово придумал. Сразу каждому его долю на отдельную книжку положил. Чтоб, когда вырастут и отделяться на своё хозяйство вздумают, чтобы было на что. Лучше всех Ларьке, конечно: он пока вырастет, у него такие проценты набегут, что о-го-го! Но и себя Артём обделённым не считал. Он – старший, и всё хозяйство его по праву и обычаю – объяснял дед, а бабка согласно кивала.

– Старший брат в отца место.

– Это как? – спросил Артём, облизывая медовую ложку.

– Ну, как отец ты младшим, – бабка походя ткнула Ларьку по затылку, чтоб вне очереди к тусеку не лез. – Ты в заботе об них, и они к тебе со всем почтением должны.

– Во, слышали?!

Артём строго посмотрел на Саньку и Лильку, и те дружно прыснули в ответ. Таким не всерьёз грозным было его лицо. Хмыкнул в бороду и дед.

Чай пили не спеша, от души. У деда на шее висит полотенце, чтоб пот утирать. Субботний чай после бани – это тебе не просто так. Гостей не ждали, комитетских проверок тоже, и сидели потому вольготно.

Допив свою чашку, Артём перевернул её вверх дном и посмотрел на деда. Тот кивнул, и Артём встал из-за стола, старательно перекрестился на икону. Он всё время забывал, когда это положено: до или после еды, и потому крестился дважды.

– Пойду уроки учить.

– С богом, – напутствовал его дед.

В горнице Артём взял с комода учебник истории и сел на лавку у окна, чтоб хоть остатки света прихватить. По истории и природоведению им теперь не только рассказывали, но и задавали читать и учить по книгам. Попадалось много незнакомых, а то и просто странных слов,

но где догадаешься, где у деда – он это любит – или в классе спросишь, так что справиться со всем можно.

Заглянула в горницу Лилька.

– Тёма!

– Потом, – отмахнулся он, не поднимая головы.

– Тебя там зовут.

– Кто ещё? – нехотя оторвался он от книги.

– А Максюту с Петрухой.

Артём закрыл книгу и встал.

– Ладно уж.

Максюту и Петруху он знал ещё с масленичных боёв. Оба не смогли его выбить, а он им навтыкал крепко, но зубы и носы в целости оставил. Потом они ещё пару раз дрались, но уже вместе против Серого Конца. Опять на драку, что ли, зовут?

В кухне никого не было – дед, значит, у бабки, ну и хорошо. В сенях Артём натянул на босу ногу сапоги, накинул куртку и вышел на крыльцо.

Солнце уже клонилось, и землёй пахло по-вечернему. Максюту и Петруху – тоже в пиджаках внакидку, из-под расстёгнутых до середины груди рубашек красуются по новой моде тельняшки, кепки ухарски сбиты на ухо – стояли с той стороны калитки, лузгая семечки.

– Привет, – сказал, подходя к ним, Артём.

Максюта кивнул, а Петруха протянул над калиткой кулак с семечками. Артём подставил горсть, и Петруха отсыпал ему. Постояли молча, и Максюту начал:

– Серяки-то... того... задираются.

– Не мало им было? – сплюнул прилипшую к губе шелуху Артём.

– Значитца, ещё хотят, – хохотнул Петруха.

– Ну, так что?

– А завтра... вечером... – Максюту любил говорить коротко.

– Идёт, – кивнул Артём. – У берёз?

– А где ж ещё? – Петруха оглядел быстро темнеющие улицы. – Мы ща на прошвыр. Ты как?

Артём мотнул головой.

– Завтра.

– Лады.

Дружески хлопнули друг друга по плечам и разошлись. Максюту с Петрухой дальше по улице, а Артём в дом. У берёз на поляне собирались попеть, поплясать под гармошку, там же и дрались из-за девок. Кто на чью да как поглядел. Артём компании не ломал, не нами заведено, не нам и менять, ну и коль со всеми, так и будь как все. А вот по вечеркам Артём не ходил: душно, тесно и все на виду, и лапаются... как в Паласе на разогреве. На фиг ему эта канитель?! А у берёз простор. Кто пляшет, а кто смотрит да зубоскалит. И завести на драку там куда легче. И не кино, где милиции навалом.

В доме было уже совсем темно, и, войдя в горницу, он включил свет. А малышня где? Но только успел подумать, как они – все трое – ввалились и затеребили его.

– Вы это где были?

– А на сеновале, – Лилька выдернула из косички соломинку.

– Понесло вас, – хмыкнул Артём, берясь за книгу и садясь уже к столу под лампочку. – У Ларьки репяха на макушке, не видишь, что ли, выдери.

– Да-а, – занял Ларьку, отодвигаясь от Лильки. – Лучше ты.

– Ну, иди, – вздохнул Артём.

Ларьку залез к нему на колени, и Артём осторожно выпутал из его тонких прямых волос сухой прошлогодний репейник.

– Совсем ты, Лилька, без ума. После бани да на сеновал.

Сеновал и чердак были любимыми местами для игр. Обычно Артём не вмешивался, а пару раз и сам там возился с ними. Хорошо там, кто ж спорит, но не после же бани.

– За книжки садитесь, обое, – распорядился Артём.

– Не обое, а оба, – важно поправила его Лилька, беря с комода свой с Санькой общий учебник по русскому.

– Повыпендривайся мне, – улыбнулся Артём. – Санька, а ты арифметику бери.

– А мне? – потребовал Ларька, всегда ревниво следивший, чтоб его хоть в чём не обделили.

– А тебе «Светлячок». Лилька...

– Да взяла уж. Держи, пискля.

Лилька дала журнал Ларьке, и тот удовлетворённо сел за стол со всеми. Про «Светлячка» Артём узнал у Эркина и рискнул раскошелиться. Пёстрый яркий журнал понравился всем, и дед решил, что стоит покупать, пусть малой смотрит и приучается. И к старшим не лезет, когда те с уроками сидят. А как-то Артём случайно подсмотрел, что и бабка листает «Светлячок», рассматривая картинки.

В горнице наступила сосредоточенная тишина. Бабка заглянула из кухни в горницу и снова ушла. Было слышно, как она негромко возится на кухне. Похоже, и дед там, но Артём не прислушивался. Он уже вчитался в текст и не мог, да и не хотел отвлекаться.

В открытую дверь дед видел склонённые над столом головы. Одна чёрная, две светло-русые и одна совсем белая. Что ж, пусть оно так и будет, а чего ж ещё? От добра добра не ищут, а у них сейчас всё по-доброму. И ежели что, не дай бог, конечно, но всяко может случиться, так Тёмка поднимет малышню, деньги на это есть. Земля, усадьба, полное обзаведение, дом... тысяч тридцать уйдёт, не меньше. Остаётся... Сколько останется, так тоже поделить поровну и добавить к тем, но это уже когда уходить будут, а пока пусть лежат, процентами обрастают.

Возится, звякая посудой, к ужину бабка, побряхтывает, да изредка ругнётся вполголоса дед, подшивая санькины расхожие ботинки, бормочет над картинками, играя сам с собой, Ларька. Тишина и благолепие, семейный вечер.

В понедельник Эркин шёл на работу не в самом лучшем настроении. Да, старшой заставил их подать друг другу руки, но в пивную, чтоб окончательно всё уладить, он не пошёл, убежал в школу. Как-то теперь оно будет? А если потребуют, чтобы он перешёл в другую бригаду? Неохота ему к Сеньчину, тот за масленичный позор ещё не рассчитался, будет отыгрываться.

Но про пятницу никто не поминал, и работать его бригадир поставил с Колькой и Саньчем. Похоже, обошлось.

Обычные разговоры, сытный и вкусный обед, и погода солнечная, но не жарко ещё. Так что работа идёт в охотку и даже в удовольствие.

– Пошёл!

– Беру!

– Левее, мать твою!

– Пошёл!

– Ещё подай!

Эркин и не заметил, когда подвалили ещё контейнеры, и уже не по двойкам и тройкам, а всей бригадой работаем. Бегом, не тряхнуть, не стукнуть... Опять платформы, где контейнеры крепят в распорку на тяжах.

– Эй, Мороз, ты к директору ничего не укатил?! – смеётся Колька.

Эркин нарочито серьёзно оглядывает двор.

– Да нет, все при деле, – и сам смеётся.

И в бытовке всё было уже как обычно. Только Ряха против обыкновения молчал о вождах и томагавках и избегал смотреть на Эркина. Но и Эркин очень естественно не замечал его.

Хотя темнело теперь значительно позже, но смена-то до одиннадцати, и, пока работаешь – незаметно, к тому же прожекторы на рабочем дворе сильные, а за проходную вышли... ночь уже.

Как обычно после второй смены Эркин шёл вместе с Миняем, разговаривая о всяких хозяйственных делах. Миняй затеял растить на лоджии овощи.

– Ящики с землёй поставил, посеял, – рассказывал он.

Эркин слушал, кивал, но не мог понять: зачем это Миняю.

– Слушай, – не выдержал он. – А зачем это? Ведь купить можно.

– Эх, – вздохнул Миняй, – не понимаешь ты. Это ж своё, со своей земли. Пусть горсточка, но своя.

– И что, намного дешевле получается? – после недолгого молчания спросил Эркин. – Ну, если не покупать, а выращивать.

– Так ещё вырастить надо, – невесело рассмеялся Миняй. – Да не в деньгах тут дело. Ты вот сам вырастил когда-нибудь хоть что?

Эркин покачал головой.

– Нет, я скотником был.

– Ну вот. А земля... это ж не умом понять, а нутром почуять надо.

Миняй глубоко вздохнул и замолчал. У Эркина вертелось на языке спросить, чего ж тогда Миняй брал квартиру, а не дом. Ссуду-то наверняка же получил. Но не спросил. Значит, не смог. Но Миняй заговорил сам.

– Земля сама не родит, на ней покорячиться надо, потом умыться, да не раз. А дом поставить да обиходить, а хозяйство... Моя-то в угоне надорвалась, там-то не смотрели, что баба, да на сносях, дети с голодухи угонной не отошли, а тут зарплата, да полдня твои, и квартиру обиходить не в пример легче. Ну, мы и прикинули... Не в гроб же ложиться. Земля – она, конечно, да жизнь-то дороже.

– Да, – кивнул Эркин. – Ничего нет дороже жизни.

За разговором дошли до дома, попрощались и разошлись по своим подъездам.

«Беженский корабль» спал. Спокойная тишина безмятежного сна. Бесшумно ступая, Эркин прошёл по коридору к своей двери и достал ключи. Прислушался. За дверью тишина, спокойная живая тишина. Эркин открыл дверь, стараясь не звенеть ключами, и вошёл.

В прихожей свет выключен, но открыты двери из ярко освещённых кухни и кладовки. Андрей не спит? И, стаскивая с плеч куртку, Эркин заглянул в кладовку. Андрей сидел у верстака и правил нож.

– Привет, – сказал он, не поднимая головы. – Смотри, купил сегодня. Не сравнить с тем, но я его до ума доведу, – и, когда Эркин вошёл и наклонился к верстаку, тихо сказал: – Не было письма.

Эркин кивнул, и Андрей совсем тихо, тише камерного сказал, как добил:

– И не будет.

Эркин мягко хлопнул его по плечу и вышел.

– Эркин? Пришёл? Ну, молодец, – выглянула из кухни Женя. – Мой руки. Андрюша, чай на столе.

– Иду, – откликнулся Андрей, гася лампу над верстаком. – Завтра доделаю.

Вымыв руки, Эркин сначала заглянул в комнату Алисы, а когда пришёл на кухню, Андрей уже сидел на своём месте и уверял Женю, что ничего лучше чая, ну, и всего остального, что на столе стоит, нет и быть не может.

– Эркин, садись, ну, как?

– Всё в порядке, – весело ответил Эркин и, поймав быстрый взгляд Андрея, улыбнулся и повторил: – В порядке полном и абсолютном.

– Ну, и отлично, – улыбнулась Женя. – Эркин, Андрюша уже сказал тебе?

– Мг-м, – кивнул Эркин, рот у него был занят.

– Мне очень нравится, а тебе?

– Что? – поперхнулся чаем Эркин. – Женя, ты про письмо?

– Какое письмо? – не очень искренно удивилась Женя. – Андрей часы себе купил.

– Ненаблюдательный братик у меня, – хмыкнул Андрей.

– Ну-ка, покажи! – ухватился за возможность замять свою оплошность Эркин.

– Смотри, – гордо вытянул над столом руку Андрей.

Плоские большие часы с секундной стрелкой были осмотрены и одобрены. И хотя Женя явно не хотела говорить о письме, а Эркин – тем более, Андрей всё же упомянул:

– Я пришёл, к коменданту заглянул. Нету. Ну, и на радостях купил себе. Часы и нож, – подмигнул Эркину. – Гулять, так гулять.

Эркин неопределённо повёл плечом, а Женя сказала:

– Андрюша, ну... ну, может, он занят.

– Знаю я, чем он занят, – хохотнул Андрей. – Я ж сказал. Нет и не будет. Не нужен я ему.

– Ну, Андрюша, – неуверенно настаивала Женя.

– Ладно, Женя, – спорить с ней при Эркине Андрей не рискнул. – Давай так. Ждём до... ну, ещё месяц. А... а давай на спор!

– Это как? Пари? – невольно рассмеялась Женя. – И что с проигравшего?

– Я проиграю, ну, придёт письмо, покупаю торт, большой и красивый. А не придёт письмо, так ты пирог печёшь, тоже большой. Идёт?

– Ну, ты и хитрый! – восхитилась Женя и протянула над столом руку к Андрею. – Идёт! Эркин, разбей.

С русскими правилами спора Эркин был уже знаком и, легонько стукнув ребром ладони по сцепленным пальцам Жени и Андрея, подтвердил условия пари.

– И до того дня молчок, лады? – Андрей отхлебнул чая и сам себе ответил: – Лады.

Эркин и Женя кивнули. Залихватское веселье Андрея обмануло бы любого, но не Эркина. И не Женю. Из-за чего психует Андрей, Эркин понимал смутно, но ощущал его... недовольство, обиду, ну, и просто сочувствовал. Да, конечно, хорошо, что письма нет, что Андрей остаётся с ними, но... но и обидно.

Допили чай, разговаривая о всяких мелочах, и Андрей встал.

– Ну, пора и честь знать. Кто куда, а я на боковую. Спокойной всем ночи.

– Спокойной ночи, Андрюша, – улыбнулась ему Женя и тоже встала, собирая посуду.

– Спокойной ночи, – кивнул Эркин. – Про школу не забудешь?

– Не держи за фраера, – камерным шёпотом ответил Андрей по-английски и выскочил из кухни. Но Эркин успел дать ему лёгкого тычка в спину.

Если Женя что и слышала за шумом воды, то не подала виду.

– Эркин, ты иди, ложись, я сейчас.

– Да, Женя.

Эркин тяжело встал из-за стола. О письме, обиде и прочем он уже не думал. Всё же решено: ждём месяц, а там... там видно будет, но лучше бы пирогом закончилось.

У себя в комнате Андрей быстро разделся и лёг. Часы положил на письменный стол. У Эркина, конечно, часы куда лучше, но они же офицерские, были в магазине похожие, но уж слишком дорого. Эркин сказал, что ему подарили. Шикарный подарок, что и говорить. Нет, те часы ему, в принципе, по деньгам, ссуда же, но и чересчур выпендриваться нельзя. И так... а нож ничего, не совсем то, но на совсем то разрешение в милиции надо выправлять. А вот этого совсем не надо.

Андрей потянулся и, уже окончательно засыпая, привычно завернулся в одеяло.

Майские тёплые, то солнечные, то дождливые дни, школа, работа, магазины, домашние хлопоты, отвести Алису на занятия, сделать уроки... дела и заботы наплывали на него, и Эркин, не сопротивляясь, плыл в этом потоке. И у него действительно всё хорошо, по-настоящему. И ему не нужно другого. Пусть ничего не меняется. И хоть видел он Андрея теперь только утром и поздно вечером, но... но ведь это неважно. И в бригаде у него всё наладилось.

Эркин шёл быстро, улыбаясь своим мыслям. Сегодня пятница, он с утра отучился, а Андрею после работы в школу, а вот завтра на шауни они уже вместе пойдут.

Впереди разлеглась поперёк тротуара лужа, и Эркин по-мальчишески перепрыгнул через неё. И в школе у него всё хорошо. Что русский, что математика, что история с природоведением. Ну... ну никак не думал, что учиться – это удовольствие. Удивительно даже. Удовольствие – это сытость, безопасность, хорошая работа, надёжное жильё, ну... ну, ещё можно набрать. Но учёба... он раньше даже не слышал о таком.

Как всегда, в дни, когда у него школа, он до или после уроков – смотря по смене – заходил пообедать к «Соловьям». Его здесь уже хорошо знали: а как же, вторник и пятница, в одно и то же, ну, примерно, время, и так уже почти три месяца. Половой сразу провёл его к столу, за которым он обычно сидел, обмахнул столешницу салфеткой.

– Как всегда?

– Как всегда, – кивнул Эркин.

Как всегда – это полный обед. И так тоже повелось с первого раза. Когда его спросили: «Чего тебе?», – и он ответил: «Пообедать».

Здесь не курили, еда была вкусной и сытной, и в развешенных по стенам клетках пели птицы. Как-то, заметив, что он вслушивается в птичье пение, сидевший за соседним столом немолодой, судя по обильной проседи в ухоженной бороде, но крепкий кряжистый мужчина с гордостью показал ему на клетку с самым голосистым.

– Мой это, – и стал объяснять: – Вот, принёс, чтоб молодые учились. Они ж друг у дружки перенимают.

– Так это школа, – радостно удивился Эркин.

– Это ты точно сказал, парень, – кивнул мужчина. – Ну, а мой учителем. Я его к самому Рогожину возил, чтоб от его певунов вот энто колено взять.

Слово за слово, услышав, что Эркин из Алабамы, бородач требовательно сказал:

– Не слышал тамошних. Ну-ка, покажи.

Эркин, как смог, тихонько посвистел, подражая слышанному на выпасе. К его удивлению, все птицы сразу замолчали, словно тоже прислушивались, а от соседних столов стали заинтересованно оборачиваться. И под одобрительные кивки людей Эркин закончил уже практически в полный голос. Конечная трель у него не очень получилась: не хватило дыхания, но бородач кивнул.

– Понятно. Небогато, конечно, наши больше колен дают, но одно там очень ничего было.

– Лешева дудка с каким переливом, заметил? – откликнулись от соседнего стола. – Надо подумать.

– Подумаем, – кивнул бородач.

Эркину уже надо было бежать в школу, и он простился с бородачом, даже не спросив его имени и не представившись. Но теперь, когда они иногда сталкивались в трактире, то кивали друг другу, и Эркин с удивлением заметил, что относиться к нему здесь стали заметно приветливее, видно, бородач занимал здесь не последнее место.

Сегодня его не было. Эркину хотелось спросить о нём, но как, не зная имени, объяснить, о ком речь, да и пора уже. Он расплатился и ушёл.

И снова шёл быстро. Не от боязни опоздать, нет, он был уверен в своём чувстве времени, а от ощущения своей силы и ловкости, от радостного чувства владения своим телом. Да, он набрал свою силу, взял всё, что ему было отпущено, и гибкость его, разработанность суставов, то, что уже сам сделал, – всё его. И уже возле завода пошёл в общей толпе.

– Хей! – окликнул его Маленький Филин.

И изумлённо уставился на Эркина, услышав вместо русского «Привет» или «Здравствуй» приветствие на шауни.

– Ты ж... ты ж не знаешь... – наконец выдохнул он.

– Не знаю, – кивнул Эркин. – Но я учусь.

Маленький Филин открыл было рот, но они уже у проходной. Пропуска... табельные номера... а дальше уже каждый к своей бытовке, а они у всех бригад не просто разные, а зачастую в разных коридорах.

У себя Эркин быстро переоделся. Совсем тепло, но чего-то небо опять хмурится, и он сунул в карман куртки свою рабскую шапку. Среди замызганных кепок и выцветших пилоток она смотрелась нормально, он потому и принёс её на смену ушанке.

– Мужики, готовы? – Медведев уже стоит в дверях. – Тогда айда.

Пятничная смена особая. Впереди два дня выходных, неделя свалена, так что... так что давай, старшой, полчаса побегаем – глядишь, на минуту раньше уйдём.

– Мороз, давай сюда. Откати их к путям, шас платформу подгонят.

– Ага, понял.

– Миняй, куд-ды ты её, давай левее.

У Медведева из-под кепки выбиваются слипшиеся от пота волосы. Ему пятничная смена – лишняя головная боль: задела оставлять нельзя, всё за смену разгрести надо.

Начали смену при солнце, а уже прожекторы включили.

– А насколько по асфальту катить легче.

– Ага, это ты сообразил, а тормозить? То-то!

– Ряха, мать твою, не мельтеши под ногами!

– Саныч, давай дурынду сюда!

– Мороз, без тебя закатят! Давай на мешки!

– А куда их?

– Геныч там. Увидишь!

И оглушающий звон обеденного сигнала. И хотя многие бросали свою ношу там же, где их застал звонок, Эркин всё-таки дотащил и свалил в штабель свой мешок.

– Упрямый ты, – хмыкнул Геныч, помогая выровнять ряд.

– Ага, – выдохнул Эркин, восстанавливая дыхание. – Айда?

– Айда, – согласился Геныч.

В столовой тоже всё как всегда вечером в пятницу. Выбор поменьше или вообще бери, что осталось, и народу немного.

Эркин, как обычно, сел с Колькой. Потом к ним подсели Петря с Серёней. Они собирались в воскресенье на танцы с дракой и договаривались кто кому втыкать будет. Эркин переглянулся с Колькой, и тот хохотнул:

– Как бы вам не навтыкали.

Петря пренебрежительно сплюнул, а Серёня вдруг согласился:

– Если с Николина конца, то могут. Там Тёмка, ну, он на масленичных всех перестоял.

– Он вам и навтыкает, – понял, о ком говорят, Эркин и встал.

Своё он уже съел, а впустую сидеть за столом не любил. Засмеялся, вставая, и Колька.

– Это уж точно.

К выходу они шли не спеша, чтобы всё отведённое на перерыв время использовать на полную катушку.

– А ты? – спросил Эркин. – Пойдёшь на танцы?

Колька пожал плечами.

– Не знаю, – и тихо. – Так на земле наломаешься...

Эркин кивнул. В самом деле, Колька один и кормилец, и добытчик, и работник, какие уж тут танцы. Это молодым гулять, силу тешить да перед девками красоваться. Они – парни, а Колька – хоть и холостой, а мужик. И неожиданно для себя спросил:

– Жениться не думаешь?

– Пока обхожусь, – хмыкнул Колька и нехотя пояснил: – На моё хозяйство не любая пойдёт, – и твёрдо закончил: – И не всякую позову.

Эркин кивнул. Понятно, что такой груз не каждой по силам, а уж про желание и говорить нечего. Это своя ноша не тянет, а чужая...

– Эй, мужики, – окликнул их Саныч. – Давай, что ли, становимся.

– Становимся!

Эркин плечом толкнул Кольку в спину и, доставая на ходу рукавицы, пошёл на своё место. Колька недоумевающе оглянулся на толчок, но, тут же поняв, кивнул с улыбкой.

Начал моросить дождь, и Эркин вытащил из кармана и натянул на голову шапку.

– Берись?

– Взял! – ответил он Генычу, взваливая на спину очередной мешок.

Привычная работа не мешала думать. Вот так же, подталкивая плечом в спину, он водил Зибо в рабскую кухню на еду, когда Зибо уже совсем ничего не видел. Они шлёпали через двор напрямик, по лужам, потому как, чтоб обойти, это Зибо надо за руку или за плечо вести, а тогда все увидят и всё сразу поймут, и окажется Зибо на Пустыре. Что-то Зибо всё-таки видел или просто помнил, но в кухне сразу шёл к столу, садился на своё место и вцеплялся обеими руками в миску. Он сидел рядом, и таскать у Зибо еду никто не смел, даже не рыпнулись ни разу.

Эркин недовольно тряхнул головой, отгоняя всё это, не нужное, мешающее сейчас. Ну, было это, ну, так что? Сейчас-то ему это совсем ни к чему. Зибо сколько лет уже в Овраге и вообще... с чего это ему в голову полезло?

Дождь всё сильнее, мокрый асфальт становится скользким, злее ругань... и наконец звонок и усталый голос старшого:

– Шабашим, мужики!

Эркин помогает шофёру закрыть борт грузовика и закрепить брезент.

– Всё, езжай.

– Счастливого отдохнуть.

– Гладкой дороги.

И не оборачиваясь на рокот мотора, Эркин пошёл к бытовке. Устал он чего-то. Ну, ничего, сейчас оботрётся холодной водой, немного потянется – привыкли уже все к этому, не цепляются – и сгонит усталость, чтоб до дома дойти.

В бытовке шумно и тесно. Умываются, собирают сменку в стирку, переодеваются, Ряха опять что-то треплет под общий гогот. Эркин особо не вслушивался, но смеялся вместе со всеми. Чепуха, конечно, но смешно. Пару раз Ряха опасно на него покосился, но Эркин отвечал тем спокойным прозрачно-невидящим взглядом, как обычно на него смотрел. В самом деле, пока Женю не задевают, ему на Ряхину трепотню плевать трижды и четырежды. То есть, это если сначала на три умножить, а потом что получится ещё на четыре? Много выходит. Хорошо сказано.

– Мороз, идёшь?

– Иду, – Эркин запер шкафчик и пошёл к ждавшему его у двери Миняю. – Всем до понедельника.

– И тебе!

– Бывай!

– Счастливого, Мороз.

Дождь уже кончился, пахло мокрой землёй и зеленью. Миняй длинно тоскливо вздохнул.

И Эркин сказал тихо, словно извиняясь.

– Я скотником в имении был. Пять лет.

Миняй кивнул.

– Понятно. Я ж не в обиду, землю... её чувствовать надо, – и снова вздохнул.

Эркин не знал, что сказать, и ограничился таким же сочувственным вздохом. И до самого дома они шли молча, но рядом.

Как всегда, Женя ждала его. Андрей был у себя, но, когда Эркин вымыл руки и сел за стол, появился на кухне со словами:

– А мне чего-нибудь дадут?

– Андрюша, – укоризненно сказала Женя, наливая ему чай. – Услышит кто, так может подумать, что тебя голодом морят.

– Я не подумаю, – заверил её Эркин. – Я его знаю.

– До чего ж братик у меня отзывчивый да заботливый, – восхитился Андрей. – Как у тебя сегодня?

– Всюду отлично, – улыбнулся Эркин, сразу догадавшись, что Андрей говорит о школе. – А у тебя?

– Кругом пять!

– Какие вы оба молодцы! – восхитилась Женя. – А завтра шауни?

– Точно! – рассмеялся Андрей.

Эркин с улыбкой кивнул.

– Да, Женя.

– Спорим, – вдруг сказал Андрей, – завтра мы вдвоём будем.

– Тим придёт, – покачал головой Эркин. – Тим сдохнет, а не отступит.

– Думаешь? – задумчиво спросил Андрей.

Эркин убеждённо кивнул. Андрей напряжённо свёл брови, думая о чём-то своём, быстро покосился на Женю и тряхнул головой.

– Ладно, его проблема, – быстро допил чай и встал. – Спасибо, Женя, вкусно, как никогда. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Андрюша, – улыбнулась Женя.

– Спокойной ночи, – кивнул Эркин.

Когда Андрей вышел, Женя протянула руку и погладила Эркина по плечу. Он перехватил её руку и поцеловал.

– Устал, милый?

Эркин ещё прижимал пальцы Жени к своим губам и потому только молча помотал головой. Он действительно не ощущал усталости, но совсем не хотелось шевелиться, вот так сидел бы и сидел, уткнувшись лицом в тонкие и такие сильные пальцы, вдыхая любимый запах.

Он ещё раз потёрся лицом о её руку и отпустил, легко встал.

– Уже поздно, Женя, ты устала.

– Ничего, – Женя встала, мягко отбирая у него посуду. – Ты иди, ложись, я всё уберу и приду. Ну же, Эркин.

– Да, иду.

И – как не раз уже бывало – усталость настигла его по дороге в спальню. Он сбросил на пуф халат и, как-то тупо удивившись тому, что ковра на кровати уже нет, и когда это Женя успела, рухнул на постель и провалился в сон. И даже не проснулся, когда Женя поправила ему одеяло и поцеловала в висок.

– Спи, милый, спи, мой родной.

Эркин во сне шевельнул губами, словно отвечая ей.

Утро выдалось тёплым и солнечным. Алиса шла между Андреем и Эркином, держась за их руки и тараторила без умолку.

– Ну, и завод у тебя, племяшка, – восхищался Андрей. – Язык не болит?

– Не-а! – радостно ответила Алиса. – Он у меня без костей, вот! И я его тренирую, ещё вот!

Тут засмеялся и Эркин.

– Ну да, – Алиса сочла вопрос исчерпанным. – Эрик, а мы завтра тянуться будем?

– Будем, – кивнул Эркин.

А Андрей удивился.

– Чего-чего?

– А мы с Эриком и мамой, – стала гордо объяснять Алиса, – по воскресеньям тянемся, ну, как зарядка, только интереснее, чтобы быть сильными и ловкими.

– Фью-ю! – присвистнул Андрей. – А я где был?

– А ты отсыпался, – буркнул Эркин.

Рассказ Алисы об их утренних занятиях почему-то смутил его. Андрей искоса посмотрел на него и заговорил с Алисой о другом.

Уже на подходе к Центру они нагнали Тима. Сегодня с ним и детьми шла и Зина – её лекции были через субботу. Желание Тима учиться индейскому языку она не поняла, но спорить не стала, а потом и сообразила: как же иначе он за Димой уследит, Диму-то на три языка записали, а когда в школу пойдёт, то уроки проверять придётся, так что Тимочка всё правильно решил. Она степенно поздоровалась с Эркином и Андреем, и в Центр они вошли все вместе.

После недолгой суеты у раздевалки они все разошлись по своим классам.

Громовой Камень улыбнулся входящим.

– Я вижу вас, – медленно, чётко выговаривая слова, чтобы им было легче понять, сказал он на шауни.

– Мы видим тебя, кутойс, – не очень уверенно, но правильно ответили они, усаживаясь перед ним.

Громовой Камень, готовясь дома к уроку, планировал, что пол-урока он будет разучивать с ними обыденные, необходимые в общении слова и обороты, и жестовой язык тогда же начнёт, а ещё пол-урока отвёл на рассказ об истории шеванезов и других племён, там тоже лексика пойдёт, но уже другого уровня. Песни и танцы пока в сторону, у малышей это идёт очень хорошо, но со взрослыми пока не годится. И был уверен, что на этот раз всё пойдёт по его плану, но и сегодня получилось по-другому.

После первых же фраз о погоде Эркин полез в свою сумку и вытащил тетрадь.

– Вот, посмотри, кутойс, – сказал он на шауни и тут же перешёл на русский. – Я понимаю, что написал неправильно, но не знаю, как исправить.

Удивился не только Тим, но и Андрей. А Громовой Камень, к их изумлению, спокойно взял тетрадь Эркина и стал читать, исправляя красным тонко очиненным карандашом ошибки. И когда он вернул тетрадь, они втроём сгруппировались над ней. К некоторым буквам пририсованы точки, закорючки, штрихи.

– Это как же так? – высказался вслух Андрей.

А у Тима вырвалось:

– Так у индейцев грамота есть?!

– Письменность, – поправил его Громовой Камень и кивнул. – Да, есть.

– Но как же так? Они же...

Тим вовремя остановился, проглотив слово «дикие», но Громовой Камень улыбнулся.

– Я понял. Я расскажу вам. Энным, – и тут же перевёл традиционный зачин на русский: – Говорят. Когда шеванезы пришли на Равнину...

Он рассказывал по-русски, изредка вставляя слова на шауни. О подвиге Евграфа Окладникова, разработавшего новый алфавит, о тех русских и шеванезах, что записывали легенды и просто рассказы обо всём, составляли словари и учебники...

– Хау, – закончил Громовой Камень и перевёл дыхание.

– И что же, – после недолгого молчания спросил Андрей: – И книги печатают?

– На шауни? – уточнил Громовой Камень и кивнул. – Да.

– Тогда давайте учить. Эркин, дай листок.

Эркин кивнул и вырвал из тетради два листка: Андрею и Тиму. Ручки у них были. Громовой Камень кивнул, закрыл и отодвинул свою тетрадь, встал и пошёл к доске.

Да, не от буквы к слову, а от слова к букве. Как в стойбищах на ликбезе, только здесь ещё надо переводить. Но начнём с уже известных слов.

Он медленно крупно писал на доске и тут же читал и переводил написанное. И, оборачиваясь, видел то склонённые над бумажными листами головы, то внимательные сосредоточенно напряжённые глаза.

Проверяя себя, Громовой Камень посмотрел на часы и, улыбаясь, положил мел.

– Хватит на сегодня, давайте повторим.

Он показывал на слово, а они наперебой читали и переводили. С шауни на русский, с русского на шауни... Он даже успел их записи просмотреть, поправить штрихи придыхания, объяснив, что с другим наклоном – это другое звучание, а, значит, и само слово уже другое.

– Спасибо, кутойс, – Тим аккуратно сложил и убрал в карман свой листок.

Андрей отдал свои записи Эркину, чтоб тот в тетрадь вложил, и тоже встал.

– Спасибо, кутойс.

Последним поблагодарил и попрощался Эркин.

Оставшись один, Громовой Камень взял свою тетрадь с конспектом, подержал и со вздохом бросил на стол. Опять он промахнулся. Но получилось хорошо. Да, он даже рад, что его план сорвался, что третий урок надо писать и готовить заново. Так, учебники... букварь, книга для чтения... это у него есть. Прописи... ладно, сделает сам и на первое время хватит. Он снова взял тетрадь, ключ от кабинета и пошёл к двери, едва не забыв палку. Так обрадовался, что и боль стала совсем незаметной.

На улице Андрей обиженно сказал Эркину:

– Мог и сказать. Эгоист ты.

– Кто я? – со спокойным интересом спросил Эркин.

– Ну, только о себе думаешь.

– А-а! Понятно, – кивнул Эркин.

Объяснить, почему он не показал тетрадь Андрею, чего постеснялся, он не мог, а потому счёл тему закрытой и спросил Андрея уже о другом, благо, Алиса бежала вприпрыжку впереди.

– Сегодня в гости идёшь?

– Обойдётся, – хмыкнул Андрей. – Я у неё на неделе был, и хватит, а то привыкнет ещё, – покосился на Эркина и улыбнулся. – Порядок, брат, я у неё далеко не первый и совсем даже не последний. Так что... Она сама так поставила, я и спорить не стал. Так что сегодня я дома, или ты против? – и еле увернулся от затрещины.

Спохватившись, Эркин быстро оглянулся: не заметил ли кто. Но, кажется, никто внимания не обратил. Да и немного народу: время-то уже обеденное.

– Пошли, – Эркин невольно прибавил шагу. – Женя ждёт уже.

– Айда, – охотно согласился Андрей и подмигнул. – Чтоб я да к жратве опоздал? Да не в жисть!

Эркин засмеялся, и Андрей довольно ухмыльнулся.

Алиса уже ждала их у подъезда.

– Ну, где вы?! Я жду, жду...

– А чего спешить? – рассмеялся Андрей. – Без нас не начнут. Или ты за свой суп боишься? Так я тебе свой отдам.

Алиса недоверчиво посмотрела на него.

– А в обмен чего?

– А что на сладкое будет.

– Фигушки! – возмутилась Алиса. – Это нечестно. Эрик, скажи, да?

Эркин пожал плечами.

– Не хочешь – не меняйся.

– Ну, Эрик...

– А что Эрик- смеялся Андрей. – Ты сама решай. Давай, соглашайся быстренько, пока я не передумал.

Они уже поднимались по лестнице. Алиса с надеждой посмотрела на Эркина. Но он молчал. Алиса ещё раз задумалась, даже покраснела от напряжения, так что брови стали совсем белыми, и, наконец, покачала головой.

– Нет, я не буду меняться.

– Ну, как знаешь, – нарочито разочарованно вздохнул Андрей.

Они уже подходили к своим дверям. Эркин достал ключи, и, пока он открывал дверь, Андрей за его спиной дёрнул Алису за хвостик и увернулся от её кулачка.

– Вот и молодцы! – встретила их обычным возгласом Женя. – Быстренько раздевайтесь, мойте руки и за стол, у меня уже всё готово.

Но Эркин сразу заметил, что Женя... не такая, и встревоженно спросил:

– Что случилось? Женя?

Алиса уже убежала в ванную, а Андрей остановился, переводя взгляд с Эркина на Женю и обратно.

– Ничего, – улыбнулась Женя. – Ничего особенного. Потом.

– Нет уж, женя, давай сразу, – твёрдо сказал Андрей.

Эркин молча кивнул.

– Ну, ладно, – сказала Женя.

И взяла с подзеркальника – и как это они его сразу не заметили – конверт.

– Письмо?! – вырвалось у Эркина.

Андрей резко шагнул вперёд и почти вырвал конверт из пальцев Жени.

– Ну-ка, – протянул он угрожающе.

Конверт был вскрыт, но, доставая письмо, Андрей разорвал его почти пополам и бросил на пол, развернул сложенный вдвое листок.

Женя подошла к Эркину и, стоя сзади, обняла его. И, покосившись на неё, Эркин увидел, что она улыбается. Он уже совсем ничего не понимал.

Быстро пробежав глазами текст, Андрей как-то ошалело посмотрел на Женю и стал читать вторично.

Удивлённая странной тишиной, вышла из ванной Алиса и остановилась, внимательно глядя на них.

Наконец, Андрей закончил читать и шумно выдохнул:

– Ну... ну, Женька... ну, купила... как есть купила!

– Ага! – радостно засмеялась Женя.

– Ну, я тебя!

Андрей кинулся на Женю и налетел на Эркина. Тот, загоразивая Женю, перехватил Андрея, не всерьёз сжал в захвате и спросил:

– От кого письмо?

– От девчонок, – Андрей счастливо заржал. – Ну, от Дашы с Машей, помнишь их, рыжие! Ну?

– Помню, – засмеялся Эркин, отпуская Андрея.

Андрей поднял с пола письмо и остатки конверта, дал их Эркину.

– На, прочитай.

Эркин взял письмо и стал читать, напряжённо сведя брови и шевеля губами. Даша и Маша писали, что у них всё в порядке, они хорошо устроились, нашли работу, учатся в вечерней школе, у них всё хорошо... а это что? Эркин перечитал ещё раз фразу о танцах и хороших парнях и кивнул.

– Понял, – сказал он вслух и посмотрел на Андрея.

– Я тоже, – кивнул тот и пожал плечами. – Всё так и должно быть.

– За стол, живо за стол, – не дала им углубиться в проблему Женя.

– Ладно, я только за тортом сбегаю.

– Что?! – изумилась Женя. – Зачем?!

– Я же проиграл, – ухмыльнулся Андрей. – Письмо-то пришло.

– Но не то!

– Вот это и надо отпраздновать! Женя, Эркин, я мигом.

И выскочил за дверь так, будто за ним гнались.

Эркин посмотрел на Женю, Алису и решительно сказал:

– Ждём. Да, Женя?

– Конечно.

Женя взяла у него письмо, улыбнулась.

– Ну, что ты, Эркин? Всё же хорошо.

– Да, – кивнул Эркин. – Я просто растерялся. Я... я пойду, перечитаю, ну, и тетради уберу.

– Ну да, конечно. Алиса, ты всё своё убрала?

Эркин достал из сумки и отдал Алисе её вещи, взял тетрадь по шауни и письмо и ушёл в маленькую комнату. Сел к столу и уже спокойно перечитал письмо. Даша и Маша... конечно, он их помнит, помнит ту ночь в Джексонвилле, когда они услышали о смерти Андрея... Он сидел неподвижно и, когда за его спиной стукнула дверь, спросил, не оборачиваясь:

– Напишешь им?

– Затылком видишь? – усмехнулся Андрей и, подойдя к столу, легко опёрся ладонями на его плечи. – Не знаю.

– Они думают, что ты погиб.

– Знаю. Так чего будоражить? У них своя жизнь, у меня – своя.

Андрей говорил серьёзно, и так же серьёзно ответил Эркин.

– Врать им я не буду.

– Я сам им напишу, – Андрей улыбнулся. – Не бойсь, сумею.

В комнату заглянула Алиса.

– Эрик, Андрюха, мама обедать зовёт.

– Идём, – Андрей оттолкнулся от Эркина и ловко поймал Алису в охапку. – А ну, признавайся, в торт нос совала?

– Не-а! – вывернулась из его рук Алиса и спряталась за Эркина.

– Чего ж это ты такая нерасторопная? – огорчился Андрей.

– А меня мама не пустила. Эрик, пойдём.

Эркин рассмеялся и встал.

– Пошли.

Наконец сели за стол. О письме больше не говорили: ведь всё понятно, а сегодня выходной, и завтра. Завтра пойдём в кино, все вместе, всей семьёй. А что небо хмурится, и вдруг дождь пойдёт, так ну и что, выходной – это всегда праздник.

После обеда Алиса отправилась спать без спора. Андрей встал.

– Пойду почитаю.

У себя в комнате он взял книгу и лёг на диван. Но читать не стал. Просто лежал и думал.

Даша и Маша... хорошие девчонки, близнецы... Он пришёл к ним сразу, как вернулся из Бифпита, принёс связку сушек и фунтик конфет. Нет, он заглянул в больницу днём, нашёл их и договорился, а вечером, как стемнело, перелез через забор, прокрался к их окну. Его ждали и открыли створки, как только он поскрёб ногтем по стеклу. Он влез в окно, закрыл его за собой, втроём они натянули маскировочную штору и уже тогда зажгли свет. В комнате тесно, бедно, но чисто. У них даже плитка своя, и чайник вот-вот закипит. Он положил на стол сушки, конфеты и гордо достал из кармана пачку чая. Девчонки дружно ахнули и в два голоса наперебой, но негромко стали его ругать за мотовство.

– Однаво живём! – смеялся он. – Да не дороже денег.

Потом они сидели и пили чай, он им рассказывал про олимпиаду, Бифпит, перегон. Они ахали, восхищались, смеялись. И рассказывали ему о себе. И даже пели полузабытый русский песни. Но тихо, даже не в половину – в четверть голоса...

...Андрей вздохнул, потянулся. В тот раз ничего у них не было, посидели, попили чая, и он тем же путём – через окно – ушёл. Смешно, но даже всё помня, он не может понять: как же это у них получилось? Ну, целовались, ну... одна за водой побежала, а он стал с другой целоваться. И так... да, раза три, пока не сообразил, что они специально меняются...

... «Нет, – решил он, – так не пойдёт».

– Даша, а Маша где?

Она слегка отстраняется от него, смотрит в упор серо-зелёными строгими глазами.

– Она тебе больше нравится, да?

– Вы мне обе нравитесь.

Даша медленно кивает и встаёт с его колен, подходит к двери и выглядывает в коридор, оборачивается к нему.

– Идёт.

Входит Маша с чайником, пытливо оглядывает их. И он, желая всё прояснить, сразу говорит:

– Вы меняться-то бросьте.

– А что? – насмешливо щурится Маша.

– А то, что как захотим, так и будет, – отвечает он.

– А ежели вместе? – вызывающе вскидывает голову Маша.

– А чего ж нет, – улыбается он и уже серьёзно: – А дурить меня нечего.

– А никто и не дурит! – Маша с размаху грохает чайник на плитку, но не включает её, подходит и встаёт перед ним рядом с Дашей...

...А дальше... дальше какая-то суета, он помнит, что попросил выключить свет и девчонки охотно согласились, тоже застеснялись. Наверное. А что и как было... было хорошо, это точно. Они так и заснули, втроём, обнявшись. И ушёл он от них уже перед рассветом. И потом, когда он к ним приходил, им было хорошо. Пусть... пусть и дальше так будет. У него перед ними долга нет. И они перед ним чисты. Так и напишет им. Спасибо за всё, и будем дальше жить каждый сам по себе.

Андрей закрыл книгу и встал с дивана. Решил – делай. И сел к столу, достал бумагу, конверт. Купил тогда вместе с тетрадями почтовый набор. На всякий случай. Вот и пригодилось.

«Здравствуйте, Даша и Маша», – он писал быстро и уверенно, зная, что поймут его как надо.

Русский порядок, когда обед вместо ленча, а ужин вместо обеда, уже стал вполне привычен, а русский полдник отлично заменял английский пятичасовой чай, который Норма накрывала в гостиной.

– Джинни, – позвала она, оглядев готовый стол.

– Да, мама! Иду, – сразу откликнулась Джинни.

Войдя в гостиную, Джинни засмеялась.

– Мамочка, от одних запахов голова кружится.

– Вот и отлично, – улыбнулась Норма. – Зажги камин, детка.

– Сейчас включу, – лукаво поддразнила мать Джинни.

Пить чай в креслах перед камином – это уже если не роскошь, то, во всяком случае, аристократизм. И Норма с удовольствием предавалась этому чувству. Да, камин электрический, но, мой Бог, в многоэтажном многоквартирном доме традиционный с дровами был бы просто неудобен. Единственное, что она себе позволяла, это «зажигать» его, а не «включать». Маленькие невинные разногласия с Джинни, чтобы той было возможно демонстрировать самостоятельность и независимость без ущерба для остальных отношений. И хорошо, что они по совету Джен не стали спешить с гостиной. Зато теперь... камин, перед ним удобные кресла с маленьким столиком, ковёр, удобная мягкая мебель, изящная тумба под проигрыватель с пластинками, пианино, шкаф-витрина для нарядной посуды и безделушек – Джинни опять начала собирать коллекцию. У неё уже есть смешной стеклянный ёжик и очень трогательный фарфоровый львёнок знаменитого на всю Россию, а говорят, что и в Европе, петропольского завода.

– Мама, сходим завтра в кино?

– Конечно, Джинни. А разве ты никуда не пойдёшь вечером?

– Нельзя же праздновать каждую неделю, – засмеялась Джинни. – Это уже будет работой.

Норма с улыбкой кивнула. Конечно, вечеринки хороши как развлечение, но, когда месяц подряд... ну, вот так уж получилось, что все приятельницы Джинни или родились весной, или у них именины. Очень интересный, кстати, русский обычай – праздновать день имени. Нужно будет подумать, посоветоваться, наверное, лучше всего с Бабой Фимой и выбрать день для именин Джинни.

– Джинни, а когда ты пригласишь их к нам?

– Мм, – задумалась Джинни. – Наверное недели через две, хорошо?

– Хорошо, – кивнула Норма.

Джинни откинулась на спинку кресла, задумчиво повертела чашку.

– И о чём ты задумалась? – улыбнулась Норма.

– Знаешь, мама, – голос у Джинни мечтательно разнеженный. – Знаешь, я, кажется, влюбилась.

– Очень хорошо! – искреннее восхитилась Норма. – И в кого?

Но Джинни не ответила, а лицо её вдруг стало таким растерянным, что Норма встревожилась.

– Джинни, девочка, что с тобой?

– Мама, – Джинни поставила на стол чашку и закрыла лицо ладонями. – Я поняла, мама, он... Я действительно влюбилась, я только сейчас поняла. Это Мороз, мама...

– Кто?! – потрясённо переспросила норма.

– Эркин Мороз, – Джинни уронила руки на колени, повернула к матери залитое слезами лицо. – Да, мама, он, наш сосед, мой ученик, отец моей ученицы, я всё понимаю, мама, но я... я люблю его. Я знаю. Он женат, он – индеец, я понимаю... – её голос прервался.

Норма перевела дыхание и постаралась улыбнуться. Да, муж Джен поразительно красив, она сама всегда любит его.

– Я понимаю тебя, Джинни, – вздохнула Норма. – Но...

– Мама, – Джинни улыбнулась сквозь слёзы. – Ему же никто не нужен, кроме его Джен.

– Да, – кивнула Норма. – Это видно.

– Не волнуйся, мама, – Джинни взяла свою чашку и отпила. – Я в порядке.

Норма так же взяла свою чашку. Кажется, Джинни уже успокаивается, слава богу.

– Безответная любовь – тоже любовь, правда, мама?

Норма кивнула, но возразила:

– Это не любовь, а влюблённость, Джинни.

– Может быть, – пожала плечами Джинни. – Но, пока я не полюбила другого, буду думать о нём.

– Джинни... – не выдержала Норма.

– Нет, мама, я всё помню, я – учительница, а он – мой ученик, его дочка – моя ученица, он – наш сосед. Я ничего такого себе не позволю, мама, не волнуйся, – Джинни изобразила чопорную светскую даму и рассмеялась.

Рассмеялась и Норма. Слава богу, самого страшного не произошло. А такая влюблённость... через неё все проходят. Это не страшно и даже полезно. И если... да нет, никаких если, он неплохо воспитан, безусловно влюблён в свою жену и ничего себе не позволит. А что он красив... причем не просто сам по себе, а он и двигается красиво, когда он тогда пришёл к ним на беженское новоселье и взялся мыть и натирать полы, она сама впервые увидела, что такое простое действие может быть настолько... завораживающе красиво. И он не рисовался, не играл, а просто работал. И даже немыслимо грязные старые штаны, в которые он переоделся для работы, не портили его. Да, что бы он ни делал, всё получается красиво. Даже просто идёт по улице, а как танцует. А улыбнётся если..., то всё отдашь, лишь бы... лишь бы он улыбнулся тебе.

– Мама, а тебе нравится его брат?

– Что? – вздрогнула Норма. – Прости, ты о ком, Джинни?

– Об Андрее, – терпеливо ответила Джинни. – Он тоже красивый, правда?

– Правда, – улыбнулась Норма. – Но ещё больше он обаятелен.

– Да, – засмеялась Джинни. – И знаешь, они и в самом деле похожи, хотя...

– Джинни, – остановила её Норма. – Не надо. В нашем доме о крови не стоит говорить.

Джинни задумчиво кивнула. Да, обилие приёмных детей и названных родственников поразило их ещё в лагере. И в самом деле, разве так важно, что у Чернова и сын, и дочь белые, он же им отец на деле, по поступкам, а у того же Мороза, а... да у всех, ну, почти у всех.

– Да, мама, – Джинни улыбнулась, допивая чай. – Конечно, ты права. Знаешь, у нас новый учитель, индеец, его зовут Громовой Камень, – и тут же перевела на английский для матери: – Thunder Stone. Правда, красивое имя?

– Да, ты мне говорила.

– Я... я думаю, его тоже пригласить, – неуверенно предложила Джинни.

– Ну, конечно, – Норма удивлённо посмотрела на дочь. – А в чём проблема?

– Он... он воевал, мама. И носит военную форму. С медалями. Тебе... тебя это не задевает?

– Нет, – твёрдо ответила Норма. – Раз мы приехали сюда, то это не должно нас задевать. Мы должны жить как все. И быть. Как все.

– Мама, – Джинни поставила чашку и порывисто вскочила на ноги, обняла и поцеловала мать. – Ты прелесть! А если в следующую субботу? Давай?

Последнее слово она сказала по-русски, и Норма, охотно рассмеявшись, ответила тоже по-русски:

– Давай.

И они стали обсуждать, что приготовят и в каком стиле сделают вечеринку.

Американская Федерация

Алабама

Колумбия

После их поездки в Россию Джонатан на месяц залёг в имении, и Фредди поехал в Колумбию один. Пройтись по точкам, подкрутить «Октаву» и вообще немного поболтать, кое-кого посмотреть и кое-кому себя показать. На всё про всё недели, ну, полторы, хватит, а там обратно в имение.

Салон Ларри он оставил напоследок. Здесь ему не работать, а отдохнуть и поговорить. Судя по банковской информации, дела у Ларри крутятся... лучше и не надо. У Слайдеров капает потихоньку и даже чуть обильнее, как взяли ещё троих – и сообразил же Роб! – не в дело, а по найму. И в «Октаве» тоже... нормально.

К салону Ларри Фредди подошёл без пяти четыре и, входя, едва не столкнулся в дверях с пожилым благообразным джентльменом в костюме от «Лукаса». А ведь эту холёную морду где-то видел, в какой-то газете, вроде, немалая шишка. Ну, если у Ларри такие клиенты, то совсем даже неплохо.

Ларри за прилавком уже убирал бумаги. Увидев Фредди, он широко радостно улыбнулся.

– Добрый день, сэр. Счастлив вас видеть, сэр.

– Здравствуй, Ларри. Я тоже рад тебя видеть, – улыбнулся Фредди.

И хотя он ещё на входе заметил в углу охранника, протянул Ларри руку, здороваясь, даже именно поэтому. Ларри уверенно ответил на рукопожатие. И Фредди, пожимая ему руку, ощутил на пальце Ларри кольцо. Он не сразу понял, что оно обручальное, решил сначала, что Ларри сделал себе такое же, как у них с Джонни, с печаткой.

Из кабинета донёсся бой часов, Ларри кивком попрощался с охранником и сказал Фредди:

– Проходите в кабинет, сэр, прошу вас. Я только опущу жалюзи.

– Хорошо, Ларри, – кивнул Фредди.

В салоне всё было, как и раньше, ничего не изменилось и в кабинете. Фредди подошёл к шкафу-витрине и стал рассматривать расставленные за стеклом безделушки.

– Открыть, сэр? – спросил, неслышно подойдя, Ларри.

– Нет, – вздрогнул Фредди. – Спасибо, Ларри, обойдусь. Всё в порядке?

– Да, сэр, спасибо.

Они сели к столу, и Ларри стал показывать книги и счета.

– Сейчас небольшое затишье, сэр, но в июне будет получше.

– И то, что есть, неплохо.

– Благодарю вас, сэр, – улыбнулся Ларри.

Он раскрывал перед Фредди книги, перелистывал подшитые счета, и Фредди успел разглядеть, что кольцо у Ларри гладкое, похоже, и в самом деле, обручальное. С чего бы это?

Бумаги у Ларри в полном порядке.

– Спасибо, Ларри. Если честно, то я не ждал, что будет так хорошо.

– Спасибо, сэр, ваше одобрение оказывает мне честь.

– Ладно тебе, Ларри. Ещё что есть?

– Сэр, я тогда рассказал в Ювелирной Лиге о смерти сэра Маркуса.

– Да, ты говорил, я помню.

– Сэр, меня спросили, знаю ли я, где сейчас майор Натаниел Йорк.

– А откуда ты можешь это знать, Ларри?

– Спасибо, сэр, – понимающе кивнул Ларри.

– С этим всё. И что ещё? – Фредди улыбнулся и, так как взгляд Ларри стал непонимающим, кивком показал на его руку. – Я про это, Ларри.

– Это? – Ларри тоже посмотрел на свою руку. – Сэр? Вы о кольце? Но я оформил и оплатил это как заказ.

– Я не об этом, Ларри. Ты женился?

– Да, – Ларри счастливо улыбнулся. – Да, сэр.

– И нам ни слова? – с насмешливым упрёком сказал Фредди.

Он шутил, но вежливый ответ Ларри заставил его покраснеть.

– Я должен был просить разрешения, сэр?

– Извини, Ларри, я... я не хотел тебя обидеть, – Фредди смущённо улыбнулся. – Я рад за тебя, Ларри. Но... но пойми, мне надо знать, дело-то серьёзное, кто она, Ларри. Пойми, ведь если что, не обижайся, но, – он перешёл на ковбойский говор, – от домашнего вора нет запора.

Ларри улыбнулся.

– Да, сэр, я понимаю. Но вы можете не беспокоиться. Её брат, сэр Дэвид был мужем дочери сэра Маркуса, Эстер выросла в их семье.

– Тогда другое дело, – облегчённо улыбнулся Фредди. – Её зовут Эстер?

– Да, сэр. И у меня теперь есть ещё и дочь. Рут.

– Поздравляю, Ларри, честно, рад за тебя. И Джонни, я уверен, будет рад. Жаль, не знали, гульнули бы у тебя, – Фредди был необычно многословен, то и дело сбиваясь на ковбойский. – Здравовско гуляли?

– Да, сэр, у нас была очень хорошая свадьба. Настоящая, – улыбался Ларри. – Для нас была бы высокая честь видеть вас. Не будет ли дерзостью с моей стороны, сэр, просить вас и сэра Джонатана посетить наш дом.

Фредди восхищённо крякнул на такой оборот.

– Спасибо, Ларри. Как будем оба в Колумбии, так обязательно.

– Благодарю вас, сэр, – склонил голову Ларри и стал собирать книги.

Фредди встал.

– Счастливо Ларри. Да, себе-то ты мог и без бумажек сделать. Ну, просто записал бы в расход, и всё, – закончил он несколько шутивым тоном.

– Сэр, я много думал об этом, – Ларри говорил очень серьёзно. – И решил не путать документацию. Выполненная работа и израсходованный материал должны быть учтены и оплачены, – и улыбнулся, позволив себе ответить так же не правильным, а простецким говором: – Задаром только неприятности.

Фредди с удовольствием рассмеялся.

– Это ты молодец, Ларри. Ну, а насчёт документации... Ты – хозяин, тебе и решать.

Ларри перевёл дыхание, как после удара, и склонил голову.

– Спасибо, сэр.

Когда Фредди ушёл, он быстро убрал книги в сейф. Работать сейчас он не сможет, так что... Обычная ежедневная уборка успокоила его. Он сообщил в полицию, что уходит, всё запер и отправился домой.

Было ещё совсем светло, но шум уже вечерний. Небо затягивали тонкие, но сплошные облака, и Ларри подумал, что ночью может начаться дождь и тогда завтра придётся взять зонтик. Новый чёрный зонтик ему купила Эстер. Смешно, конечно, вспоминать: насколько он был уверен, что чего-чего, а одежды у него и Марка на все случаи жизни, а Эсти нашла кучу нехваток. Разумеется, это траты и весьма немалые, но ведь всё нужное. Тот же зонтик... это

ему практически на весь год и не на один. И Эсти, конечно, права: лучше один раз потратиться на хороший зонтик, чем часто покупать новый костюм, потому как подмочки они – хорошие костюмы – не любят. А вот плащ и пальто вполне подождут до осени. Шлёпанцы и купальные халаты ему и Марку, ещё один костюм, строгий, но лёгкий, на летнюю жару, и ещё...

Ларри улыбнулся своим мыслям и прибавил шаг, хотя и так шёл быстро. Его же ждут. Его семья: жена и дети. Да, он и раньше спешил домой к Марку, но сейчас совсем по-другому. Он уверен, что дети сыты и ухожены, что в доме всё в порядке, и спешит... спешит увидеть их, увидеть Эсти.

– Привет! – окликнули его.

– О! – улыбнулся Ларри. – Здравствуй, Найдж, как дела?

– Отлично! – улыбнулся Найджел. – Чего к нам так и не заглядываешь? – и подмигнул. – На массаж.

– Работа, Найдж. Разве только... в субботу вы работаете?

– А как же! До ленча, а ради хорошего гостя, – Найджел снова подмигнул, – и задержаться можем. Так что заходи. Привет твоим.

Найджел с ходу перепрыгнул через невысокую каменную кладку, ограждавшую газон у его дома.

– И твоим привет! – крикнул ему вслед Ларри. До чего же приятный парень. И жена у него симпатичная. С соседями тоже повезло. А вот и дом, его дом, и навстречу бегут Марк и Рут, чистые, сытые, весёлые... его дети. А на крыльце стоит Эсти.

– Здравствуй, дорогой.

Быстрый скользящий поцелуй в щёку.

– Всё удачно? Иди, переодевайся, я накрываю. Дети, руки мыть, будем обедать.

Ларри поцеловал Эстер и взбежал наверх. В спальне приятно пахнет цветами, у окна в красивом терракотовом горшке молодая лиана выкинула ещё пару листьев и усик закрутился колечком, надо будет сделать ей крепление, а в вазе на столике букет сирени. Ларри снял и повесил костюм в шкаф, обтёр и поставил на место ботинки, и пошёл в ванную.

Здесь тоже как будто светлее стало, и запах приятный. Это Эстер купила специальный освежитель для воздуха. Ларри с наслаждением, но быстро ополоснулся под душем, вытерся, натянул джинсы и ковбойку, но обуваться не стал: таким приятным было ощущение чистого прохладного пола под ногами.

Так, босиком, он и спустился вниз. Сегодня будни, и потому обедают на кухне. Эстер, увидев, что он не обулся, с ласковой укоризной покачала головой, но ничего не сказала. Да и в самом деле, тепло, полы чистые, никого они не ждут, и спорить из-за такой мелочи глупо. А что Марк, войдя в дом, тоже сразу разувается, ну... ну, ничего, всё утрясётся.

– Садись, Ларри, всё хорошо?

– Да, Эсти, спасибо.

Салат, овощной суп, баранье жаркое и яблочный компот. И разговор о всяких домашних хозяйственных мелочах и событиях.

– Спасибо, Эсти, всё необыкновенно вкусно.

– На здоровье, – Эстер встала из-за стола. – Рути, помоги мне. Пойдёшь в сад, Ларри?

– Да, – он немного смущённо улыбнулся. – Повожусь немного.

Марк выскочил из-за стола, крикнув на бегу:

– Я принесу, я мигом.

Эстер и Ларри рассмеялись, но и минуты не прошло, как Марк влетел в кухню с отцовскими кроссовками в руках. Что в городе босиком не ходят, он уже хорошо усвоил.

– Спасибо, сынок.

Ларри быстро обулся, закатал рукава ковбойки выше локтей.

– Пойдём, сынок, рассада уже нас заждалась.

– И я с вами! – Рут бросила полотенце, которым вытирала посуду. – Пап, да?

– Конечно, дочка, – улыбнулся Ларри.

Эстер удивлённо покачала головой. Подумать только, раньше Рут никогда не любила возиться с землёй, прямо удивительно, как быстро она привязалась к Ларри. Ну вот, жизнь уже входит в обычную колею. Первая неделя была трудной, суматошной. Ларри вёл хозяйство... не слишком экономно, скажем так. Чтобы всё закупить... она потратила уйму денег, даже вспомнить страшно. Но зато в доме теперь есть запас, а то Ларри с Марком на одних полуфабрикатах сидели, что, в конечном счёте, только дороже. И с одеждой так же. Так шлёпанцы, значит, Ларри не понравились. Ничего страшного, присмотрим ему для дома что-нибудь другое. Вот так.

Эстер оглядела кухню. Ну, всё в порядке. Пойти посмотреть, чем они заняты? Да, это интересно и даже где-то полезно. И раз Ларри так заботится о саде, ей нельзя пренебрегать этим невинным хобби.

В саду провозились до сумерек, потом дети выпили своё молоко, Эстер проверила, как они вымылись на ночь, Ларри зашёл к ним поцеловать на сон грядущий, и вот они наконец вдвоём в своей гостиной.

– Выпьешь чего-нибудь, Эсти?

– Да, Ларри, сделай мне свой фирменный, – Эстер улыбнулась. – И себе тоже.

Ларри смешал два стакана соков и опустился в кресло. Эстер села рядом на подлокотник и обняла его. Ларри вздохнул, приваливаясь головой к её боку.

– Устал, милый?

– Нет, Эсти. Мне просто хорошо. Разжечь камин?

– Нет, вечер тёплый.

– Эсти, – Ларри отпил, облизал губы, – сегодня приходил сэр Фредди. Я пригласил его и сэра Джонатана к нам на обед.

– Конечно, милый. На воскресенье?

– Нет, я думаю, где-то недели через две, когда они оба будут в Колумбии.

– Хорошо, ты только скажи мне заранее, чтобы я успела всё приготовить.

– Конечно, Эсти, – Ларри снова вздохнул. – Понимаешь, я должен был известить их... о нашей свадьбе.

– Но их же не было в Колумбии, – Эстер наклонилась и поцеловала курчавую макушку. – А всё решилось так быстро. Ты просто не успел. Не беспокойся, милый, всё будет в порядке. Они... – она запнулась.

Вообще-то Ларри рассказывал ей о них. Что Фредди когда-то целый месяц жил в доме Маркуса Левине, и она по нескольким обмолвкам Ларри поняла, что Фредди скрывался от полиции, что потом, уже после Капитуляции и Заварухи, Фредди подобрал его, умирающего, и привёз в имение, что потом Джонатан отправил его в русский госпиталь лечиться, и наконец, что он – не работник, а компаньон Бредли. Всё это было достаточно странно и в то же время абсолютно понятно. Что ювелиры, уголовники и полиция тесно связаны, и не всегда понятно, кто с кем и против кого, она слышала с детства. Кто такие Бредли и Фредди... Ну, это достаточно увидеть Чака, чтобы обо всём догадаться. Кем может быть человек, нанявший Чака шофёром, тут и гадать нечего. Всё ясно. Но благополучие, даже сама жизнь и Ларри, и детей, и её самой зависят от расположения Джонатана и Фредди. И значит, она всё сделает как надо. Её сильный и добрый Ларри может на неё рассчитывать.

Она снова поцеловала мужа.

– Не беспокойся, милый. Всё будет в порядке.

– Спасибо, Эсти. Они... они всегда были добры ко мне. И знаешь... сэр Фредди сегодня назвал меня хозяином, – Ларри смущённо рассмеялся. – Так и сказал, что я – хозяин, и мне виднее, как лучше вести книги.

– Ну, конечно, Ларри. А что, – Эстер погладила его по плечу, смягчая вопрос, – у тебя проблемы с документацией?

– Да нет, Эсти, вроде, всё в порядке.

– Ларри, а что, если... слушай, я же – бухгалтер, давай, я посмотрю.

– Это будет замечательно, Эсти! Тогда... – Ларри запнулся, что-то обдумывая, и решительно допил свой стакан. – Тогда в субботу пойдём все вместе.

– Решено, – сразу согласилась Эстер и тоже допила коктейль. – Иди наверх, милый, и ложись. Я сейчас всё уберу и поднимусь.

– Хорошо, Эсти.

Но Ларри медлил, не желая её беспокоить, и Эстер встала первой. Взяла у него стакан.

– Иди, милый, уже поздно.

Ларри поцеловал её в щёку и пошёл наверх. В доме сонная живая тишина. Он заглянул к Рут и Марку, послушал их дыхание, стоя в дверях. В спальне задёрнул шторы, включил лампу у изголовья кровати и прошёл в ванную. Ковбойку в ящик для грязного белья, джинсы на вешалку для расхожего. Надо что-то придумать с обувью, а то Эсти обижается, что он ходит дома босиком, но шлёпанцы – это только в спальне хорошо, надо что-то придумать, вроде тех, в каких ходил у Старого Хозяина. А вот купальный халат – отличная штука.

Он вернулся в спальню, сбросил халат в изножье кровати и лёг. Где же Эсти?

– Я здесь, – она будто услышала его беззвучный зов, входя в спальню. – Я сейчас, Ларри.

Она прошла в ванную, и он слышал плеск воды. Может, он и задремал, потому что вдруг ощутил присутствие Эстер рядом. Медленно, преодолевая вязкую истому, он повернулся к ней. Эстер обняла его и поцеловала.

– Всё будет хорошо, Ларри.

– Да, я знаю.

Ларри губами нашарил её губы, поцеловал. Эстер тихо засмеялась, прижимаясь к нему, погладила по затылку. С каждой ночью Ларри становился всё смелее и, к радостному удивлению Эстер, внимательнее. И охотно откликался на её предложения и даже выдумки. Только однажды спросил:

– Тебе это нравится, Эсти?

– А тебе нет? – ответила она вопросом.

Он долго молчал, а потом, когда она уже чуть ли не забыла за поцелуями, о чём говорили, Ларри очень серьёзно сказал:

– Я хочу, чтобы тебе было хорошо, чтобы ты была счастлива, Эсти. И я сделаю для этого всё.

– Ларри... Ларри, но я хочу, чтобы и тебе было хорошо. Я нравлюсь тебе?

– Да, – сразу ответил он. – Очень.

И поцеловал её...

...Когда Ларри заснул, Эстер, потянувшись через него, выключила лампу, уже в темноте погладила Ларри по голове и заснула, касаясь щекой его плеча.

Россия

Цареградская область

Алабино

Центральный военный госпиталь

Смена заканчивалась в четыре, и Андрей специально поболтался по госпиталю, чтобы прийти в раздевалку после пересменки.

Он угадал точно. Кто на работу, кто с работы, но разошлись все. Андрей открыл свой шкафчик и стал переодеваться. А теперь ему надо спешить, а то опоздает на автобус, не идти же пешком до Ивина.

Переодевался, убирал в шкафчике, запирали его, бежал к автобусной остановке, – всё это Андрей делал с механической бездумностью, думая о своём.

Да, конечно, он всё знает, всё понимает, и рад, искренне рад за Колюню. И всё же...

...День тёплый, безветренный, смена спокойная, и его отпустили к Колюне без звука.

– Колюня, – вошёл он в палату, – айда в сад?

– Айда, – радостно согласился Колюня.

Он помог Колюне пересест в кресло и вывез его в коридор, а оттуда на веранду.

– Пахнет как, – засмеялся Колюня.

– Это сирень, доцветает уже.

Он аккуратно скатил кресло по пандусу и подвёз Колюню к кустам. Наклонил ветку, чтобы тяжёлая сизая гроздь коснулась лица Колюни.

– Чуешь?

– Ага, спасибо, Андрюша. А пятилучевые есть?

– Сейчас найду.

Эту примету он уже знал. Найти цветок с пятью лепестками и съесть. На счастье. Одну руку Колюне уже сделали, ложку теперь сам держит, шарики катает для реабилитации, но такую тонкую работу не сделает. Ага, вот она, а вот ещё, и ещё.

– Держи, Колюня.

– А себе?

– Я нашёл, – рассмеялся он в ответ. – А ты съел. Вот и поровну.

– Хитёр ты, – рассмеялся Колюня и, прижав к губам ладонь, втянул в рот, как вдохнул три цветка.

Пели птицы, и Колюня стал их называть ему. Даже удивительно, откуда их столько знает. И вот тут, когда они уже сами всю свистели по-птичьи – у Колюни здорово получается – их и окликнули.

– Ага, вот вы где!

Это был голос Жарикова, и он легко, не ожидая подвоха, обернулся.

– Иван Дормидонтович, мы здесь.

Рядом с Жариковым маленькая худенькая женщина, вся в чёрном, и её лицо кажется совсем белым, даже голубоватым.

– Здравствуй, Колюня, – весело сказал Жариков. – Как ты?

– Здравствуйте, доктор, – улыбнулся Колюня. – Я в порядке.

– Вот и отлично. Принимай гостей.

– Гостей? – удивленно переспросил Колюня, растерянно вертя забинтованной головой.

Подбородок, нос и часть щёк Колюне уже сделали, и бинты закрывали теперь только лоб и глаза, вернее, глазницы. Он помог Колюне сесть повыше и за плечи повернул лицом к женщине. У неё дрожали губы, из широко раскрытых глаз неудержимо текли слёзы, она молча протягивала к Колюне руки, не трогаясь с места.

– Кто? – спросил Колюня. – Кто пришёл? Точно, ко мне?

– Коля... – наконец выдохнула женщина. – Коленька...

И отчаянный крик Колюни:

– Мама! –

И от этого крика он сорвался, убежал...

...Андрей тряхнул головой и встал. Ему уже выходить.

В Ивине вышел он один. Пение птиц, шум листвы под лёгким ветерком, перекликающиеся голоса и детский смех... Андрей шёл по уже знакомой улице, здороваясь с многочисленными встречными. И пытаюсь понять: чего он так психанул? Ведь видел уже такое. И не раз. А к Седому приехала жена. С сыном. И тоже плакали, и обнимались, и он был просто рад за них, за Седого...

...– А это Андрей, – Седой берёт его за руку, разворачивая лицом к сидящим у кровати женщине и парню, оба в военном без погон, но с нашивками за ранения и медалями. – Он меня с того света вытаскивал. Я жить не хотел, А Андрей упёрся: живи, дескать, и ни в какую, – смеётся Седой.

И женщина с парнем обнимают его, целуют и благодарят...

...Ну вот. И за Колюню он рад, искренне, по правде. И... и не увезут Колюню прямо завтра. И послезавтра тоже. Колюне ещё лежать и лежать. Восстанавливаться. Так что... всё-таки тем, за кем никто не приехал, ещё хуже. У которых всё было и которые всё потеряли. Родня – это великое дело. А его родня – его крёстные, доктор Ваня и Тётя Паша. И Серафима Панкратьевна с Устиньей Капитоновной к нему как к родному...

И калитку он открывал если не успокоившись, то улыбаясь. Чего других в свои психи втягивать.

Как всегда, его встретили радостным известием, что обед готов, пусть моется и идёт есть.

– Спасибо, Серафима Панкратьевна, я быстро, – улыбнулся Андрей.

Когда бы он ни пришёл, обед готов. Ждут его, что ли?

За столом он улыбался, хвалил еду и вообще старался держаться как обычно, но Серафима Панкратьевна всё-таки что-то заметила.

– Случилось что, Андрюша?

Помедлив, он кивнул.

– К Колюне мать приехала, – и повторил услышанное от Колюни: – Мама! –

Про Колюню он им уже рассказывал, и ему дважды давали для Колюни баночки с домашним вареньем. Крыжовенным.

– Ну, и слава богу, – вздохнула Устинья Капитоновна.

А Серафима Панкратьевна смотрела молча и сочувственно. Андрей замялся, не зная, как объяснить, ведь он сам ещё не понял, что с ним, чем это его так задело.

– Каково это матери дитя своё роженое да таким увидеть, – покачала головой Устинья Капитоновна. – И малая боль детская матери ножом по сердцу. А такое... Не защитник он ей теперь и не кормилец.

Серафима Панкратьевна кивнула.

– Да уж, не знаешь, о чём бога молить, когда такое.

Андрей, недоумевающе раскрыв глаза, слушал их. Они жалели мать Колюни, но...

– Но он же живой! – вырвалось у него. – Разве не это главное?

Серафима Панкратьевна кивнула.

– Конечно, Андрюша, всё так. Ну, бог милостив, утрясётся всё да уложится.

– Да, – Андрей тряхнул головой и встал. – Спасибо большое, всё так вкусно было. Я к себе пойду.

– Конечно, Андрюша.

– Конечно, иди, отдыхай.

Взбежав к себе, Андрей быстро, будто за ним гнались, разделся, швыряя как попало одежду, и стал тянуться. Крутился на крохотном пятачке, исступлённо, выматывая себя, до треска в суставах, до судорог в напряжённых мышцах. Пока не почувствовал, что отпустило, что он уже весь мокрый, а из окна тянет прохладой, и ни боли, ни мыслей уже нет, только пустота и ломящая усталость во всём теле. А дверь-то он и не запер. Во... блин! Совсем крышу потерял.

Он запер дверь и пошёл в душ. Долго полоскался, смывая пот, меняя воду с почти кипятка на совсем ледяную и обратно. Потом так же долго и основательно растирался полотенцем, разобрал вещи, разложил, повесил, переоделся уже в домашнее: никуда он сегодня не пойдёт, да и что за гулянка в будни. А скоро школа заработает, летние классы для взрослых. Июнь и июль учатся, потом сдают экзамены за начальную школу, август гуляют, а с сентября трёхгодичный курс уже на аттестат. А с аттестатом... хоть в университет. Так что... есть ему чем заняться. Руки-ноги – всё у него цело, глаза, слух – всё в норме, даже шрамов нигде нет, даже боли давно кончились, нет, он теперь знает, что и как можно сделать с человеком, так что... ему грех жаловаться.

Уже смеркалось. Андрей задёрнул штору и включил маленькую лампу на столе, взял книгу Рейтера. Ему ещё за сегодня надо осилить десять страниц. Он сам себе такую норму установил. Так, словари, тетрадка под рукой, всё, поехали.

Россия

Дорога

Мерно отстукивают колёса, подрагивает вагон. Вот он и дождался своего часа. Едет. За окном Россия, Родина, родная земля, земля отцов и дедов... а кровь молчит. Да трёп всё это пустой о крови, о её голосе. Где хорошо, там и родина, со всех её больших и малых букв, а кто хорош, тот и родня. В кармане сорок рублей с копейками, в рюкзаке две смены белья, мыло с мочалкой и дешёвым полотенцем, да коробка с помазком и бритвой. Да ещё что на самом надето. Всё, что нажил. А ведь не парень уже, в возрасте. Ну, так сам виноват, что не на ту карту поставил. «Пить меньше надо». Умники чёртовы. Так ведь и пил потому, что жизнь не задалась. А теперь-то... теперь хочешь, не хочешь, а на рюмку даже смотреть не моги. Обещали, что с первого же глотка в штопор уйдёшь и только в психушке остановишься. Потому как остановят. И уже без выхода. Могли, конечно, и наврать, у врачей работа такая – врать. Умиравшему, что вот-вот выздоровеет, а здоровому, что вот-вот заболит, главное – лечись, таблетки с микстурами покупай и деньги за всё плати. Всюду всё одинаково. Но вот проверять неохота, боязно. Так что... придётся терпеть. Теперь... теперь лишь бы до места добраться и ссуду получить, а там... там-то он уж развернётся. Всё ж деньги дадут большие, хоть и под отчёт и контроль, но с этим можно начинать. Первое время, конечно, по контракту, тьфу ты, по найму, а чего ж ещё, если язык наполовину забыл, до сих пор обед ленчем называешь, и в одиночку ни своё хозяйство, ни своё дело не поднимаешь. Ну, купит он ферму, опять сбился, нет, хутор, а потом? Нанимать? Это удовольствие он уже знает. Идти в долю? А к кому? Он

же место себе, скажем прямо, наугад выбирал, лишь бы подальше. Чтоб никого из старых знакомцев не встретить. Ну, так и его там никто не знает. Никто и звать никак. А партнёр... это серьёзно. Так что, наём. Кем удастся, за сколько получится, но чтоб время на себя, на своё дело оставалось.

За окном весёлая молодая зелень... разномастное стадо бредёт по лугу, коровы, овцы, козы... тёмный еловый лес... белоствольный светлый березняк... картофельное поле с уже зеленеющими грядками... Май в конце, а здесь – март, ну, апрель в начале, от силы. Север. Но он сам не захотел в Ополе. Больно много туда едет... тёмных, ещё нарвёшься на кого... и будет, как с Полди. На севере, говорят, их меньше.

Григорий Иванков курил, глядя в окно на бегущую за стеклом холмистую равнину и думал. Как... лошадь по кругу ходил. В Ижорске в Комитет отметиться, спросить о ссуде и посоветоваться. Нет, хутор он не потянет, ремесло своё... знает вроде много, и руки на месте, а не настолько, чтоб дело своё завести, только для подработки если. Вот и заявка у него не на место, а в отдел по трудоустройству.

На попутчиков он не глядел. В Алабаме таких называли белой рваньё. А сам он кто? Ладно. Раз выжили, то и проживём. Хорошо сказано. Так что, хватит скулить, а то в бутылке окажешься и денежки, ссуда твоя, так в Комитете и останется и кому другому уйдёт.

По вагону прошёл очередной то ли поддельный, то ли всамделишный слепой с поводьями. Очередная остановка и опять тряская неспешная дорога. А если... всё-таки есть у него идея. И для начала совсем даже неплохо. Опять же начать с найма, а там... чёрт, как же франчайзинг по-русски будет? Стартовать коммивояжером, а там... Проблема с жильём... не проблема, когда деньги есть.

Докурив, он привстал и выкинул окурок в окно: как раз вдоль речушки ехали. И оглядел своих попутчиков уже по-другому. Как одеты, что курят... ну, ничего, ему уже приходилось таким заниматься. Года три крутился, пока в имение не пристроился.

Главное – решить, дальше легче будет.

Июнь

Россия

Ижорский пояс

Загорье

День цеплялся за день, набегали мелкие тревоги, но Эркин и сам понимал, что это мелочи. Так легко и свободно он ещё никогда не жил. У него всё есть, ни ему, ни его близким ничего не грозит, Женя простила его, окончательно, он чувствует это, Андрей жив, и письма всё нет, и видно, уже и не будет... Что там было у Андрея с Бурлаковым, а было, Андрей не зря просил не спрашивать, но это – дело Андрея, Бурлаков – его отец, так что ему и решать.

Эркин шёл, распахнув куртку, весело поглядывая по сторонам. Хорошо! Всё у него хорошо, и лучше не надо.

– Добрый день, миссис Джонс, – поздоровался он по-английски с Нормой у магазина Мани и Ньюры.

– Добрый день, – ответила она так же по-английски, благодарно улыбаясь. – Какой хороший день, не правда ли?

– Да, совсем лето.

Он улыбнулся ей, прощаясь улыбкой, и легко взбежал по ступенькам крыльца. Гулкая светлая лестница, коридор с так знакомыми дверями, а вот и его дверь. Он остановился, пошаркал подошвами кроссовок по коврику, одновременно доставая ключи. И радостный визг Алисы.

– Э-эри-ик! Ты пришёл!

– Ага, – согласился он с очевидным, снимая куртку. – Ну, как ты?

– Всё в порядке, – бодро ответила Алиса. – Я ела, и спала, и... Эрик, а давай без супа, а?

Она отлично знала, что Эрик не разрешит обедать без супа, раз мама велит с супом, а взрослые всегда заодно, это вот только с Андрюхой можно договориться, но не за так, он за такое конфету стребует и не одну, а с Эриком такое, как во дворе говорят, не прокатывает, но всякий раз предлагала, а вдруг... прокатит.

– Нет, Алиса, – улыбнулся Эркин. – Что за обед без супа?

Он вообще не понимал, как это возможно отказываться от еды, и относился потому к просьбам Алисы спокойно, как к не совсем понятной, но безвредной игре.

– Ладно, – вздохнула Алиса. – А маму ждать не будем?

– Будем, – сразу решил Эркин. – Пойдёшь пока гулять?

– Ага!

Алиса побежала в прихожую. Совсем уже тепло, так что вместо пальто кофточка и на ноги не ботики, а ботинки.

Когда за Алисой захлопнулась дверь, Эркин не спеша переоделся в спальне, поставил греться обед и прошёлся по квартире, прикидывая, чем бы ему заняться.

Полы натёрты, кафель отмыт, в кладовке порядок. Хризантемы в спальне теперь стоят в углу и совсем уже заснули, надо их в кладовку вынести. До осени, как объясняла Баба Фима. А осенью пересадить, подкормить и на свет выставить.

Эркин отнёс горшок с хризантемами в кладовку, пристроил в самый прохладный угол. А вот надо теперь в спальню цветы купить, а то окно стало голым. И в другие комнаты тоже. В субботу, что ли, после занятий зайти в цветочный, или... да нет, завтра школа, так что в субботу. И, пожалуй... да, пожалуй, нужно с мальцом поговорить, работает мальчишка во «Флоре», так что хоть немного, но должен разбираться.

В маленькой комнате он постоял перед шкафом, разглядывая книги, но решил энциклопедией заняться потом, а пока лучше газету читает.

Эркин вернулся в прихожую, взял с подзеркальника газету и пошёл на кухню. Сел за стол и углубился в чтение.

– Ну, ты даёшь, братик! – сказал над ним голос Андрея. – Я уже час здесь стою, полкастрили стрескал, а ты и не чухаешься. Тебя ж так узлом завяжут и вынесут.

Эркин поднял на Андрея глаза и рассмеялся.

– Полкастрили, говоришь? Это хорошо.

– Почему? – удивился Андрей.

– А кормить тебя, значит, до утра незачем.

– Ах ты...!

Андрей обхватил его за шею и попытался повалить, но Эркин уже вскочил на ноги, плотно зажав Андрея. И они так потоптались, пока в кухню не влетела Алиса, с ходу присоединившаяся к поединку, а Женя стала их всех ругать и выгонять из кухни.

– А ну марш отсюда!

Но ругалась она со смехом, так что даже до Эркина дошло, насколько это не всерьёз. Он тут же отпустил красного от смеха Андрея и очень смешно изобразил перепуганного раба.

– Да я ж ничегошеньки такого, мисси. Да, ой-ё-ёй, не надо, мисси.

Женя хохотала до слёз, упоённо визжала Алиса, а Эркин, самодовольно ухмыляясь, отобрал у Жени сумку и стал раскладывать покупки.

Наконец сели за стол.

Идею Эркина купить цветов в комнаты поддержали все.

– Конечно, так и сделаем, – Женя разложила жаркое. – В субботу я подойду к Центру, пойдём все вместе и купим. И пообедаем тогда в городе.

– Конечно, – кивнул Эркин.

– Здоровско! – согласился Андрей и подмигнул Алисе.

После обеда Эркин с Андреем сели за уроки, а Женя занялась бельём. Прачечная действительно оказалась большим удобством. Простыни, пододеяльники, наволочки – выстираны, накрахмалены, отглажены, и запах какой приятный. Женя с помощью Алисы перебрала отложенное для прачечной бельё, проверив метки, и села заполнять квитанцию. Завтра в шесть принесут чистое и заберут очередную партию. Конечно, это... не дёшево, скажем так, но очень удобно.

– Мам, а сейчас что будем делать?

– Шить, – улыбнулась Женя. – Бальное платье у Мисс Розы есть, давай...

– Ага-ага, – заторопилась Алиса. – Давай ей ещё чего-нибудь сошьём. И Линде тоже, а то она всегда в одном.

Женя взяла свой каталог «Тысяча моделей», и они сели в комнате Алисы рассматривать и выбирать платья для Мисс Розы и Линды.

Эркин и Андрей занимались как всегда: молча и сосредоточенно. Один пишет за столом, другой читает на диване. Потом меняются. Конечно, у Андрея получалось всё куда быстрее, но он ни словом, ни шорохом не торопил Эркина, то перечитывая прошлые страницы, то читая дальше, сверх заданного.

Наконец Эркин закрыл тетрадь и встал.

– Всё, свалил!

– И шауни? – оторвался от учебника по истории Андрей.

– Ты чего? – удивился Эркин. – Там же не задавали.

– А для себя не хочешь? – и улыбнулся. – Я страницу, считай, вчера исписал, пока не получилось.

Эркин покраснел.

– А мне чего не сказал?

– Я думал, ты уже сделал, – пожал плечами Андрей.

Эркин постоял, сводя и разводя лопатки, словно сбрасывая тяжесть, и тряхнул головой.

– Ладно. Устные выучу и тогда шауни напишу.

– Как хочешь, – легко встал с дивана Андрей.

Эркин сел учить стихи Пушкина. То, что выучил тогда Андрей, он со слуха запомнил и теперь решил выучить своё. Учил, шёпотом проговаривая чеканные мерные строки, полные непонятных слов. Но почему-то и понимать их не хотелось, так... так здорово это звучало и словно само по себе укладывалось в памяти.

– Я не мешаю тебе? – спохватился Эркин.

– Нет, – ответил, не поворачиваясь, Андрей. – Давай учи дальше. Хорошие стихи.

Убедившись, что стихи прочно затвержены, Эркин взялся за историю. Здесь непонятных слов тоже хватало, и они почему-то сильно мешали, заставляя спотыкаться, лезть в словарь в конце книги, но многих слов там не было. Кое о чём он догадывался, что-то вспоминал из услышанных на уроке объяснений.

Написав русский и математику, Андрей посидел, слушая шелест страниц за спиной, и обернулся:

– Помочь?

– Я сам, – ответил Эркин, придержав пальцем строку.

Андрей кивнул, сложил и отодвинул на край стола учебники и тетради. Ладно, он пока почитает. Эркин ведь упрямый, сказал, что сам, значит, сам и будет. Андрей подошёл к шкафу и достал книгу – «Пёстрые страницы» сейчас в самый раз будут, рассказики на одну-две страницы, вчитываться не надо – и вернулся к столу. И снова в комнате только шелест страниц.

– Всё, – наконец выдохнул Эркин и закрыл учебник. – Всё понял.

– Угу, – Андрей показал, что полностью ушёл в чтение.

Эркин подошёл и мягко хлопнул его по плечу.

– Проверишь меня?

Андрей невольно улыбнулся и кивнул.

– Давай.

Эркин переставил второй стул к столу и протянул учебник Андрею.

– Держи.

Андрей хотел сказать, что и так всё помнит, но всё же раскрыл нужный параграф.

– А потом ты меня.

– Идёт, – сразу согласился Эркин.

В разгар проверки заглянула Женя, и Андрей бурно обрадовался ей.

– О, Женя, послушай, как здорово получается.

Эркин встал, усадил Женю на своё место и переставил к столу третий стул. Конечно, тут же прибежала Алиса, залезла на колени к Жене и с удовольствием слушала, как Эркин и Андрей экзаменуют друг друга, болея сразу на обоих.

– Молодцы, – восхищалась Женя. – Какие же вы оба молодцы.

– А ещё я стихи выучил, – похвастался Эркин.

– Давай, – кивнула Женя.

Подражая Андрею, Эркин встал и вышел на середину комнаты.

– Александр Сергеевич Пушкин, – старательно выговаривал он. – У лукоморья... У лукоморья дуб зелёный... золотая цепь на дубе том...

Когда он закончил, Алиса захлопала в ладоши, а Женя вздохнула.

– Как хорошо.

Эркин довольно улыбнулся, и смутное чувство незаконченности дела ушло окончательно. Непонятные слова крепко легли в память и теперь не казались непонятными.

Потом Женя смотрела их тетради, а Алиса сидела уже на коленях Эркина.

– Молодцы! – Женя собрала тетради в стопку. – Ни одной ошибки.

– А теперь играть! – соскочила на пол Алиса.

Встал и Андрей.

– Идите, – кивнул Эркин.

– А ты? – Алиса даже губы надула. – Эрик, ну...

– Сделаю шауни и приду, – улыбаясь, но твёрдо ответил Эркин.

– Пошли, племяшка, – рассмеялся Андрей. – Давно мы чего-то в щелбаны не дулись.

Женя молча погладила Эркина по плечу, и они все вместе и сразу ушли. Оставшись в одиночестве, Эркин достал тетрадь по шауни. Да, Андрей прав, конечно, ну и что, что не задавали, писать-то надо правильно. Слово – перевод, слово – перевод... Исписав страницу, он придиричиво сверил её с написанным на уроке. Вроде... да, всё правильно. А если... Эркин достал ещё одну тетрадь и записал все слова как словарь, но в три колонки: на шауни, по-русски и по-английски. Перечитал шёпотом. Вот так, вот теперь правильно.

Он спрятал обе тетради – по шауни и словарь – в свой ящик, перебрал и сложил в стопку тетради и учебники на завтра, выключил настольную лампу и встал. С наслаждением потянулся, чувствуя, как заиграли, задвигались мышцы. Ну-ка, где они?

В большой комнате Эркин сразу услышал визг Алисы и злорадный хохот Андрея.

– Ну, и кто кого? – вошёл он в комнату Алисы.

– Вот! – Алиса соскочила со стула. – Теперь ты с Эриком сыграй.

– К-куда?! – перехватил её Андрей. – Я-то сыграю, а ты расплачивайся. Тридцать шелбанов заначить хочешь? – хохотал Андрей, тиская и щекоча выворачивающуюся из его рук хохочущую до взвизгов Алису. – Не выйдет!

– Чего ж ты столько продула? – спросил Эркин, усаживаясь на стул.

– Да-а, – протянула Алиса. – А он хитрый. Он так треплется, что я на руки и не смотрю.

Говоря об игре, Эркин невольно перешёл на английский. И так же свободно заговорили по-английски Андрей и Алиса.

– Андрюха, а давай меняться!

– Щелбан на конфету!

– Не-а, на укус. В «мишках» шесть укусов. Честно.

– Четыре.

– Пять, уступила Алиса.

– Ладно, – Андрей подмигнул смеющемуся Эркину и отпустил Алису. – Тащи «мишек».

Десять штук.

– Как десять?! – возмутилась Алиса. – Шесть!

– Смотри-ка, – изумился Андрей. – Она и считать умеет?

– А вот и умею! – убежала Алиса.

Андрей хохотал, раскачиваясь на стуле.

Шесть «мишек» Женя не дала, но отсыпала других и разных. Алиса принесла целую пригоршню, и они с Андреем долго спорили: в какой конфете сколько укусов. Эркин хохотал так, что не мог считать. На их крик и смех прибежала Женя, к ней обратились за консультацией, и она сразу ошиблась, сказав, что карамелька не кусается.

– Мама! – ахнула Алиса. – Ты что?!

– Так её же сосут.

– Ясно, один укус! – торжествующе хохочет Андрей.

– Так её сколько сосёшь?! – возмущается Алиса. – Укусил и всё, а тут до-олго.

– Договаривались на укусы, а уговор дороже денег.

– Три, – кричит Алиса. – Три укуса. Два конца и серединка.

Наконец всё сосчитали, и Андрей выбил Алисе в лоб пять щелчков разницы.

– Ладно, – Алиса потёрла лоб и хитро посмотрела на Эркина. – Эрик, а теперь ты будешь играть, да? Ну, да же!

Эркин вытер мокрое от слёз лицо и сел напротив Андрея.

– Давай.

– Ага-ага, – суежилась Алиса. – Мам, ты сюда садись, я рядом, мы смотреть будем.

– Ладно, – Андрей сел поудобнее. – На две, что ли?

– Не малолетки же, – ответил Эркин. – На две и вперехлест.

– Ладно, ты только того... Не очень.

– Не очень, не очень, – кивнул Эркин. – Начали.

Эркин с самого начала задал такой темп, что Андрей ни одного очка не взял. Когда счёт приблизился к ста, Эркин совсем незаметно, чуть-чуть замедлил движения, и Андрей смог размочить счёт. Игра пошла с переменным успехом, и на счёте сто пятьдесят семь – сто сорок семь Женя решительно сказала:

– Всё. Пора ужинать.

– Ладно, – сразу согласился Эркин. – Подставляй лоб, Андрей.

– А ежели на сигареты обменять, а? – Андрей подмигнул Жене и Алисе. – По затяжкам.

– Я не курю, – рассмеялся Эркин.

– Тогда на конфеты.

Помирились на пяти щелчках, трёх карамельках и большой шоколадной конфете. Эркин сгрёб конфеты и выбил Андрею его проигрыш.

– Всё, чист, – Эркин встал и сказал уже по-русски: – Пошли ужинать.

– Пошли, – встал и Андрей.

Выигранные конфеты Эркин сложил в общую вазочку. Алиса выжидающе посмотрела на Андрея, но тот в ответ только скорчил рожу и аккуратно разложил остатки своего выигрыша у своей тарелки.

Ели творог со сметаной и сахаром, пили чай с конфетами. И Андрей щедро угощал всех своим выигрышем.

И как всегда после ужина Женя укладывала Алису спать, Эркин ходил поцеловать её на ночь, а Андрей накрывал на вторую «разговорную» чашку.

– Ну вот, – Женя с удовольствием оглядела их. – Давайте решать.

– А в чём проблема? – улыбнулся Андрей. – Я серьёзно, Женя.

– У тебя с отпуском решилось? – спросил Эркин.

– Десять месяцев отработать надо, – стал серьёзным Андрей. – А у вас?

– Так же, – кивнул Эркин и посмотрел на Женю.

– Да, – Женя подвинула к Андрею конфеты. – Я и в профсоюз ходила, выяснила. Так вот, зимние мы со всеми отгуляли, а ещё двадцать дней осенью, не раньше октября.

– Ну, и у меня, значит, так же, – хмыкнул Андрей. – Закон, говорят, он всем закон. Хотя... стоп, я же с мая, так десять месяцев... – он запнулся.

– Май – это пятый месяц, – сказал Эркин. – А всего их двенадцать, так? – и сам себе ответил: – Так. Значит, после февраля пойдёшь.

– Это в марте? – Андрей мечтательно вздохнул. – Ох, и погуляю я... котом мартовским.

Женя так смеялась, что даже взвизгнула. Смеялся, упав лицом на руки, и Эркин. Андрей самодовольно ухмыльнулся и встал.

– Ну, кто куда, а я баиньки, – и, выходя из кухни, тихонько мяукнул.

Отсмеявшись, Эркин встал и собрал посуду.

– Ты иди, Женя, ложись, я уберу.

– Ага, – встала и Женя. – Спасибо, милый.

Эркин вымыл и расставил посуду, налил воды в чайник, чтобы утром только на огонь поставить. Прислушался. Так, Женя вышла из ванной. Если он сейчас и столкнётся с Андреем, то не страшно, хотя нет, Андрей будет его ждать.

В ванной он быстро вымылся, с наслаждением растёрся полотенцем и, прислушавшись, немного потянулся, разминая мышцы. И в прихожей столкнулся с Андреем.

– С лёгким паром, – ухмыльнулся Андрей.

– И тебя с будущим, – улыбнулся Эркин.

Женя лежала в постели и ждала его. Войдя, Эркин привычно закрыл за собой дверь, сбросил халат на пуф и потянулся под восхищённым взглядом Жени.

– Какой ты красивый, Эркин, – вздохнула Женя.

И тихо засмеялась: такой счастливой была улыбка Эркина.

Время позднее, завтра рано на работу, и Эркин позволил себе только обнять Женю, поцеловать и погладить, пока её тело не стало совсем сонным. И когда она уснула, уткнувшись лицом в его шею, он, осторожно потянувшись над ней, выключил лампу и распустил мышцы. Женя всё ещё обнимала его, и он уже во сне подвинулся, чтобы ей было удобно лежать.

У себя в комнате Андрей сбросил на стул халат, погасил свет и лёг. Простыня приятно закрипела под телом. До чего же хорошо! Девчонкам он написал, как надо, на работе, в школе, да везде – всё у него тип-топ, хорошо, и лучше не надо. А то письмо... а на хрен! Не нужен он отцу, ну, так и чего психовать, не из-за чего.

Андрей вздохнул, заворачиваясь в одеяло. Он не хотел думать об этом, но всё равно... Каждый – не каждый, но уж через два вечера на третий накатывало. Он старался вспоминать отца тогдашним, а видел нынешним, председателем Комитета. И снова от острой боли щемило в груди, как от удара. Андрей стиснул зубы, пересиливая слёзы. И справился. Не в первый раз ему вот так... Ну что, мама? Всё у меня хорошо, всё тип-топ, живу, работаю, учусь. Живу в семье, работаю кем хочу, учусь в школе. Мама, жаль, тебе бы Эркин понравился, и Женя, жена сына – невестка, так? Так, мама, ты бы ведь взяла Эркина в сыновья, он же – мой брат, я так хотел старшего брата, ты знаешь, нет, жена сына – это сноха, Женя тебе сноха, а ты ей – свекровь, Аня с Милой и Алиской вместе бы играли, хотя... Миле сколько сейчас? Мне двадцать один, а она на три года младше, а Аня старше так Ане тогда двадцать четыре, а Миле восемнадцать, мы бы их замуж выдавали, да, мама, всё у меня хорошо, мама, вот тебя только нет, и сестрёнок, а отец... Мама, когда он ушёл, ты нам что сказала? Чтоб мы молчали и даже не думали о нём, не вспоминали, чтоб и случайно не проговориться, будто его и не было. Ну, так оно и есть. Не было его и нет. И не нужно. Мама, у меня всё хорошо, слышишь, мама?

Андрей уже спал, продолжая во сне разговаривать с матерью.

Приглашение на вечеринку к Джинни и обрадовало, и смутило Громового Камня. Конечно, приятно, и на паре вечеринок он уже был, всё прошло великолепно, но... но Джинни с той стороны, она-то девчонка и не понимает ничего, но вот её мать... Он её видел пару раз в городе, и, в общем, она ему даже понравилась, вполне приличная старуха, но Джинни как-то обмолвилась, что её отец погиб на войне, так что... так что вряд ли её матери будет приятно видеть его форму и награды. А в племенном тоже не пойдёшь, а штатского у него ничего нет. Значит... значит, надо купить. Рубашку, брюки, ботинки, носки и кое-что поверх рубашки, скажем, лёгкую куртку или дешёвый пиджак.

Он достал и пересчитал свои деньги. Зарплату обещали на следующей неделе, за квартиру он заплатил, но... но остаться без копейки, чтоб и сигарет не на что купить, тоже не хочется. Нет, значит... на сигареты и всякие мелочи десятка до зарплаты, а на остальные пойти купить одежды.

Громовой Камень оттолкнулся от стола и встал. Быстро скинул кожаную рубашку, леггинсы и мокасины, убрал всё это в шкаф и достал форму. Она у него всегда в порядке. Быстро оделся, уложил деньги в нагрудный карман гимнастёрки и застегнул пуговичку. Глянув в зеркало, расчесал волосы. А хорошо его постригли, и вообще... ничего смотрится. Не «смерть девкам», но близко к этому. День пасмурный, и без палки не обойтись. Но боли вполне терпимые.

Будним днём в пансионе тихо и пустынно. Жильцы на работе, хозяйка и прислуга заняты домашним хозяйством. Громовой Камень спустился вниз, взял из стойки для зонтиков свою палку – он теперь держал её здесь и по дому ходил свободно – и вышел на улицу.

День не то что пасмурный, но... приглушенный, дождя нет, может, и не будет, а в воздухе стоит мелкая водяная пыль, и тепло. Громовой Камень шёл быстро, но без спешки, не наваливаясь на палку. Как всегда, в будни с утра прохожих мало, некоторые из встречаемых с ним здоровались. Иных он вспоминал: родители его учеников, – лица других просто знакомы, но отвечал он всем.

А вот в торговых рядах было людно, хоть и не так, как в выходные. Громовой Камень шёл вдоль ряда мужской одежды, когда его окликнули:

– Ой, доброго здоровья вам! Наконец-то заглянули!

Громовой Камень оглянулся. Пухленькая кудрявая блондинка приглашающе улыбалась ему из-за прилавка. И он сразу вспомнил её. Это мать худенького и такого же белоглового мальчика из группы дошкольников, да, Филя, Филипп Смирнов.

– Здравствуйте, – улыбнулся он ей, подходя к прилавку с мужскими рубашками.

– Вот хорошо, что зашли, – она радостно тараторила, раскладывая перед ним прозрачные хрустящие пакеты. – Только-только получили, из Царьграда товар, лёгкие, чистый хлопок, как раз для лета, и расцветка самая модная, а уж вам-то к лицу будет...

Под её трескотню он выбрал себе две рубашки: бежевую с короткими рукавами на жару и голубовато-серую с длинными. Конечно, этого мало, и цвета хорошие, но денег в обрез.

А брюки лучше тёмные, конечно, для лета, да, положены светлые, но ему-то нужны универсальные, чтоб и в пир, и в мир. Ещё ботинки, тоже тёмные, но лёгкие, кожаные под гуталин, две пары носков и... на третью ему не хватило.

И уже идя домой с аккуратным тючком, Громовой Камень вспомнил про куртку. Так, здорово же он просчитался, хотя... хотя, стоп, у него же есть куртка, племенная, с вышивкой и бахромой, но именно куртка, а не рубашка, так что вполне ничего, вполне и даже очень.

Дома он распаковал тючок и разложил покупки на кровати, полюбоваться. Да, возможно он переплатил, и скорее всего, именно так, но у него никогда не было таких... вещей. В Эртиле до армии, ему все покупали, в армии тоже понятно... без выбора. Нет, он всё-таки купил хорошо. Так что завтра с утра на урок он пойдёт как всегда в форме, потом вернётся, пообедаст, приведёт себя в порядок – примет душ, переоденется – и пойдёт к Джинни. Посмотрим, что из этого получится.

Россия

Ополье

Туровский конный завод

Чолли придержал Раската, похлопал по шее и отпустил поводья. Облака разошлись, открывая летнее солнце, и равнина сразу заискрилась, заблестела. Чолли распахнул куртку, снял и сунул в карман шапку, подставляя лицо солнцу. Ну вот, первую весеннюю страду они свалили, огород у них теперь не хуже, чем у других. Сад, правда, голый, но опять же соседи объяснили, что сад делают осенью, а урожая всё равно ещё ждать и ждать, но и у них не день впереди, не год, а вся жизнь. А цветы в палисаднике уже цветут вовсю, беседку для летнего чая ему помогли поставить, и летнюю кухню, чтоб зря печь не топить, в хлеву стоит корова, бело-рыжая Милка, и молоко теперь своё, да ещё десяток кур с пёстрым петухом... немалое хозяйство, Настя за весь день не присядет, и он сам до работы, после работы...

Чолли усмехнулся. Смешно, но ему даже нравится всё это. Это его хозяйство, его дом, его семья. Там, в Алабаме, всё равно в нём жило постоянное: отберут! Хозяйское слово ненадёжно, сегодня дал, а завтра отнял. Не за что-то, не почему-то, а только чтоб власть свою показать. А здесь... здесь совсем другое. Они это купили, на свои деньги, а что подарили им, так это ж по дружбе, от чистого сердца. И когда Силины, что в соседнем проулке живут, младшего своего женили, так он с Настей вместе со всеми на той свадьбе гулял, и Настя со всеми женщинами свадебный пирог ставила, а на поезжанье, когда за невестой в Маковку – соседний посёлок – поехали, так он с мужчинами верхом на Раскате, а Настя с другими молодками в бричке. Хорошо погуляли.

Чолли рассмеялся воспоминанию и шевельнул поводом. Раскат сразу пошёл рысью. А объезжать Раската ему и не пришлось, конь будто всё знал заранее и подстраивался под него. Теперь-то он понял, что такое: свой конь. Раскат под него, и он под Раската. На следующее лето, когда с табуном будет в степь уходить, Раскат уже поставлен будет. А сёдла здесь другие,

пришлось заново учиться да привыкать, это Раскат его принимает как есть, а другие, бывает, сердятся. И он хоть и рабочим пока числится, а и на объездку его зовут, и конюхам он не только помогает, а бывает и наравне работает. И всё не за просто так, а к зарплате прибавка. Ну-ка, давай, Раскат, пошёл, ну, пошёл!

И свист ветра в ушах, и стремительно летящая под копыта зелёная молодая трава. Давай, Раскат, давай! Чолли привстал на стременах, подался навстречу ветру.

Как тренировать Раската, ему рассказали подробно и очень понятно. А однажды, когда он работал Раската в манеже, пришёл директор, постоял, посмотрел, а потом вошёл к нему и сказал. Всё по делу и не обидно. И не по-хозяйски. Нет, он директору не ровня, и говорил с ним директор не как с ровней. А... как опытный с новичком. Он для директора – человек, а не скотина рабочая.

Чолли прислушался к дыханию Раската и довольно улыбнулся: хорошая дыхалка, а если ещё поставить, как ему говорили, то на осенних скачках он со многими поспорит.

А в прошлое воскресенье Мишку и Светку на коня сажали, из младенчества вывозили. Положено здесь так, чтоб от материнской груди да на коня. Соседи собрались, сразу после церкви, стол во дворе накрывали, Настя напекла пирогов, у неё уже совсем хорошо получается, он привёл из конюшни Раската и вывез Мишку. И всё бы на этом, да Светка такой рёв подняла, что и её посадили, а она сразу за гриву уцепилась, еле стащили потом. Смеху было, что, дескать, по ошибке девка, парнем бы ей быть, поминали каких-то Кавалерист-Деву и Анку-Атаманшу. А на следующий год он Пашу вывезет.

Так, дыхалку он Раскату сегодня отработал, пора и домой. Раската обиходить, домой забежать и на дежурство, сегодня он в ночь. И, словно услышав его мысли, Раскат, не сбавляя хода, стал поворачивать налево, к посёлку.

– Хорошо, Раскат, – похлопал его по шее Чолли. – Хорошо. Домой.

Россия

Цареградская область

Алабино

На выходной он решил съездить в Царьград. Погуляет, сходит в зоопарк. Читать он читал, но надо и посмотреть. Утром выедет, вечером вернётся. Он словно спорил с кем-то, отговаривающим его. В самом деле, чего ему киснуть, ездил же, и не раз, и всё благополучно обошлось, деньги, да, потратил, ну, так он же и зарабатывает неплохо, и одет на уровне, и вообще...

И, ложась спать, Дэн завёл будильник на полвосьмого. Чтобы успеть на электричку в восемь пятнадцать, тогда в полдесятого он в Царьграде. Он уже лежал, когда в дверь постучали.

– Кто? – спросил он, не открывая глаз.

– Это я, Арчи, открой.

Чертыхнувшись, Дэн вылез из-под одеяла и зашлёпал к двери, щёлкнул задвижкой.

– Входи, – и отступил вбок.

Арчи умело приоткрыл дверь на щель и ловко проскользнул в комнату.

– Ты чего так рано завалился?

– В Царьград с утра еду, – хмуро ответил Дэн. – Чего тебе?

Арчи внимательно посмотрел на него. И спросил, заранее зная ответ:

– Сигареты есть?

– Ты чего? – удивился Дэн. – Головой приложился? Я ж не курю.

– Знаю, – кивнул Арчи и улыбнулся. – А вдруг завалялись?

– Иди ты! – Дэн выругался по-английски и продолжил по-русски: – Коли за этим, так отваливай.

– А поговорить если?

– С этим к доктору Ване. Или к батюшке. Отваливай. Мне вставать рано.

– А чего у тебя там в Царьграде? – не унимался Арчи. – Зазнобу завёл?

– А пошёл ты! – кинулся на него Дэн.

Но силы были равны, и выкинуть Арчи из комнаты не получилось, а там и коридорный мог на шум заявиться, а это уже скандал и до милиции недалеко. А им это нужно?

– Ладно, – отпустил он Арчи. – Говори, зачем пришёл.

– Я ж сказал уже. Поговорить, – Арчи заправлял рубашку в брюки, дрались-то не всерьёз, так что ни синяков, ни порванной одежды и быть не могло. – Тоскливо что-то.

Дэн невольно кивнул. В самом деле, какая-то непонятная тоска то и дело накатывала на него. Да и на остальных, он же видит.

– Ладно.

Он взял со стула и прямо на голое тело натянул старые армейские штаны, потом включил верхний свет.

– Чаю хочешь?

– Для разговора если, – пожал плечами Арчи.

Для разговора – это остывший чай, неполные чашки: всё равно пить не будут. Дэн отодвинул занавеску, закрывавшую кухонную нишу и стал накрывать на стол.

Готовить в комнатах не то, чтобы запрещалось, а... не одобрялось, скажем так. Трактир внизу, только закажи, и тебе всё прямо в комнату доставят, но чай... святое дело. И в каждой комнате ниша за весёленькой в тон к обоям занавеской, а там шкаф-стол для посуды и продуктов и маленькая – на один диск – электроплитка.

Дэн поставил на стол две чашки с чаем и кивнул.

– Садись.

С чего-то разговор надо начинать.

– Ты завтра как?

– Во вторую, – Арчи вертел, катал в ладонях чашку, будто грелся. – Ты в школу записался?

– Как все, – Дэн усмехнулся. – А чего ещё делать?

– Слушай, – Арчи улыбкой извинился за вопрос, – ты в Царьград поэтому мотаешься?

Дэн угрюмо кивнул.

– Ну... интересно тоже, конечно.

Помолчали, и Арчи заговорил о том, о чём все думали, но старались вслух не говорить.

– Элам проще.

– Да, смотри, как устраиваются.

– Хотя... вон Джо с Джимом возьми.

– Они вдвоём, так что семья, да и Пафнутьич, крёстный их...

– Он одинокий, своей семьи нет, вот и пофартило парням.

– А Тётя Паша нам всем крёстная, да на всех её не хватит.

Семья, иметь свою семью... раньше они об этом не думали. Лишь бы выжить. И в госпитале, в Спрингфилде, все жили в одном корпусе, и они были как все. А здесь... гостиница, мебелишки, жилец на пансионе... устроились-то все, а всё не своё, у чужих, ну, не из милости, а за деньги, а всё одно. Своего только одежда, да из посуды кой-какая мелочь. Будто...

– Временные мы здесь, – сказал вслух Дэн.

И Арчи кивнул.

– А что делать? Не там же оставаться.

– Ещё чего! – фыркнул Дэн. – Как Андрею? Дрожать, что встретишь?

– Ну, я-то своего подушкой, – усмехнулся Арчи, – прикрыл.

– Последнего, – уточнил Дэн. – А прежнего? А надзирателей? Э, да чего там говорить.

А здесь... может, и приживёмся.

– А куда ж денемся, – ответил по-русски Арчи. – Назад дороги нет. Ты ссуду потратил? Дэн мотнул головой.

– На одежду оставил, а остальное на книжку.

– Ну, как все, – улыбнулся Арчи. – Тётя Паша присоветовала?

– А кто ж ещё? У доктора Юры теперь свой дом. У доктора Вани тоже. Кому мы нужны, сам подумай.

Арчи кивнул, но возразил.

– А помнишь, доктор Ваня говорил, что мы сами себе нужны. Что все люди... как это? Да, самоценны.

– Ты уже вроде Андрея заговорил, – усмехнулся Дэн. – Так это люди, Арчи, а мы... – и по-английски: – Погань рабская, – и снова по-русски: – И людьми не станем. Ты же знаешь это.

– Знаю, – вздохнул Арчи. – Но... послушай, мы же перегорели.

– И кому мы теперь нужны?

Дэн сам не ждал, что разговор так пойдёт, но вот... накалилось и выплёскивается.

– Ладно, – тряхнул он головой. – Как будет, так и будет.

– Ладно, – согласился Арчи. – На следующей неделе школа заработает, не до психов станет.

Дэн с улыбкой кивнул. Доктор Ваня им так и говорил, ещё в Спрингфилде. Чтоб всякая дурь в голову не лезла, надо чем-то заняться. И школа тут в самый раз.

– С осени тогда на среднюю? – окончательно перешёл на русский Арчи.

– Аттестат же нужен, – ответил Дэн. – Со справкой нас только здесь и будут держать.

А так...

– Ну, и дипломы наши, – возразил Арчи. – Массажист, медбрат, а санитаром тебя и так везде возьмут. Но аттестат тоже нужен. Да только три года пахать.

– Отпашу, – усмехнулся Дэн. – А ты что, против?

– Нет, конечно.

Арчи рывком встал.

– Ладно, спасибо за разговор. И спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – кивнул Дэн.

Когда Арчи ушёл, он собрал со стола чашки и пошёл их мыть. За одной занавеской кухня, за другой – душ и уборная с раковиной, все удовольствия сразу и под боком. Как в госпитальном боксе. Или хозяйской камере. Там тоже всё рядом. Нары, унитаз и душ. Только без занавесок. Он досадливо тряхнул головой. Что-то часто он прошлое вспоминать стал. Нет, к чёрту, спать. А завтра в Царьград и... и всё у него будет. Пока ему хватает, а вот обзаведётся семьёй, тогда и о доме думать будет. По семье глядя.

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

До экзаменов оставалось две недели, и Культурный Центр ходил ходуном. Ведь такое... такое... ну, никогда ж такого не было!

– А ну, как не сдадим? – Трофимов сокрушённо разглядывал свою тетрадь по русскому.

Ему ответили вздохами и хмыканьем: все в последнем диктанте насажали ошибок. От волнения, что ли? Андрей ухитрился перепутать все безударные, Эркин опять не поставил ни одной запятой, а Тим всё написал английскими буквами. И остальные... у кого как, но неправильно.

– Ничего страшного, – успокаивала их Полина Степановна. – Бывает.

Артём тоскливо вздохнул, покосился на хмурого соседа.

– Когда переписывать будем? – разжал губы Эркин.

– Не будем, – ответила Полина Степановна.

Все удивлённо уставились на неё. Как так?! Ошибки надо переписать, всегда ж так было. Она улыбнулась.

– Вы просто устали. Сегодня читаем и поговорим о прочитанном. Кто выучил басню?

Руки подняли почти все. Полина Степановна кивнула, укоризненно посмотрела на густо покрасневшего Иванова – уже в третий раз отказывается – и вызвала Артёма.

И, хотя больше об экзаменах речи не было, на перемене заговорили о том же, вернее, о детских.

– Ну, нам ладно, а мелюзге-то зачем? – пыхнул дымом Павлов.

Его чёрное лицо лоснилось от пота: уж очень туго давалась ему грамота.

– У них не экзамен, – возразил Артём. – А этот... утренник. И тесты. Класс определяют. И всё.

Эркин кивнул. Алиса дома уже всем уши прожужжала об утреннике. И родителей собирали, объясняли, что и как подготовить. Выставка работ будет, ну, покажут, что нарисовали-налепили, а потом концерт. Будут петь, плясать и стихи читать.

– Нам бы так, – хмыкнул Андрей.

Все дружно рассмеялись.

– А что? – зубоскалил Андрей. – Не спели бы? Да ещё как! И сплясали бы, – и вдруг шёпотом, так что только они, кто не просто рядом, а вплотную стоял, услышали, выдал речитативом такую частушку...

Эркин даже задохнулся от смеха, и Андрей похлопал его по спине.

– Да-а, – вытер выступившие слёзы Аржанов, – тут ты отличник.

Прозвенел звонок, и они вернулись в класс. Сейчас история, тоже... экзамен сдавать. Три экзамена – это ж... Обалдеть! Хорошо хоть, что по английскому только итоговая контрольная – и всё. А по русскому – диктант, по математике – экзамен, но там тоже писать надо, а историю и природу устно сдавать. Хорошо, что за раз: вопрос оттуда, вопрос отсюда... Ох, как голова не лопнет... Братцы, если сдам...

Но в класс вошла Калерия Витальевна, и Андрей отмахнулся от Трофимова.

– Потом доскажешь, Олег.

Калерия Витальевна оглядела класс. Сосредоточенные до угрюмости лица, внимательные глаза.

– Повторим, о чём говорили на прошлом уроке.

Понимающие кивки, шелест перелистываемых страниц... Обычный урок. Ну, а если на экзамене такой же вопрос попадётся? Так что теперь смотри в оба глаза, а слушай в четыре уха.

Как всегда, после уроков они шли домой втроём: Эркин, Андрей и Тим. Шли молча, но вместе.

– Завтра на шауни? – спросил, уже подходя к дому, Тим.

– Как всегда, – ответил Андрей.

А Эркин молча кивнул. Он что-то очень устал. Больше, чем обычно. И чувствовал такую же усталость у Андрея и Тима.

– А если ещё и по шауни экзамен... – вдруг сказал Андрей.

– Какой экзамен, когда нас трое всего, – возмутился Тим. – И занимались всего ничего. Охренел?!

– Я ж сказал. Если... – ухмыльнулся Андрей.

Но они уже подошли к дому, и заводиться Тим не стал. Да и не из-за чего, если всерьёз подумать. Он хмуро попрощался и ушёл к своему подъезду. Андрей покосился на Эркина и улыбнулся.

– Ничего, братик, всё будет в порядке.

– Раз выжили, то и проживём, – ответно улыбнулся Эркин.

Поднялись по лестнице, так же не спеша прошли по коридору к своей двери. Женя встретила их обычным:

– Ну, молодцы, мойте руки и за стол.

Чай, картошка с жареными сосисками, печенье, хлеб, масло...

– Женя, умереть, как вкусно.

– На здоровье, Андрюша. Эркин, ещё?

– Спасибо, Женя, – Эркин покачал головой, облизал и отложил вилку, вздохнул. – Женя, я с диктантом сегодня... – и снова вздохнул. – На двойку написал.

– Я тоже, – сразу кивнул Андрей и недоумевающе пожал плечами. – Как затмение нашло.

– Ничего страшного, – Женя налила Эркину чаю, подвинула ближе к Андрею вазочку с конфетами. – Бывает. Вы просто у стали.

– Да, Полина Степановна тоже так сказала, – Эркин тряхнул головой. – Женя, что Алисе ещё нужно? Ну, для утренника?

Женя улыбнулась.

– Да вроде всё. Туфельки я ей купила, белые, под платье.

– Это рождественское? – уточнил Эркин.

– Ну да. В матроске жарко уже.

– А я его не видел, – усмехнулся Андрей и тут же сам себя утешил: – Ну, на утреннике и посмотрю, – допил чай и встал. – Кто куда, а я баиньки. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – почти в один голос ответили Эркин и Жене.

Когда они остались вдвоём, Эркин виновато посмотрел на Женю.

– Женя, я... я сам не понимаю, как это получилось. Ну, с диктантом.

– Ничего, – улыбнулась Женя. – Всё будет хорошо, Эркин.

– Да?

– Ну, конечно.

Женя потянулась к нему и погладила по плечу. Эркин перехватил её руку, поцеловал и встал.

– Я уберу.

– Нет, ты устал, – встала Женья. – Я всё сделаю, а ты иди, ложись.

Эркин кивнул и вышел. Что-то он очень устал, даже как-то... чересчур. И хотелось одного: лечь и заснуть. Он дотащил себя до душа, быстро и без обычного удовольствия обмылся и уже во сне добрался до спальни и лёг.

И когда Женья пришла в спальню, он уже спал и даже не проснулся от её поцелуя в висок. Только вздохнул, как всхлипнул. Женья выключила лампу и вытянулась рядом с ним. Пусть спит, смешно, конечно, что он так переживает из-за случайной двойки, смешно и трогательно. Она даже тихо засмеялась, засыпая. Эркин не мог её услышать её смеха, но его лицо просветлело.

Громовой Камень, выйдя из дома, с наслаждением всей грудью вдохнул по-утреннему свежий и по-летнему тёплый воздух. До чего же хорошо! К утреннику, правда, он ничего не приготовил. Но это не страшно. Задел у него есть: почти вся дошкольная группа идёт в трёхязычный класс. И в средней школе не с нуля начнёт. А со взрослыми... Две субботы вылетают: сегодня – утренник, а в следующую у них устный экзамен. Летом занятий не будет. Ладно, в сентябре продолжим. Тим, может, и бросит, но Морозы – оба – не отстанут. Из какого всё-таки племени Эркин? Редкое имя, практически, да, только читал, но с таким именем не встречал, даже не слышал, легенда... уж очень похожа на правду, а правда – она страшная. Имя обречённых. Как такое могло получиться? А сам он говорить об этом явно не хочет. Совсем обрусел, даже язык как заново учит, но ведь пришёл же. Видимо, родители очень рано увезли из племени...

Он шёл быстро, почти не хромая. Сегодня он опять в форме, при полном параде. Без пиджака в одной рубашке торжественности нет, а в куртке жарко. Но тогда на вечеринке у Джинни она произвела впечатление. Громовой Камень улыбнулся воспоминанию...

...Собирались в семь, и он вышел из дома без десяти минут. Когда он, уже во всём новом и в племенной куртке спустился вниз, Ефимовна громко ахнула.

– Господи Иисусе, каким ты красавчиком, Гриша. В гости никак?

– Да, – улыбнулся он. – В гости.

– Ну, в добрый час тебе, с богом.

И Капитолина Алексеевна вышла как раз в переднюю, и тоже ахнула, восхищаясь курткой, и пожелала удачи. И на улице смотрели ему вслед, но без насмешки, только с удивлением. А уж дома у Джинни...

... «Беженский Корабль» – смешное и точное название – встретил его вечерними огнями в окнах, а у подъезда вдруг окликнули:

– Хей! Я тебя вижу, кутойс.

Это был младший Мороз, Андрей.

– Хей, и я тебя вижу, – ответил он.

Андрей явно тоже направлялся куда-то в гости, но остановился поговорить. Сказал пару слов о погоде и перешёл на русский язык.

– Это, – и показав глазами на его куртку, – это... своё, ну, племенное, да?

– Да, – кивнул он с улыбкой.

– И со значением, как имя?

– Да.

Он понял, что Андрей и хочет расспросить его, и не решается задерживать, а потому пообещал:

– На уроке расскажу.

– Спасибо, кутойс, – обрадовался Андрей и попрощался, совсем правильно, даже акцент слабо заметен.

И, поднимаясь по лестнице, он улыбался: вот и тема следующего урока определилась. В коридоре второго этажа ему опять встретились его ученики из дошкольной группы. Но те только здоровались, изумлённо разглядывая его куртку. У дверей квартиры Джинни он остановился, перевёл дыхание и позвонил. Ему открыла Джинни и ахнула.

– Как хорошо! Здравствуй, заходи! Мама, посмотри, кто пришёл!

Он вошёл, и его сразу окружили, ахая, рассматривая и восхищаясь. Все собравшиеся были ему знакомы, и всё было хорошо, как на любой вечеринке...

...Ну, вот и дошёл. Сегодня в Центре многолюдно, как на открытии. Дети, их родители, знакомые, учителя. В фойе по стенам развешаны рисунки и вышивки, на столах расставлены поделки. И все с аккуратно надписанными табличками.

И вместе со всеми Громовой Камень ходил, рассматривал. Его то и дело окликали, чтобы он подошёл, посмотрел именно этот рисунок, или вылепленных зверюшек, или вышитую салфетку. И все называли его кутойсом. Дети, а за ними и их родители.

– Это я нарисовала, – гордо показывает ему Алиса на свой листок. – А ещё я петь буду. И...

– Алиса, – строго останавливает её Женя.

Громовой Камень, соглашаясь, кивнул и сказал на шауни:

– Перед боем не хвастают, – и по-русски: – Переведёшь?

– Ну-у, – протянула Алиса и посмотрела на стоявшего рядом Эркина. – Ну... себя не хвалят... перед боем. Так?

Громовой Камень и Эркин кивнули одновременно.

– Кутойс, а это я вылепил, – влез Дим. – И Катька.

Алиса покосилась на него, но промолчала. Всё равно она успела первой.

Зазвенел звонок, и все потянулись в зал. Валерия Иннокентьевна, в белой кофточке с кружевным бантом и длинной чёрной юбке, слепо наткнулась на Громового Камня у входа в зал. Он поддержал её под локоть.

– Всё будет хорошо, Лера.

– Спасибо, Гриша.

Она улыбнулась ему и тут же побежала вперёд по центральному проходу к сцене.

– Дети, хор, сюда, на первый ряд. Алевтина Алексеевна...

Алевтина Алексеевна уже сидела за роялем и с улыбкой смотрела с высоты сцены, как рассаживаются участники и зрители.

Джинни усадила Норму.

– Мама, я пойду к детям.

– Конечно, Джинни, всё в порядке.

Норма ободряюще похлопала её по руке. И Джинни убежала к детям.

Андрей, сидя рядом с Эркином и Женей, изо всех сил удерживался, чтобы не скорчить рожу то и дело оглядывающейся на них Алисе. Эркин, будто почувствовав что-то, покосился на него, и Андрей сразу стал очень серьёзным.

Вела концерт Василиса Васильевна. Она была в длинном нарядном платье и туфлях на высоких каблуках. И все учителя сегодня оделись очень нарядно. Даже те, кто не работал с детьми. Мирон Трофимович все свои ордена надел. И Аристарх Владимирович тоже. Два ордена и медали. А так никогда не подумаешь.

Эркин видел знакомых по «Беженскому Кораблю», по Старому городу, но особо оглядываться и озираться было уже некогда. На сцену поднимался хор дошкольников. И среди них Алиса. В белом, с оборочками и кружевами платье, что ей на Рождество подарили, в белых гольфах и новых белых туфельках. Женя сделала ей два чуть подвитых на концах хвостика-локона и вывязала пышные белые банты. И остальные девочки тоже в новых нарядных платьях, а мальчики, все как один, в белых рубашечках.

Валерия Иннокентьевна переглянулась с Алевтиной Алексеевной, и та начала играть. Двое или трое малышей начали петь невпопад и немного раньше, но в целом «Во поле берёзонька стояла» получилась очень стройно. Зал хлопал, не жалея ладоней. Потом спели ещё про солнышко и лето. И вперёд по знаку Валерии Иннокентьевны вышли трое. Маленький круглолицый негритёнок – Эркин знал, что он из той же башни, что и Миняй, а отец у него трёхкровка и работает на стройке, весной приехали, – смуглая кудрявая девочка из Старого города и Алиса. Они спели по-английски. Джинни перевела дыхание и захлопала вместе со всеми.

После пения малыши встали в строй, и весь хор стал читать стихи. Каждый по две-три строчки, а получалось очень складно и красиво.

Малышам долго и упоённо хлопали. Зина умилённо промокнула платочком глаза, а Тим с усилием еле удержал лицо.

Сбежав со сцены, дети бросились к родителям, а на сцену стали подниматься старшие.

Пока выступала мелюзга, Артём спокойно сидел рядом с дедом и бабкой, держа на коленях Ларьку. И пение, и стихи ему понравились. Но когда на сцене встали старшие, а среди них Санька в новенькой голубой вышитой рубашке и Лилька в синем, обшитом пёстрой тесьмой сарафанчике и белой вышитой кофточке, он заволновался. Бабка, как стало известно о концерте, шила и вышивала, не разгибаясь, чтоб в хороводе Санька с Лилькой были не хуже других. И Ларьке, чтоб не ревел, сшила новую рубашку, розовую. И он сам в своей лучшей рубашке, красной, с витым шнурком-пояском. И у Саньки с Ларькой такие же пояски, а у Лильки тканой узкой полоской с красными кисточками на концах. Но ведь одежда – это так, пока рот не откроют.

И пока на сцене пели и плясали, Артём сидел как на иголках, немного успокаиваясь только на чтении стихов. Но всё обошлось благополучно. Ни Санька, ни Лилька не сфальшивили и в танце не сбились. Артём самодовольно улыбнулся: недаром он их две недели каждый вечер гонял и учил. Послушал тогда под дверью, как учат, запомнил мелодию с голоса и учил. Даже Ларька гудел в тон, не сбиваясь.

Хлопая долго и упоённо. Отбивая ладони, Громовой Камень про себя решил: на следующий год он хоть одну песню с танцем, но сделает. Танец... подберёт, что попроще и не военный, конечно... барабан и бубен... это он сам и сделает, а одежде... ну, там с родителями придётся поработать, но тоже – вполне решаемо.

Василиса Васильевна поблагодарила пришедших и объявила концерт оконченным. И сразу шум голосов, смех, аплодисменты и толкотня вокруг учителей. Каждый хотел поблагодарить, посоветоваться, спросить о своём, что дескать, как мой или моя...

И в этой круговерти Санька и Лилька подтащили Артёма к Валерии Иннокентьевне.

– Вот, это Тёмка...

– Он, знаете, как поёт здорово...

– Он нас учил, вот...

– Он всех перепоеёт, запросто!

Покраснев до тёмно-бордового цвета, Артём затравленно огляделся, не зная, куда бежать и у кого просить помощи. Вот травил его мальцы, ну, он им дома за всё врежет. Если сейчас обойдётся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.